

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей

Притяжение-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 4(11)

Осень-2019

Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
П 77

*Коллективный сборник авторов-дальневосточников,
членов Хабаровского РО РСП*

Редакционная коллегия:

*Пысина Галина Александровна,
Разумов Георгий Львович,
Крадожен-Мазурова Елена Михайловна,
Сулова Ольга Сергеевна*

Художник-иллюстратор:

Суркова Надежда Ивановна

П 77   **Притяжение-ДВ:** Литературно-исторический альманах. Выпуск 4(11). – М.: Издательство «Спутник +», 2020. – 252 с.

ISBN 978-5-9973-5458-9

Дальневосточная, амурская осень... Невозможно передать все оттенки цвета, присутствующие в амурской осени – таково их разнообразие.

Аналогию можно провести и с творчеством дальневосточных авторов. Многонациональная культура Хабаровского края порождает разноцветие поэзии и прозы дальневосточников, в основе своей талантливых, замечательных, великодушных жителей Планеты Земля. И об этом – выпуск осень-2019 литературно-исторического альманаха «Притяжение-ДВ».

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5458-9

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1 Проза	
<i>Часть 1 Публицистика</i>	
<i>Елена Крадожен-Мазурова</i>	
Прикладная лингвистика: некоторые вопросы проведения судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства.....	11
 <i>Галина Пысина</i>	
Обучение и воспитание – неразрывные части образовательного процесса	18
 <i>Часть 2 Документальная проза</i>	
 <i>Михаил Задорнов</i>	
Глава из книги «Слава роду!» Дед-Всевед	35
 <i>Лидия Люся</i>	
Знакомство с Всеволодом Петровичем Сысовым	38
 <i>Изольда Казанова</i>	
Он был родом из Амурских казаков.....	41
 <i>Алла Давидович</i>	
Встреча с ангелом	50
 <i>Надежда Суркова</i>	
Новая жизнь. Мир книжной графики Все приходит с опытом.....	61
 <i>Лидия Смирнова</i>	
Грозные воды.....	68
 <i>Часть 3 Художественная проза</i>	
 <i>Ольга Бунина</i>	
Когда ты отсюда уедешь.....	69

<i>Ольга Сулова</i>	
Медведица.....	81
<i>Антонина Кухтина</i>	
Телёнок.....	84
Вражда.....	88
<i>Людмила Скрипченко</i>	
Господа.....	92
Настоящий Женский день	93
<i>Георгий Разумов</i>	
Крестик.....	95
<i>Сергей Бойченко</i>	
Сладкие груши детства	103
<i>Татьяна Эхо</i>	
Из детства	110
<i>Тамара Коваль</i>	
Тамариска.....	130
<i>Игорь Мосин</i>	
Судьба	174
<u>Раздел 2 Конкурсные работы</u>	
<i>Ольга Сулова</i>	
Театр	
Году театра-2019	196
<i>Ольга Бунина</i>	
Остров Сахалин, А. П. Чехов	198
<i>Алла Давидович</i>	
Выборы в России. 2018	200
<i>Виктор Тюменцев (город Благовещенск)</i>	
Как же всё-таки важно в Алеппо	202

<i>Борис Марков (город Хабаровск)</i>	
О героях, пароходах и человеках	204

Раздел 3 Поэзия. Наши стихи – хабаровской осени.

<i>Станислав Щетинкин</i>	
К 1-му Сентября	207

<i>Людмила Скрипченко</i>	
Бабье бабье лето	210
Дивная краса	210
Осенний лес	211
Костерок	211
Осенний карнавал	212
Только миг	213

<i>Татьяна Модестова</i>	
Бабьего лета короткий полёт	215
А на дворе, похоже, лето	215
Идите и встречайте осень	216
Привет, осенняя прохлада!	217
Ещё не время	217
Ускользает осень, ускользает	217

<i>Галина Пысина</i>	
Осень	219
Амурские закаты	219
Осенний привет	220
Покрова	221
Шугоход	222
8 ноября в Хабаровске	222

<i>Елена Перевалова</i>	
За окном две рябины красоты несказанной	223

<i>Надежда Суркова</i>	
Наводнение	224
Осень пришла с затяжными дождями	224
Осенний вечер синей птицей	225
Уж слетает желтый лист	226

<i>Георгий Разумов</i>	
Осенний романс.....	227
Осень печальные . . .	227
Октябрьский день . . .	228
Осенний пейзаж.....	228
 <i>Валерий Симаков</i>	
Кому то надо было	
покалечить мировоззрение мое.....	229
Спасите журавля	230
 <i>Ольга Сулова</i>	
Н.К. Бодаревский. Заблудилась Грибная пора	232
Осенний Хабаровск.....	233
Осенний Амур	233
Осень в лесу.....	234
В багрянце осень	235
По Амуру шагала упрямо	235
 <i>Светлана Безрукова</i>	
Осень	237
Интересно жить, когда ты создаёшь.....	237
 <i>Галина Усова</i>	
Осенний миг	238
 <u>Мемориальная страничка –</u>	
<u>поэтам Дальнего Востока посвящается.</u>	
В городе президентского внимания.....	239
<i>Гранит Пересторонин и его стихи</i>	241
Вместо эпилога	246
Библиографическое приложение	248

Предисловие

При подготовке каждого выпуска альманаха «Притяжение-ДВ» мы помним, что поименовали его достаточно претенциозно: «Литературно-исторический». Поэтому по временному периоду, охватываемому очередным выпуском, мы окидываем взглядом проходящий сезон, выявляя важные для дальневосточной литературы исторические даты и события. Бесспорно, такой именно датой, которую хочется выделить в «Притяжении-ДВ» №4 (11), осень-2019, является 24 ноября – День памяти (дата рождения) Всеволода Петровича Сысоева. Мы, как всегда, камерно, собрались накануне этой даты в краевой библиотеки, вспомнили Всеволода Петровича, почитали отрывки из его книг и из книг о нем, вспомнили о его великих делах и начинаниях, которые живут в городе и крае... И даже устроили маленький турнир поэтов: чтение авторских стихотворений об уникальном дальневосточном хищнике – тигре. Победителем признали Ольгу Суслову, автора поэмы «Тигрица».

Валерий Симаков в очередной раз напомнил нам, что такие авторы, как Арсеньев и Сысоев являются первыми в мире основателями натуралистической литературы. Они писали свои произведения о природе, как краеведы, натуралисты, охотники, исследователи тайги и жизни таежных обитателей.

Лидия Люсяя пояснила, что именно Всеволод Петрович стал инициатором учреждения Музея истории города Хабаровска (без которого сейчас трудно себе представить наш город), инициатором появления конкурса «Лучший хранитель истории», инициатором и организатором, стоявшим у истоков появления в крае

Приамурского зоосада, гордо носящего имя своего основателя – В.П. Сысоева.

Читаешь материалы очередного журнала для детей «Ригменок» (редактор А.Таенкова), в котором обязательно есть цитаты из произведений Сысоева о зверях нашего края, и понимаешь современное значение творчества Сысоева для подрастающего поколения. Стоит проинформировать читателей альманаха, что 25 декабря 2019 года в Правительстве Хабаровского края прошла торжественная церемония награждения победителей краевого конкурса «ЭкоЛидер-2019». В номинации «Профи» это звание присвоено научному сотруднику зоосада «Приамурский» А.Таенковой за авторскую программу «Эко-квест «Лососевые старты». Среди бюджетных учреждений лучшим отмечен зоосад. Кроме того, Хабаровская краевая ассоциация «Здоровье и семья» за внедренный партнерский проект по социальной адаптации «особенных» детей с помощью зоотерапии и поддержанный Фондом Президентских грантов, удостоена звания «ЭкоЛидер-2019» в номинации «Учреждения и организации». Эта деятельность также в свое время нашла безусловную поддержку В.П. Сысоева.

Из воспоминаний очень многих известных людей края и города мы знаем и о других инициативах В.Сысоева. Например, лестница от берега Амура к Успенскому Собору, так гармонично вписавшаяся в естественный ландшафт высокого амурского берега – реализация его мечтаний о создании в Хабаровске лестнице, подобной знаменитой одесской...

Сысоев имел непререкаемый авторитет в мировом масштабе. К нему лично приезжали великие современники, и в том числе известные писатели М. Шолохов, Н.Задорнов, А. Солженицын, многие мировые

лидеры. Михаил Задорнов стал тем известным нам всем знаменитым артистом и личностью, в какой-то мере, благодаря влиянию на него в молодом возрасте В.Сысоева, чего тот никогда не скрывал – с одной стороны, с другой стороны, такой вывод приходит сам по себе после ознакомления с перепиской В. Сысоева и Н. Задорнова. В краевом архиве сформирован личный фонд В.Сысоева, где хранятся важные для писателя документы.

Чем больше читаешь об этом уникальном писателе, о Всеволоде Петровиче Сысоеве, всего шесть месяцев не дожившем до своего столетия, тем больше убеждаешься в значимости его личности не только для Дальнего Востока, но и, как оно и есть на самом деле, важности его для всей Планеты Земля. Осознаешь, почему имен он – единственный из всех дальневосточных писателей, чья биография Международным географическим центром в Кембридже занесена во Всемирную Британскую энциклопедию «Выдающиеся люди планеты». [1]

Как известно, детство и юность В.П. Сысоева прошли в Крыму.

Сысоев сравнивал Крым и Хабаровск, находил для себя много общего:

«Каждый человек, оставив родину, тоскует по ней, но когда поселяется на земле, напоминающей ее облик, успокаивается. Так произошло и со мной: сиреневая цепь гор, подступающих с юга к городу, излучина широчайшей реки, похожая на морской залив, крутые на подъем улочки, дикий виноград и «грецкий» орех под окнами моего дома – как это напоминает мне Ялту!

Хабаровск я полюбил с первого взгляда. Любовь эта усиливалась с каждым годом, и стал Хабаровск мне

второй родиной. Прелесть Хабаровска – в его местоположении: раскинувшись полсотней километров на волнистой местности, он понадвинулся к самому Амуру, за которым простираются до горизонта влажные прерии. Город утопает в пышной зелени, а над ним – голубое деревенское небо. Зима у нас сибирская, колючая, но зато: «Солнце во все небо!» А вот лето – знойное, влажное, как в северной Индии.

Когда о Хабаровске говорят, что по улицам медведи и тигры ходят, то это недалеко от истины. Конечно, тигры предпочитают обходить город предместьями, а вот медведи, особенно гималайские, нередкие городские гости. Посещают город волки и рыси, енотовидные собаки и ондатры. Что же касается колонков, ласок, фазанов, то их можно встретить часто. Объясняется это прежде всего близостью к городу Большехехцирского заповедника и – широким кольцом – садовых участков, способных укрыть и накормить наших меньших».

К теме жизни и деятельности В.П. Сысоева мы будем периодически возвращаться, тем более он – как основатель Приамурского зоосада, повседневно присутствует в нашей жизни и в жизни наших детей.

Переходя к структуре выпуска осень-2019, обращаем внимание, что этот выпуск представлен тремя разделами и мемориальной страничкой. Первый раздел, проза, удобно разделен на три части: публицистика, документальная проза, художественная проза. Второй раздел посвящен победителям конкурса одного стихотворения. Третий раздел – поэзия, здесь она с особым осенним ароматом. Мемориальная страничка посвящена Граниту Пересторонину, поэту из города юности.

Раздел 1 Проза

Часть 1 Публицистика

Елена Крадожен-Мазурова

Прикладная лингвистика: некоторые вопросы проведения судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства

Казалось бы, после создания в 2001 году Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) [1] и выхода в свет ряда работ членов Гильдии, не осталось «белых пятен» в теории и практике проведения судебных лингвистических экспертиз текстов в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако даже после неоднократного переиздания книги «Цена слова» практикующие лингвисты-эксперты, особенно начинающие, сталкиваются с рядом проблем.

ГЛЭДИС была основана не юридическими лицами, а известнейшими учёными, преподавателями вузов, филологами, юристами, библиографами. Объединение лингвистов и юристов в Гильдию было насущной необходимостью: стали нужны единые методики исследования текста в правовых целях, единство подходов к решению лингвистических проблем. Этот курс держит Председатель правления ГЛЭДИС, известный российский лингвист, доктор филологических наук, профессор М.В. Горбаневский. Его усилиями подготовлена Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов [2] осуществлен

ряд методических изданий. ГЛЭДИС ведёт большую просветительскую работу, размещает новые материалы на сайтах Гильдии, проводит семинары и конференции, формирует в регионах штат профессиональных лингвистов экспертов, исповедуя принцип «не набора, а отбора» в члены Гильдии. Член ГЛЭДИС, Е.И. Галяшина – доктор филологических наук, доктор юридических наук, полковник МВД в отставке, известный учёный и практик, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, предостерегает лингвоэкспертов от ряда ошибок, способных свести на нет все результаты экспертизы [3]. Новые подходы к решению проблем юрислингвистики демонстрирует монография А.Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [4]. В частности, для нас чрезвычайно важным является вопрос экспертизы текстов, включающих «невербальные составляющие: фотографии, коллажи, специальные графические приёмы». В книге А.Н. Баранова данному явлению посвящена глава 5 «Нестандартные объекты лингвистической экспертизы: тексты с невербальной составляющей», где намечены пути анализа корпуса подобных текстов. При достаточно большом объеме современной информации, касающейся проведения судебных лингвистических экспертиз, остается немало вопросов. Они относятся и к практическим, и к теоретическим аспектам работы лингвиста-эксперта.

Например, вопрос о классификации оскорбительных слов и выражений, несмотря на кажущуюся очевидность, продолжает оставаться спорным. Традиционно в группу оскорбительной лексики и фразеологии включаются инвективная и

обсценная лексика, а также следующие разряды слов и выражений:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: «мошенник», «жулик».

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основную семантику (значение), также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого лица: «расист», «предатель».

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении, обычно негативном: «палач», «мясник».

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие отрицательные свойства человека: глупость («осел»), неуклюжесть («корова»).

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: «воровать», «хапнуть».

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: «негодяй», «мерзавец».

7. Эвфемизмы (слова, заменяющие грубые, неблагозвучные выражения их нейтральными эквивалентами) для слов первого разряда (см. выше), сохраняющие, тем не менее, их негативно-оценочный характер: женщины легкого поведения.

8. Специально негативно-оценочные каламбурные образования: «коммуняки», «дерьмократы».

Кажется, всё ясно. А между тем, бурю эмоций вызвал выход в свет Словника оскорбительных слов и

выражений (для служебного пользования сотрудников Управления Федеральной службы судебных приставов РФ по Хабаровскому краю), Хабаровск, 2009.

Газета «Хабаровский экспресс» от 23 июля 2009 г. разместила на 1-2 страницах материал, включающий невербальную (визуальную) составляющую: фото мужчин с заклеенным крест-накрест чёрным скотчем ртом, поднявшим руку в демонстративно неприличном жесте (все пальцы сжаты в кулак, а средний выставлен вперёд). Фото снабжено жирно набранной надписью «КАСТРАЦИЯ ЯЗЫКА», а на обороте, на стр. 2, статья озаглавлена «Языкознание в законе». Надпись отсылает читателя к арготическому выражению «вор в законе». Автор статьи, Ирина Харитоновна, не считает оскорбительными слова и словосочетания, типа: «алконавт вонючий», «дурёха» и подобные, произнесённые в адрес участников судебного заседания в зале суда, и полагает, что лингвисты, относящие данные лексемы к ненормативной лексике, субъективны. Те, кто солидарен с её мнением, упускают из виду, что подобные высказывания идут вразрез с требованиями Закона. 1 июня 2005 года был принят Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Статья 1, пункт 6 определяет: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». В зале судебных заседаний участники судебного процесса должны использовать нормативную лексику и фразеологию, в процессе судопроизводства используется русский язык именно как

государственный язык Российской Федерации. Слова же и выражения, так удивившие хабаровскую журналистку, снабжены словарными пометами, свидетельствующими об их ненормативности (например, в таком словаре, как Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [5]

Обратимся к суждениям независимых лингвистов, представляющих свои мысли в сборнике Юрислингвистика. [6] В статье Р.В. Насырова «Нормативный текст и корпорация экспертов (или о способах институционализации права)», опубликованной в данном сборнике, ставится вопрос о возможности однозначной юридической квалификации правовых ситуаций, в частности, связанных с защитой чести и достоинства. Имеет ли права субъект юрислингвистической экспертизы на то, что у юристов называется усмотрением или «широким» толкованием нормы права? Возможно ли выработать обобщение и четкие критерии лингвистической оценки слов и фраз, как посягающих на доброе имя субъекта права или наносящих ему моральный вред?» По мнению автора, ответ на последний вопрос должен быть положительным, так как он предполагается самим принципом научности, который требует выявления общих закономерностей функционирования объекта исследования. Но уже давно замечено, что в гуманитарных науках общие выводы и соответствующие рекомендации практиков носят условный и примерный характер. Социальные явления не укладываются в классическое представления о научном методе, «поскольку эти явления уникальны и поскольку в основе социальных процессов лежат действия человека, обладающего внутренней активностью, свободой воли».

Р.В. Насыров считает, что необходимо признать: правовые нормы обобщают типичные, наиболее распространенные общественные отношения и ситуации. ...Поэтому судья и эксперт должны быть готовы к встрече с нетипичными правовыми вкусами, которые не могут быть разрешены в стиле «отмерил и отрезал».

Автор статьи остроумно предлагает рассмотреть два примера. *Казус 1: ответчица А. Каждый день «приветствует» свою соседку – истицу В. – фразой: «Чтоб ты подохла, уродина!»* Ситуация проста. Эксперт-лингвист, ссылаясь на толковый словарь русского языка, констатирует, что ответчица использует оскорбительные, экспрессивно-иронические слова, недвусмысленно желает истице смерти и оскорбительно отзывается о её внешности. *Казус 2: истица В. пострадала в автоаварии, и её лицо обезображено, и ответчица А. каждый день «приветствует» её ехидной фразой «Здравствуй, красавица!»* Если лингвист будет следовать своей привычной методике, то он сделает вывод об отсутствии оскорбления и нанесении моральных страданий – ответчица желает здоровья истице и положительно отзывается о её внешности.

Второй казус может быть разрешен обоснованно и справедливо только с использованием не классической, а так называемой «контекстной» (диалоговой, коммуникативной) методологии. Адекватное восприятие фразы невозможно без учёта контекста. Фразу необходимо исследовать не просто как источник информации, а именно как высказывание». Насмешки хабаровской журналистки над судебными приставами, изучающими Словник, оказываются, как видим, неуместными. Ведь произнесенные в определенном контексте нейтральные слова: «козёл» и

«сука»), как и развеселившее её «дурёха»), высказанные в адрес участников судебного процесса, государственных обвинителей, становятся оскорбительными.

Что же касается субъективизма экспертных оценок спорных текстов, входящих в категорию исследуемых в связи с процессом о защите чести, достоинства и деловой репутации, то ошибкой, граничащей с небрежностью, следует считать проведение лингвистической экспертизы текста с опорой на лексикографическую базу одного словаря. Попутно заметим, что в исследованиях используются нормативные (чаще – академические) словари, например, МАС и другие словари [7]. Недостаток лексикографического материала может сузить толкование слова, не позволить выявить все семантические оттенки, реализуемые контекстом, что повлечёт за собой необъективные выводы. Эксперт должен давать заключение только в пределах своей компетенции. Даже небольшой перечень проблемных вопросов, стоящих перед практиками – лингвоэкспертами, показывает, как непросто решать проблемы на «стыке» языка и права, вторгаясь в область прикладной лингвистики – юрислингвистики.

Каковы, на наш взгляд, перспективы развития этой области филологии? Не нужно быть предсказателем, чтобы прогнозировать масштабное развитие данного направления языкознания. Рост правосознания граждан России, с одной стороны, и снижение культуры речи – с другой, станут основой исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. Следовательно, востребованными будут знания и умения экспертов-лингвистов, на основании заключений которых во многом базируется решение суда.

Галина Пысина

Обучение и воспитание – неразрывные части образовательного процесса.

Любые правоотношения порождают комплекс прав и обязанностей у субъектов этих правоотношений. Создаваемые нормативные акты и федеральные законы регулируют определенный круг правоотношений между субъектами в конкретной сфере жизни общества. При этом на любое субъективное право одного гражданина закон предусматривает и соответствующую субъективную обязанность другого.

Для наглядности: каждый несовершеннолетний (и не только) имеет право учиться – получать услуги, гарантирующие ему среднее образование.

Чтобы несовершеннолетний мог реализовать именно это субъективное конституционное право, закон предусматривает и субъективную обязанность занятых в области образования лиц осуществлять деятельность по предоставлению услуг обучения (и воспитания) детей в объеме, как минимум, обязательного среднего образования.

Исходя из этого правового постулата демократического общества и правового государства – на каждое субъективное право есть субъективная обязанность (и наоборот – чья-то субъективная обязанность гарантирует чье-то субъективное право), проанализируем нормативный акт на предмет коррупционной составляющей, а именно Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ. При этом подчеркнем то обстоятельство, что каждый ФЗ, а, следовательно, и Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ (в дальнейшем –

ФЗ), в обязательном порядке должен соответствовать требованиям Конституции РФ, гарантирующей своим гражданам определенный комплекс прав как в сфере образования, так и общечеловеческих, неотъемлемых прав.

Может ли иметь место коррупция в образовательной деятельности, и чем она обусловлена? Мнения многих авторов, которые исследовали данную проблему, сходятся в одном: коррупция в сфере образования существует, как на низовом уровне (в процессе обучения, приема в учебное заведение, при сдаче промежуточных и выпускных экзаменов), так и на высшем (при аккредитации, лицензировании, распределении бюджетных средств).

Коррупция» в переводе с латыни означает «растлевать» (согumpere), «подкуп», «порча» (согruptio). На первое место при исследовании причин коррупции во всех сферах деятельности, в том числе и в образовательной, поставлено несовершенство закона. Неслучайно, государство (ФЗ от 17.07.2009 №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») обязанность производства экспертизы нормативных правовых актов на коррупционную составляющую возложило на органы прокуратуры, призванные осуществлять надзор за исполнением законов. Во исполнение указанного ФЗ и Постановления Правительства РФ от 26.02.2010 №96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» Генеральный прокурор детализировал деятельность прокуроров в приказах от 28.12.2009 (в ред от 09.02.2012) № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых

актов» и от 03.04.2014 №175 «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ, содержащих нормы права». Правила и методика проведения антикоррупционной экспертизы утверждены правительством РФ.

Одним из самых важных составляющих антикоррупционной экспертизы является выявления фактов несоответствия Федеральных законов Основному Закону страны – Конституции РФ. Проводить антикоррупционную экспертизу могут лишь определенные в ФЗ и Постановлении правительства специально уполномоченные лица. Цель данной публикации обратить внимание общественности и уполномоченных должностных лиц на некоторые несоответствия и конфликты интересов, присутствующие в ФЗ и могущие послужить основанием к процветанию или возникновению коррупции.

Соответствует ли исследуемый в данной статье ФЗ требованиям Конституции РФ? Нет ли в ФЗ таких моментов, которые можно расценивать, как его коррупционную составляющую, способную «растлевать» или осуществлять «подкуп»?

Каков момент возникновения образовательных отношений между государством и гражданином, имеющим право на получение образовательных услуг? Исходя из общих конституционных норм, право на образование (обучение и воспитание) у каждого возникает с момента рождения. И это право не зависит от того, является ли ребенок слушателем того или иного образовательного учреждения. Следовательно, и

обязанность дать образование (обучить и воспитать) каждому у государства возникает с момент рождения человека. Другое дело, на кого конкретно и на какое учреждение такая обязанность возлагается.

В статье 53 ФЗ написано, что основанием возникновения образовательных отношений является распорядительный акт организации, осуществляющей образовательную деятельность, о приеме на обучение. Исходя из этого до момента издания распорядительного акта о приеме на обучение, никаких образовательных отношений в нашем обществе не существует, что явное противоречит конституционным нормам.

Часть 1 статьи 43 Конституции РФ гарантирует каждому право на образование. В части 2 статьи 43 Конституции РФ указано: «Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях». Часть 3 этой же статьи закрепляет особенности гарантии получения высшего бесплатного образования. ФЗ в части определения механизма обеспечения детей дошкольными образовательными услугами не соответствует общей конституционной норме о гарантии дошкольного образования, каждому.

Как определить, каждый или не каждый обеспечен гарантией получения образовательных услуг в указанном Основным Законом объеме? Отраслевые нормы права должны предусматривать обязанность конкретных субъектов, участвующих в реализации правоотношений в сфере образовательной деятельности, выявить всех или максимально всех граждан страны – малолетних граждан, у которых такое право возникает с их рождением. Все ли дети с установленного возраста

допущены к получению бесплатного дошкольного образования, каждый ли ребенок в семь или шесть лет становится у нас первокласником и посещает школу?

На этот вопрос не ответит ни один чиновник, участвующий в той или иной мере в образовательной деятельности, так как ФЗ (статьи 5,6, 28, 48) не возлагает ни на кого из них обязанность выявления и учета малолетних, подлежащих дошкольному обучению и обучению в школе в рамках обязательного среднего образования. Таким образом, с самого начала своей жизни в обществе ребенка лишают права: получить гарантированное Конституцией РФ образование в своей стране и на своем родном языке.

Очень близко к этому примыкает проблема иностранного усыновления детей дошкольного возраста, которые содержатся не при образовательных учреждениях, а при лечебных, медицинских учреждениях – домах ребенка, состоящих в системе министерства здравоохранения, или в социальных приютах системы социальной защиты населения, на которые не возложено осуществление дошкольных образовательных функций.

Изначально малыши лишаются конституционной гарантии получить дошкольное, а затем и обязательное среднее образование в стране своего рождения и на своем родном языке.

Обязанность в раннем возрасте дать образование ФЗ возлагает лишь на родителей ребенка. В части 1 статьи 44 ФЗ закреплено положение, согласно которому родители обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка. Исходя из этого, и вся ответственность за погрешности в этой области также возлагается на родителей ребенка.

И совсем нет норм права в данном ФЗ, кто же несет ответственность за образование (обучение и воспитание) детей в домах ребенка и детских домах, социальных приютах и Центрах временной изоляции – в отношении детей, имеющих серьезные проблемы со своими морально-деградированными родителями, не способными реализовать свое «преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами» (ч.1 ст.44 ФЗ). С одной стороны. Другая сторона в этой проблеме: как быть детям с их гарантированным Конституцией правом на образование, если родители в силу недостаточной образованности не могут гарантировать им качественное образование (обучение и воспитание) в дошкольном возрасте? Кто таких детей выявляет и как таких детей образовывает (обучает и воспитывает) общество? Или они уже изначально обречены на маргинальное существование?

Следует сделать вывод, что отсутствие в ФЗ норм, закрепляющих обязанность дошкольных учреждений или учреждений, содержащих дошкольников, заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка при особых обстоятельствах, способствует неправильному расходованию бюджетных средств этими учреждениями и возрастанию возможности коррупционных рисков при образовании (обучении и воспитании) детей дошкольного возраста.

В ФЗ (глава 3) нет нормы, регламентирующей или типизирующей деятельность домов ребенка, социальных приютов, Центров временной изоляции, как специфических учреждений с образовательными функциями.

Замалчивает ФЗ статус большинства детей-воспитанников детских дошкольных социальных

учреждений, как для детей дошкольного, так и школьного возраста. Являются ли работники социальных учреждений для детей субъектами правоотношений в образовательной деятельности? Ответа на этот вопрос в ФЗ нет.

Закрепляя обязанность родителей за первоначальное обучение и воспитание детей, ФЗ оставляет без внимания не только роль общества в этом образовательном процессе, но и роль семьи. Совершенно не согласованы норма ФЗ с нормами семейной отрасли права, гарантирующей каждому семейное образование, размыто понятие «семья», как традиционно важной ячейки общества, нарушается связь и преемственность поколений.

В школе, как в основной, обязательной, общей – любое слово применимо, так и в дополнительной или вспомогательной, от участия в образовательном процессе устранено старшее поколение: бабушки и дедушки, а в некоторых крепких семьях и более старшее поколение. У старших нет права посещать собрания, обращаться к руководству любого детского образовательного, да и лечебного учреждения – их просто там никто не будет слушать. Или имеют право не слушать. Не обязаны слушать.

Так, часто приходится слышать старшему поколению: «Вы почему пришли по поводу своего внука (внучки), у вас что, опека установлена? Или родителей у ребенка нет? Родители устраняются от воспитания детей – перепоручив это вам?» Последняя фраза произносится уже с устрашающими нотками: родителей можно и наказать, раз они «устраняются» от обязанности по обучению и воспитанию, прямо возложенной законом лишь только на них одних.

Старшее поколение лишено права в определенной части или при определенных условиях участвовать в воспитательном, в целом в образовательном процессе, даже если они проживают в одном жилом помещении и одной семьей и с малолетними, и с их родителями, имеют общий семейный бюджет, а нередко одинокая мама какое-то время живет с ребенком лишь на пенсию своих родителей. Почему ФЗ так суров в отношении бабушек и дедушек, полностью исключив их из субъектов образовательных отношений?

В любом случае, законодательное устранение от участия в воспитании и обучении внуков, на руку лишь коррупционерам: даже от беседы с опытными и достаточно образованными старшими членами семьи (каковыми те является по Семейному кодексу РФ) они могут всегда уклониться, не говоря уже о решении каких-либо проблемных вопросов!

Отмахнуться, как от назойливых мух, от старших, проще всего. Читает внук по школьной программе повесть «Капитанская дочка» (автор А.С. Пушкин). Спрашиваю: «Кто такой Пугачев?» Он с готовностью отвечает: «Это – бандит!». Удивляюсь: «Так написал Пушкин?» Отвечает: «Нет, у Пушкина так не написано. Это нам учитель истории сказала, что Пугачев – бандит». Поучаю: «Бандиты грабят и убивают всех подряд из корыстных побуждений, а Пугачев был предводителем крестьянского движения, крестьянской войны. Можно сказать, что он был разбойник, но мотивы его действий не в корысти, а в стремлении устроить жизнь более справедливо, как он считал. Прав он или не прав – это уже другой вопрос». После такой беседы – грустно.

Вновь обращаю свой взор к ФЗ. Педагог свободен выбирать программу и методику обучения, свободен в целом в своей педагогической деятельности (п.п.1,2 ч.3 ст.46 ФЗ). Но еще древние философы говорили: «Жить в обществе, и быть свободным от общества – невозможно». Свобода педагога должна быть ограничена законодательно рамками образовательных стандартов.

Абсолютная свобода приводит не к эффекту повышения образованности выпускников, а к вседозволенности работников образовательных учреждений, не известно по каким стандартам, определяющих количество и качество учебников, авторов научных пособий и рабочих тетрадей, атласов и контурных карт, приложений к учебникам.

В этом году вдруг сделала для себя открытие: оказалось и к учебникам одного и того же автора имеются рабочие тетради разных авторов. Родители и старшее семейное поколение в поисках рабочей тетради нужных авторов к нужному учебнику конкретного автора, который (автор учебника) сам свой не только в разных школах, но еще и в разных классах одной и той же школы. Учебниками, учебными пособиями, рабочими тетрадями и другими приложениями к учебнику заполнены от пола до потолка стеллажи отделов учебной литературы всех книжных магазинов страны. «А вы слышали, Куликовой битвы и не было», «А вы знаете, вторую мировую выиграла вовсе не мы – совсем другая страна», «А, самое важное, вовсе не Менделеев придумал свою таблицу...»

Каждый автор свободно пишет в своих учебниках что хочет, и это печатают за счет бюджетных средств. На прилавки книжных магазинов выбрасывают учебную литературу, которая в перспективе никому не

нужна. Между прочим, акт коррупции уже состоялся – книга согласована с нужными учреждениями, издана, бюджет «похудел» как раз на стоимость полиграфических работ. И какова судьба такого учебника?

Контроль никто не осуществляет. ФЗ вопросы контроля за качеством и количеством изданной учебной литературы, соответствием учебных материалов стандартам, обучение на различных этапах образовательной деятельности, не регулирует. Рекомендации по применению другого учебника напишут другие люди. По некоторым источникам у нас в стране за счет бюджета издается около 3 тысяч различных учебников.

Применительно к осуществлению образовательной деятельности никто из педагогов не вправе допускать отступления от утвержденных стандартов обучения. Свобода выбора каждого педагога ограничена стандартами. Это должно быть четко закреплено в ФЗ, и именно такое ограничение свободы преподавания позволит относиться к образовательной деятельности, как к деятельности государственной, имеющей важное общественное значение. В этих стандартах и должно быть указано как раз то самое необходимое: кто же такой Пугачев?

И учитель истории, и учитель литературы должны выражать не свою точку зрения (хотя это возможно вполне, а в некоторых случаях важно), но вначале согласовано и верно ориентировать учащихся на объективную оценку личностных исторических характеристик, исходя из установок обучающих стандартов, результата научного коллективного подхода. И лишь потом прокомментировать – в зависимости от возраста обучающихся, свое отношение

к тому или иному литературному герою, историческому факту, важному обстоятельству обучения.

Вероятно, именно это право – безграничной свободы в своей образовательной деятельности (и в обучении и в воспитании) позволяет сейчас педагогам обыскивать учеников перед ЕГЭ, публично унижая и оскорбляя их, да еще и с трансляцией в средствах массовой информации, в том числе по всем новостным телевизионным каналам.

Почему игнорируется законность и правопорядок в сфере соблюдения прав граждан, хотя и несовершеннолетних? Конституция запрещает насильственные действия – обыск без санкции суда, допускает производство обыска и даже досмотра лишь строго определенному кругу правоохранителей, притом, каждому в своем объеме.

Педагог принимает на себя функции полицейского, следователя, прокурора, и, даже, органов правосудия. Такие действия и педагогов, и руководителей школ – чистая коррупция: кого хочу, выведу на чистую воду и ославлю на весь мир, кого хочу, помилую и никто не узнает ни о «шпорах», ни о покушении на использование данных из сотовых телефонах. Как тут поступать правильно? Есть правила сдачи ЕГЭ. Эти правила ученику разъяснены. Учитель должен смотреть лишь за тем, чтобы эти правила соблюдались.

Если заметит нарушение правил, то работа не принимается, ставится отрицательная отметка, и ученик получает право пересдачи ЕГЭ в другой раз. Никакие обыски и публичные досмотры производиться не должны. Это нарушение общезначимых конституционных прав человека и гражданина, а именно ниже приведенных статей Конституции РФ,

имеющей прямое действие: ст.ст.18 (права и свободы человека являются непосредственно действующими), 22 (каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность – ограничения по решению суда), 23 (каждый имеет право на тайну телефонных переговоров – ограничения по решению суда), 35 (право частной собственности), 38 (детство – под защитой государства), 45-46 (гарантируют юридическую защиту), наконец, ст.49 гарантирует презумпцию невиновности каждому, в том числе и подростку, пришедшему на экзамен по ЕГЭ.

Кроме того, присваивая полномочия должностных лиц системы правоохранителей и правосудия – по досмотру, обыску и объявлению заведомой виновности подростка, педагог сам совершает действия, которые формально содержат в себе признаки соответствующего уголовно-наказуемого деяния. На все эти субъективные конституционные права выпускников школ у педагога лишь одна субъективная обязанность: соблюдать права выпускников, гарантировать их соблюдение при сдаче ЕГЭ.

Обратите внимание: даже в полете мы не сдаем свои телефоны и смартфоны, планшеты и компьютеры, нам предлагается переключить электронные приборы в соответствующий режим.

Осуществляется визуальная проверка, чтобы никто не пользовался электронными приборами при взлете и посадке самолета в целях безопасности полета, но никто не обыскивает пассажиров. Досмотр и турникеты в школе установлены в целях безопасности: исключить факты появления в школе взрывоопасных и легковоспламеняющихся веществ. Для других целей досмотра в школе нет и быть не может.

Первоначально родители выбирают педагога и учебное учреждение по своему усмотрению. Нередко такое учреждение находится вне зоны их постоянного места жительства. Будущий обучающийся (статус по ФЗ) по отсутствию информации и недостаточного субъективного знания родителей, не посещал в конкретной школе подготовительные курсы для того, чтобы быть принятым именно в эту школу, не прошел собеседование у психолога.

Так, один 6-летний ребенок при попытке родителей устроить его на обучение с шести лет, не выполнил просьбу психолога символично нарисовать мужчину и женщину. Просто отказался рисовать. Психолог констатировала недостаточное психического развитие ребенка, на основании чего ребенок сочтен не прошедшим собеседование и не подлежащим обучению с шести лет. Мальчик позднее объяснил матери, что мужчина и женщина друг от друга не только брюками отличаются, поэтому он и не стал рисовать.

ФЗ не предусматривает при поступлении на обучение проведение с детьми подготовительных занятий в школе, проведение психологических тестов и собеседований, но и не запрещает такие действия педагогических и административных работников школ. Отсутствие законодательного регулирования оснований и способов поступления детей на обучение в конкретные школы или к конкретному педагогу порождает коррупцию – дачу и получение взяток и подарков за устройство детей на начальное обучение, узаконенную добровольно-принудительную систему оказания спонсорской помощи администрации школы.

Примыкает к этому проблема юридического статуса школы. На базе школ учреждается лицей – более качественное в образовательном плане учебное

заведение, как оно изначально предполагается. Фактически лицеем является лишь один из старших классов школы, а все остальные классы к лицее не относятся. И, если родитель полагает, что пройдя все испытания, сумел пристроить обучающегося в хороший специализированный лицей, то он заблуждается. По окончании начальной школы с получением отдельного свидетельства об образовании еще предстоит выдержать экзамен для поступления в следующий класс этой школы – но уже в специальный.

И не факт, что сообразительный ученик этого же учебного заведения будет учиться в специализированном классе. Какие здесь препятствия к обучению? Обыкновенная коррупция. Других препятствий – нет. ФЗ не регламентирует порядок формирования специальных классов в отдельно взятой школе, порядок приема в такие классы обучающихся из этой же школы или из других мест.

Но вернемся к правовым основам образовательной деятельности в школе. Затронем проблему преемственности обучающих программ и их соответствие стандартам обучения. Известно, что начальная школа перестроила свои обучающие программы с учетом изменившихся общественных, экономических отношений, политической ситуации в стране. Программа обучения в начальной школе в основном подведена под соответствующие стандарты, отвечающие требованиям времени. Это не означает, что коррупционность в оказанной сфере снижена до полного ее отсутствия.

Существует конфликт интересов, что дает почву коррупции: получению незаконной прибыли недобросовестными работниками сферы образовательной деятельности. Здесь есть свои

упущения, которые заключаются в отсутствии единых стандартов обучения по всем начальным школам.

Огромное количество различных учебников, авторов, дополнительных изданий и приложений к учебникам именно того, нужного для свободного в полете педагогической мысли работника образования, – такая сложная дилемма для учеников и их родителей, всех членов семьи обучающегося. Это также не может не быть напрямую связано с коррупцией.

Осуществляется дополнительный сбор денежных средств на учебники и тетради (хотя в школьных библиотеках, как положено по ФЗ, есть учебники, но это не те). Родители разыскивают необходимые источники, а ученики, не обеспеченные учебной литературой к началу нового учебного года, получают от учителя в лучшем случае красные метки в дневнике: «Нет рабочей тетради», в худшем – отстают от программы и с трудом ее нагоняют при помощи образованных родителей и репетиторов. Или получают ту самую оценку для подстраховки «2», снимающую всякую ответственность с обучающего учреждения. Свобода выбора – у педагога. Свободы выбора у обучающегося – нет.

Начальная школа стоит особняком от остальных этапов обучения. Обучающимся вручается свидетельство об окончании начальной школы, и далее они подлежат обучению в иной образовательной системе, хоть и расположенной в той же школе. На этом периоде обучения (с 5 по 9 класс) программа обучения до сих пор не отработана на должном уровне и в большинстве своем не отвечает требованиям преемственности обучающих программ.

Наблюдается порой, что при обучении в 5 классе подростки возвращаются к темам, изученным

достаточно полно в начальной школе, не имеют учебников, соблюдающих преемственность программ, по основным предметам.

И в заключение о воспитательной функции. Как уже упоминалось, основанием возникновения образовательных отношений является соответствующий акт о приеме на обучение – следует из редакции ч.1 ст.53 ФЗ. Образование – это только обучение, обучение без воспитания? Возможно ли, разделить обучение и воспитания?

В Рекомендациях ЮНЕСКО от 05.10.1966 «О положении учителей» имеется перечень обязанностей учителя, среди которых указана и обязанность: осуществлять обучение и воспитание ребенка с учетом специфики преподаваемого предмета, воспитывать учащихся и родителей на положительных примерах.

Статья 48 ФЗ закрепляет в 11 пунктах обязанности и ответственность педагогических работников. В п.5 сказано, что педагог обязан «применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания».

Из этой статьи не следует, что педагог наряду с обучением обязан и воспитывать обучаемого. Есть еще в нескольких статьях упоминание слова «воспитание».

В статье 35 это слово применяется в отношении права пользования обучающимся учебниками, учебными пособиями, средствами обучения и воспитания.

В статье 2 ФЗ дано понятие воспитанию – это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самореализации и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-

нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Но нет в этой статье разъяснение понятия «средства воспитания». В народе, правда, существует такое понятие, о котором вслух говорить не стоит. Так о каких средствах воспитания для детей и юношества говорит нам законодатель?

ФЗ лишь в одном месте указывает на необходимость осуществлять в совокупности обучение и воспитание детей. Речь идет о ч.1 ст.44 ФЗ (см. выше) с возложением такой обязанности на родителей и то: на первоначальном этапе жизни ребенка.

В дальнейших нормах ФЗ, при регулировании вопросов осуществления образовательной деятельности, обучение и воспитание обучающихся не стоят в одном ряду.

Из норм ФЗ не следует, что на педагогического работника наряду с обучающей функцией возлагается и обязанность воспитывать детей и подростков, которых педагог обучает, само же понятие «образовании» сужено до понятия «обучение», хотя образовательный процесс (образование) – симбиоз двух единых и неразрывных между собой процессов обучения и воспитания.

2015г

Часть 2 Документальная проза

Михаил Задорнов [1]

Глава из книги «Слава роду!»

Дед-Всевед

...Тут надо несколько слов сказать о Сысоеве. Его знали в Хабаровском крае все, кто считал себя охотником, таёжником, кто любил Арсеньева, кто помнил Дерсу Узалу...

Словом все, кто в то партийно-карьерное время искал спасения от обкомов, крайкомов и прочих «комов» на природе, в уединении, в тайге. Даже зимой он любил забуриться на заимку и никогда не участвовал в гонке по партийной узкокалейке.

Как и наши старообрядцы, был человеком природы. Всю жизнь оставался верен Создателю, что означало: умел радоваться той красоте, которую Творец создал на Земле-матушке.

Для зоопарков мира Сысоев отловил более ста медведей! Участвовал ни раз в поимке тигров с известными тигроловами.

Писал письма в политбюро с просьбой запретить охоту на уссурийских тигров, поскольку их осталось не более шестидесяти-семидесяти семей.

Под его руководством в Сибири после войны началось разведение соболей.

Потом его назначили директором Хабаровского краеведческого музея. Экспонаты для этого музея он добывал в тайге сам и мастерил их собственными руками.

Конечно, с возрастом меньше стал ходить в тайгу, зато больше оставалось времени заботиться о крае, бояясь с чиновниками. Начал писать книжку о зверях. Он видел в зверях человеческие характеры. А в людях – зверские привычки. Причём зверей зачастую считал добропорядочнее людей.

Например, искренне возмущался, когда смотрел мультяшки: «Лиса же не хитрая, а глупая. Поэтому и след запутывает, что дурра! Дороги найти не может». По Сысоеву получалось, что заяц – не трус, а храбрец. Волк – не дурень, а очень заботливый батя – любит детишек и никогда не изменяет своей половинке!

Один из его рассказов начинается с очень дерзкой для тех, кто воспитан мультяшками, фразой: «Серый был хорошим семьянином».

В этом рассказе Всеволод вывел Серого таким заботливым главой семьи, что ему искренне сочувствуешь, когда холодной голодной зимой он старается накормить свою семью, да еще не попасться на мушку охотника. Ведь тогда и любимая волчица, и волчата могут погибнуть от голода.

Мой отец считал Сысоева одним из самых добрых людей, потому что он больше общался в жизни со зверями, чем с людьми. Недавно Всеволод ушел из жизни. Ему было почти сто лет! После отца последние годы он был моим главным наставником, учителем и советчиком.

Да, ему приходилось убивать зверей. В том числе медведей. Одному медведю, который шел прямо на него, раскинув лапы, Сысоев выстрелил в сердце. С пробитым сердцем медведь может пробежать еще метров пятьдесят и успеть задрать стрелявшего. Шатун сделал несколько прыжков в сторону охотника, но силы его кончились примерно в двух метрах.

С тех пор Сысоев перестал охотиться на медведей. Он всегда помнил, какими глазами смотрел на него мишка вблизи: За что ты меня? Ведь у меня, как и у Серого, семья есть!

Через много лет Сысоев признается мне, что молясь Богу, каждый раз просит простить его за убийство зверей.

Его хорошо знали представители власти как местной, так и столичной. Когда приезжал какой-нибудь арабский король, шейх, шахиншах, далай-лама или очередной президент заглядывал в Хабаровский край, а то и член политбюро, Сысоева просили сопроводить высоких гостей в тайгу, показать, похвастать нашими северными «джунглями». К нему приезжали и Солженицын, и Шолохов...

Всеволода староверы уважали, потому что по духу и отношению к природе он был для них истинным православным. Славил правду!

Сысоев очень сердился, когда слышал хвастливые речи советских ученых о том, как они, доблестно постигая науку, побеждают природу.

Особое негодование вызывало в нем желание вождей при помощи таких «ученых» повернуть сибирские реки в обратную сторону: «Как они не понимают, что человек – это часть природы! Как же может часть победить целое? Только если эта часть – раковая опухоль!» [2]

Лидия Люся

Знакомство

с Всеволодом Петровичем Сыроевым

Моё знакомство с Всеволодом Петровичем Сыроевым состоялось в 1997 году.

А всё началось с идеи архивного отдела управления Делами администрации города, который я возглавляла в тот период, проведения смотра-конкурса музейного и архивного дела, который было решено посвятить 140-летней годовщине со дня основания города Хабаровска. Известно, что эта дата выпадала на 31 мая 1998 года. Планировалось проведение такой разовой юбилейной акции, без продолжения.

Конкурсную комиссию возглавил Почётный гражданин нашего города, писатель, краевед Всеволод Петрович Сыроев.

Справедливости ради надо отметить, что подобный конкурс в истории города Хабаровска проводился впервые, и в связи с этим, на этапе его подготовки, возникало очень много организационных вопросов, что и вызывало необходимость встречаться с Всеволодом Петровичем для их обсуждения.

Каждая встреча с ним – это незабываемое событие! Красивый, сильный, умный, справедливый, чуткий, заботливый Человек с большой буквы и удивительный рассказчик!

Уроженец Крыма, а как искренне и горячо любил он суровый Дальневосточный край и его людей!

Так вот, когда конкурс подходил к своему завершению, а представлено было очень много материалов от жителей города, Всеволод Петрович стал переживать вот о чем.

По условиям конкурса комиссия могла выбрать только трёх достойных участников в каждой из четырёх номинаций. По мнению Всеволода Петровича лауреатов конкурса, поощренных жителей должно быть гораздо больше!

И тогда В.П. Сысоев принимает решение встретиться с П.Д. Филипповым, мэром города того периода времени, и попросить его выделить дополнительное финансирование для поощрения участников конкурса.

А ведь это были непростые девяностые годы! Не хватало денег на заработную плату работникам, а тут какой-то непонятный конкурс.

Результат встречи Всеволода Петровича с мэром превзошёл все ожидания: 11 архивов, 31 музей, 20 частных коллекций, 14 семейных реликвий стали номинантами конкурса!

Не смог мэр отказать просьбе Всеволода Петровича, а про меня, я думаю, Павел Дмитриевич в сердцах подумал: «Заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт!»

Но мы все были тогда очень счастливы, что у нас всё получилось: музеи и архивы получили второе дыхание, поверили в себя.

Да и как тут не поверить в себя, когда в школьные, заводские и др. ведомственные музеи и архивы приходила такая важная комиссия во главе с хорошо известным и уважаемым человеком В.П. Сысоевым и по поручению самого мэра города интересовалась их делами!

Этот случай – прямое доказательство равнодушного отношения Всеволода Петровича к делу и людям, особенно, к людям, которые по

крупницам собирают и бережно хранят уникальную историю нашего города.

Благодаря этому конкурсу Всеволод Петрович стал большим другом архивного отдела, а сам конкурс – прологом будущих замечательных конкурсов, таких как «История, город и я», «Личность и власть», «Лучший хранитель истории».

К 150-летию города Хабаровска был организован замечательный конкурс «История, город и я» (2008г). конкурсная комиссия вышла с предложением к руководству администрации города с просьбой учредить знак особого отличия. Инициативу поддержали, а дизайнеры постарались сделать памятный знак «Лучший хранитель истории» ярким и запоминающимся.

На стилизованном пере изображены землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, открывавший в середине XVII века для русского государства приамурские земли, и первостроитель военного поста Хабаровка капитан Яков Васильевич Дьяченко. В центре пера часы, символизирующие ход времени, на трех гранях основания изображены виды Хабаровска (Амурский утес, здание администрации города Хабаровска, храм Серафима Саровского), на четвертой – герб города.

Конкурс «Лучший хранитель истории» проводится ежегодно, начиная с 2009 года, а его лауреаты награждаются красивым памятным знаком, учреждённым администрацией города!

Изольда Казанова

Он был родом из Амурских казаков

Отец мой Казанов Николай Иванович родился в селе Бабстово Амурской области девятнадцатого декабря 1901 года, и назван поэтому в честь зимнего Николы. У нас хранится «выписка из «Метрической книги» о родившихся за 1901 год, что «новорождённый Николай – сын Иоанна Гаврилова Казанова, казака Амурского Казачьяго войска Михайло-Семёновского Станичнаго округа, крещен 29 декабря 1901 года».

В то время Бабстово было довольно большим селом, в селе была школа, в которой учительствовал дядя Николая. А в школе висел портрет полковника Бабста А.К., который основал посёлок в 1865 году (это мне отец рассказывал). Окончив школу, шестнадцатилетний «казачий малолеток» (так тогда именовались юные казаки) уехал учиться в Хабаровск. Поступил в железнодорожное училище, окончил его и работал в депо ст. Ин, затем в Хабаровске в каком-то конструкторском бюро. Хорошо чертил, очень много читал с детства, любил классическую и научную литературу. В период службы в рядах РККА (1924–1926 гг) был внештатным армейским корреспондентом. До последних дней выписывал две-три газеты, один-два журнала и для – детей детскую периодику.

Дома у нас была большая библиотека и много подписных изданий. Однажды он купил у букиниста «Золотого осла» Апулея. Я – уже взрослая, но такого автора не знаю. И мой папа мне объясняет:

– Помнишь, ещё Пушкин писал – «...читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...»

Он ещё и «Евгения Онегина» цитировал! В 1938 году отец поступил на заочное отделение

Ленинградского Горного института, но не окончил, т.к. началась война. К этому времени он работал старшим инспектором «Котлонадзора» по Хабаровскому краю (потом эта организация стала называться «Госгортехнадзор»).

Первый раз Николай женился в двадцать семь лет на учительнице Клавдии Мамаевой, которая после окончания школы военных техников (ШВТ – была такая в Хабаровске) работала на ст. Ин. В 1930 году у них родилась дочь Аида. Потом семья вернулась в Хабаровск и в 1937 году они расстались. Через полтора года Николай Казанов женился на Нине Свирской – моей будущей матери. Она на тринадцать лет была его моложе. И сколько я себя помню в комнате над их кроватью висела фотография его дочери семилетнего возраста, а я помню, как всем говорила, что «это Адочка – папина дочка». Отец сам фотографировал и у нас много снимков его работы. Он всегда помогал той семье и не только обязательными алиментами, и наша мама всегда это поощряла. Родственные связи мы сохраняем до сих пор.

Когда я родилась, папе было тридцать девять лет. На фронте он не был, у него была бронь; после освобождения наших территорий нужны были специалисты для восстановления разрушенного хозяйства, и отца направили в Ворошиловград (ныне Луганск). Переезд из Хабаровска я помню смутно, мне ещё не было четырёх лет. Война ещё не закончилась, и ехали мы недели три. В вагоне всё время было жарко и тесно спать, то с папой на второй полке, то с мамой на нижней. Вагон был плацкартный, всё время кто-то что-то рассказывал, часто где-то играла гармошка, и кто-то пел, и кто-то плакал, и так под этот говорок и песни я то засыпала, то просыпалась... В Ворошиловграде мы

прожили около года. Помню там пленных немцев, они разбирали разрушенные кирпичные дома. Разрушений было очень много.

Затем, летом 1945 года, мы переехали во Львов, куда отца перевели заместителем начальника Западно-Украинской инспекции «Котлонадзора». Вот здесь было очень много беженцев: украинских, польских русских.

Львов – старинный польский город, очень красивый. Наш дом находился на окраине, как сейчас помню: улица называлась Крымская. Дом трёхэтажный, вода и канализация имелись. Отапливались комнаты изразцовыми голландками. В первом полуподвальном этаже жила довольно пожилая пара поляков, дед хромал и на войне не был. На третьем этаже жила хозяйка этого дома, молодая красивая полька с двумя дочками. Одна была старше меня на год – Крися, другая – младше. Мы подружились. Они рассказывали, что это их отец-инженер построил этот дом: третий этаж для своей семьи, первый – для прислуги, а на втором две квартиры сдавал. Второй и третий этажи полукругом огибали большие балконы. Девочки и показали мне фото отца: очень симпатичный русоволосый мужчина, лет тридцати, сидел в траве на пригорке и, улыбаясь, обнимал девочку. Я тогда еще подумала: «Зачем ему надо было идти на войну?» Он не вернулся – пропал без вести. На втором этаже мы и жили в двухкомнатной квартире, которую выделили отцу.

Папа часто ездил в командировки по всей Западной Украине, а в области орудовали бандеровцы, вырезали целые семьи (помню разговоры об этом дома). Отцу выдали пистолет, а он, уезжая, оставлял его маме и учил её стрелять. Мама говорила тогда: «Может я и успею один раз выстрелить, ну, а если их много будет?» Но пистолет под подушкой придавал какую-то

уверенность. Папа приезжал и рассказывал, что творилось на вокзалах: билет купить невозможно, толпы атакуют кассы, не только беженцы, но и спекулянты, расписания поездов не соблюдаются, на вокзалах воруют багаж.

Помню такой его рассказ. Сидит он на вокзале, ждет поезда; напротив сидит женщина с двумя детьми. Один – грудной плачет, второй, примерно четырёх лет, – просит пить. Оказывается, сидят уже вторые сутки. Едут к родственникам, во Львове пересадка. Купить билеты она не может, к кассе не пробиться и денег на билеты уже не хватает, т.к. на еду детям потратила. Что делать?! Отец спросил – сколько осталось у неё, чтобы добавить и купить билет, а она боится отдавать, вдруг обманет...

«И тогда – рассказывает папа маме – я представил, что, если со мной что случится, ты вот так же будешь сидеть с детьми (у меня тогда уже родился брат) и никто не поможет. Решил купить билет на свои деньги. Влез в толпу и, показывая краешек своего служебного удостоверения (которое было такого же красного цвета, как у служащих МВД), добрался до кассы, купил ей билет, принёс воды и помог сесть в поезд. Она плакала от благодарности».

Это же удостоверение красного цвета помогало мне проходить в театр. Видимо, в характере моего отца присутствовала какая-то доля авантюризма. Львовский театр оперы и балета был одним из лучших в Европе. Оставлять меня дома было не с кем, и родители брали меня с собой. На вечерние спектакли детей не пускали, но кто бы смог не пропустить, если человек показывал край красной книжечки. Я сидела тихо и до шести лет просмотрела весь классический репертуар. Помню, что зал всегда был полон. А сейчас думаю, что и билеты

были доступной для всех цены. Люди устали от ужасов войны, а тут – прекрасная музыка, яркие костюмы, страстные чувства.

Потом был такой случай: папа приходит с работы и рассказывает, что на площади у фонтана (во Львове почти на каждом перекрёстке фонтан или скульптура – и это всё «площади») сидит дед в нижнем белье и девочка лет пяти, оба босые. А помню, что было уже холодно. Мама быстро завернула в бумажный свёрток для деда папины рубашку и брюки, а для девочки малое мне пальто и туфли. Папа взял меня с собой, и мы пошли к этому фонтану, он вручил мне свёрток и велел отдать деду. Они сразу же всё надели; помню, девочка потопала ножками в туфлях, и пальто ей оказалось впору. Когда я вспоминаю этот эпизод, то думаю, что дед напомнил папе его отца или деда...

Папа много рассказывал нам о своем детстве, о семье. Семья была большая: пять сыновей да пять дочерей (он младший из сынов), отец, мать, да бабушка с дедушкой. Чтобы прокормить четырнадцать человек, надо было иметь большое хозяйство. Конечно, имелись и кони, как у всех казаков – строевые и рабочие, коровы, овцы, птица, пашня и большой огород, в общем, – натуральное хозяйство. Батраков не держали, хватало своих сил. Бабушка, когда уже не могла делать другую работу, пряла шерсть, вязала всем носки, рукавицы, шали, поддевки (жилетки). Из овечьей шерсти валяли валенки – назывались катанки. Дед мой умел шить всякую конскую упряжь, и однажды сшил внучке (не мне) саквояж – всего лишь где-то увидел образец. Папа всегда нам говорил:

«Человек формируется в семье личным примером старших. Чем больше умеешь делать своими руками, да еще со смекалкой, тем легче живётся.

И всегда надо помогать тем, кому труднее». Его дедушка, мой прадед Григорий Ефимович, дожил до девяноста двух лет. (Так я добралась до предка – Ефима Казанова, который родился, по моим подсчётам, в 1780-89 годах). А уж сколько испытаний выпало им за долгую жизнь! Казакам всегда жилось трудно на Дальнем Востоке. Амурские казаки – это выходцы из Забайкальских казаков, а те из Донских...

В 2008 году в Благовещенске был издан документально-исторический двухтомник «Амурские казаки». В нем отражена история освоения Дальнего Востока, организация Амурского казачьего войска, информация о казачьей службе. Я приобрела эти книги в подарок брату, и оказалось не напрасно – там неоднократно упоминается наша фамилия. Так в июле 1917 года старший урядник А.Ф. Казанов избирался делегатом 3-его войскового круга АКВ (Амурское казачье войско). В родне был и георгиевский кавалер – Петр Казанов, награждён Орденом Св. Георгия 4-ой степени за китайский поход 1900-1901 годов, в последствии – хорунжий, младший офицер 2-ой сотни АККП (Амурский конный казачий полк). В этом же двухтомнике есть упоминания и о других Казановых, и все они из Михайло-Семёновского Станичного округа. Значит наши родственники.

Из жизни во Львове ещё помню, как выселяли поляков. После войны Западная Украина, и в том числе Львов, отошли России (или, правильнее, Украине). Поляков выселили за сутки весной 1946 года. Всех. К нашему дому подъехала открытая грузовая машина с досками-лавками поперёк кузова. Она была уже наполовину заполнена людьми. Наши поляки: пожилая пара и мама Кристи с девочками залезли в машину, и та быстро уехала. У каждого в руках был только

небольшой узелок. Гораздо позже я слышала разговоры о том, что им разрешили взять только минимум ручной клади. Хорошо, если в Польше у кого-то остались в живых родственники. Они уезжали, бросив свои дома и вещи; они уезжали, а я бежала за машиной и плакала. Я привыкла к девочкам, и вообще, было как-то жутко: почему они так быстро собрались и молча (все молчали), не попрощавшись, сели в машину и куда-то поехали. Дома ничего не объяснили, тоже молчали, потом папа сказал: «Так надо, это не нашего ума дело». Я была ещё слишком мала... Мне пора было идти в школу, а преподавали во Львовских школах на украинском языке. И мой папа решил, что семье надо возвращаться на Дальний Восток, его просьбу удовлетворили.

Вернулись мы в Хабаровск в 1948 году, жили в районе завода им. Серго Орджоникидзе в деревянном доме в одной из двух комнат коммунальной квартиры. В 1954 году мы переехали в собственный дом из пяти комнат с мансардой, отец сам его спроектировал. Провёл водяное отопление от бачка-нагревателя в кухонной плите. В то время большие дома индивидуально строить не разрешалось, но нас было пятеро, с нами жила бабушка. Отец сделал кухню в верандной пристройке, и поднял крышу на метр, чтобы получилась четырнадцатиметровая комната для меня. Так у всех стало по отдельной комнате.

Помню, дома по вечерам отец часто чертил, он брал работу на дом – проектировал автономные котельные, делал расчёты и всю сопутствующую документацию (тогда ещё не построили ГЭС). А я всё вертелась рядом, и папа мне объяснял: «Вот это – дверь так обозначается, так – окна, а это – трубы, это – капитальные стены, а это перегородки...»

И я с детства научилась читать чертежи. Отец чертил, мама что-то вышивала, и они вполголоса пели: «По диким степям Забайкалья», «Тонкая рябина», «Раскинулось море широко» и другие народные песни. Отец наш был высокий, сухощавый, немного сутулый, покладистого и весёлого нрава; на семейные праздники, когда собиралась вся родня, а это было не более пяти раз в год, он всегда был в центре компании. Рассказывал какие-то анекдоты, изображал в лицах то китайцев, то японцев. При этом норма спиртного у него была – три маленьких стопочки. В другое время он вообще не пил алкоголь, слов нецензурных я от него ни разу не слышала. Он постоянно что-то придумывал и изобретал: то приспособление для скручивания верёвок (после войны и этого не было), то станок для вязки сетей – охота и рыбалка были его любимым занятием, то он пытался построить лодку из стекловолокна, пропитав её эпоксидной смолой, даже смастерил метровую модель. Когда родилась моя дочь, он сам собрал ей коляску из каких-то частей, т.к. в продаже детских колясок не было. С маленькими детьми он охотно занимался, умел их отвлечь от капризов и чем-то занять. Главное хобби его жизни – рыбалка и охота. Охотился только на водоплавающую дичь, и оделял ею всю родню и знакомых. А свежая речная рыба не переводилась у нас круглый год... Отец и меня с братом на рыбалку брал; и червей на крючки перемётов я наживляла и из охотничьего ружья стреляла. Перед охотой я помогала ему набивать гильзы: на специальных крохотных весах взвешивала порох и дробь, вырубала войлочные пыжи (тогда достать патроны нужного калибра было сложно).

Осенью отец брал отпуск, собирал друзей (говорил – сколачивал артель), и они ехали на кетовую путину в низовья Амура. Разрешение получали, договор

заклучали, часть рыбы сдавали, часть привозили. Отец её солил, вялил, коптил. Маленькую коптильню он соорудил в нашем огороде. Мой брат Виктор лет с пяти ездил с ним на рыбалку, позже на охоту. В четырнадцать лет отец подарил ему ружьё – охотничью одностволку, тогда уже брат с друзьями ездил на охоту самостоятельно. После школы Виктор окончил лесоинженерный факультет Хабаровского политехнического (тогда ещё) института.

Прожил мой отец 86 лет, до конца жизни он занимался хозяйством: привозил воду из колонки и носил уголь из сарая, если бы не эта тяжёлая работа, он мог бы и дольше прожить, но дети его (т.е. мы с братом) в Хабаровске не жили, а дом обменять на небольшую квартиру со всеми удобствами не получалось (закон запрещал).

Этот дом по улице Некрасова 111-а и сейчас там стоит; жаль, но никто из родных там не живёт. Когда старшее поколение умерло, дом перешёл к моей дочери, а в двухтысячном году его уже можно было обменять на двухкомнатную квартиру, что она и сделала. Доброжелательность отца к людям и животным, любовь к детям – это, я думаю, всё из детства. Это от казачьего семейного уклада.

В 2001 году я отметила столетие со дня рождения моего отца. Мне говорили, что нельзя умершим отмечать день рождения. Но, отмечали же во вселенском масштабе столетие со дня рождения Ленина или двухсотлетие со дня рождения Пушкина. А я – в узком кругу, собрав родных и друзей, которые его ещё помнили. Мы и сейчас тебя помним, папа.

Алла Давидович

Встреча с ангелом

К тому времени, как я заканчивала свой лесотехнический техникум в Южно-Сахалинске, на Сахалине у меня уже никого из близких не было. Я была одна.

По распределению я оказалась в пос. Лесное – это в 12 км от Победино. Это был участок Смирныховского леспромхоза. Там я вышла замуж за самого лучшего парня поселка Сенавина Васю (по паспорту – Алексей): высокий, красивый со светлыми волосами и большими голубыми глазами. Спиртное не пил и не курил.

Когда дело шло к свадьбе, бухгалтер лесопункта, фамилию ее я не помню, а звали Таисия Тимофеевна, сказала мне: «Аллочка, говорю с тобой, как мать. Знаю, что никого у тебя нет. Прошу тебя, не делай этого. Посмотри на его отца». Вместо «Спасибо», и принять к сведению слова мудрой женщины, я ей нахамила: «Если смотреть на отцов, то ваши Женька с Валеркой умрут холостяками».

«Если бы молодость знала...» Как часто и как горько я потом в жизни жалела о том, что не послушала хорошего человека, да ещё и нахамила.

А отец моего жениха – личность, действительно, неординарная, а главное – хронический алкоголик в 39-ом поколении, да еще большой любитель, когда пьян, издеваться над своей многочисленной семьей. Урезонить его в такие минуты не мог никто. Он понимал только силу. Справиться с ним могла только я, потому что по жизни только и умела, и любила драться. Делала это с удовольствием, с аппетитом и со знанием дела, так что меня он боялся, и не зря.

Но Вася не пил, пока. Спустя несколько лет, когда мы уже жили в Берёзовом леспромхозе и нашей дочке Гале было два с половиной года, родился второй ребёнок – сын Саша, в январе 1963 года. Так вот, когда меня на лесовозе и в сопровождении трактора везли сквозь пургу в Победино рожать, я тогда не знала, что вижу своего мужа непьющим последний раз.

А ему, как непьющему, мужики отдавали на хранение деньги, да и дома были деньги. Я получила декретные, и работали мы вдвоем. Деньги были. В общем, когда вернулась домой с сыном, денег уже не было никаких: ни своих, ни чужих.

Прошло шесть лет. Меня перевели в Ноглики в Нижне-Тымский леспромхоз инженером по технике безопасности. Я думала, что уеду с детьми одна. Но опять были клятвы, что бросит пить, что там не будет дружков-«забулдыг». На новом месте всё вернулось «на круги своя». Гены хронического алкоголика брали своё. И, в конце концов, два милиционера посадили моего мужа в самолет, объяснив ему, что его ждет в случае, если он опять появится в Ногликах. Я осталась одна с детьми. Жизнь продолжалась!

1973 году я поступила в ВЮЗИ (Всесоюзный Юридический Заочный институт). А в 1976 году, к которому и относятся описываемы события, уже была студенткой третьего курса этого ВЮЗИ. Поезда тогда ещё до Ноглик не ходили, а автомобильная дорога в межсезонье превращалась в бездорожье, с трудом преодолеваемое вездеходами. Основной транспорт, связывающий Ноглики с внешним миром, был самолёт Ан-2, а иногда летали вертолёты, так как вокруг Ноглик находились нефтяные промыслы.

Но вот процессуальные сроки – это было свято! А как их было соблюсти при бездорожье или нелётной погоде? Ведь своего адвоката в Ногликах не было.

Поэтому тогдашний прокурор Ноглик Виктор Николаевич Александров обратился в Верховный Совет с просьбой разрешить студентке третьего курса ВЮЗИ, в порядке исключения, совмещать свою основную работу (инженер по технике безопасности в леспромхозе) с адвокатской деятельностью. Это был выход из сложной ситуации в районе. Согласие было получено. И я стала адвокатом в посёлке Ноглики. На судебные заседания меня отпускали с работы без проблем, но ведь и моя основная работа требовала моего присутствия и в управлении, и в местах непосредственного производства работ.

Вот так и случилось в тот раз, о котором хочу рассказать.

Это произошло в один из дней навигации 1976 года. Я с очередной проверкой прибыла в портпункт, где под погрузкой стоял японский корабль. Название его я не помню, какой-то очередной «МАРУ».

К тому времени, как мы прибыли в портпункт, сильно испортилась погода и началось сильное волнение с морского борта, откуда и производилась загрузка из кошеля, а не с плашкоута.

Конечно, такое нарушение происходило часто. Но одно дело, когда я об этом знаю, другое, когда это происходит при мне.

Естественно, я была обязана прекратить это нарушение. Но ведь рабочие, загружавшие корабль, были заинтересованы в сокращении времени загрузки корабля и прекращать работу не хотели.

Помощником начальника портпункта, так называемым Хабамастер, был тогда Сорока Петр. Он

уговаривал меня остаться в портпункте, и не идти с ним на катере к кораблю для снятия рабочих. Но я отказалась. Тогда он мне сказал, чтобы я не выходила на палубу, чтобы они меня не видели. Но они уже знали, что я прибыла в портпункт. И когда мы подошли к борту корабля, на предложение Хабамастера, прекратить погрузку, они стали кричать, что и ни в такие шторма работают, а сейчас их снимают из-за меня. Они стали требовать, чтобы я поднялась на борт судна.

Ну, конечно, я вышла на палубу катера и приготовилась к выходу на борт корабля. В связи с тем, что штормило, парадного трапа не было, а был только штормтрап. Подняться на борт корабля, даже по штормтрапу, для меня труда не составляло. Но из-за того, что я маленького роста при выходе катера в верхнюю «мертвую» точку, я могла выпрыгнуть только на нижнюю балясину этого верёвочного трапа, что я и сделала без всяких усилий. Но что случилось после... Нижняя балясина с одной стороны оказалась переломанной. Когда я выпрыгнула на нее, переломанная балясина со стороны перелома опустилась вниз, а я повисла над морем, держась руками за прогоны. Правда, сейчас не помню, был это трос или канат.

Это было страшно! Это было ЧП. Человек на трапе был обречён. Гибель женщины на иностранном судне могла спровоцировать серьезные последствия.

А в то время на корабле собрались все наши рабочие и все свободные от вахты японцы.

Они все стояли вдоль борта и горячо обсуждали ситуацию, предлагая варианты спасения человека. Вариантов для спасения не было. Выпустить второго человека на штормтрап, чтобы помочь мне, запрещено

инструкцией. Поднять трап вместе со мной нельзя, потому что его разобьет о кранцы. В общем, выхода нет.

А я висела на трапе над штурмующим морем и не чувствовала ни страха, ни паники и уговаривала себя, что удар катера о борт судна оборвет мою жизнь мгновенно, я и не почувствую боли. Еще думала о том, что стоит мне разжать руки...

Снизу с катера мне кричали: «Алла, оттолкнись от трапа и прыгай, мы тебя поймаем!» Но от такого предложение мои ногти еще сильнее впивались в ладони, как потом оказалось, до крови. Время шло. Катер был внизу и в верхнюю «мертвую» точку не выходил, будто кто-то его держал.

Сколько прошло времени – не знаю, мне казалось, что очень много. Я думала: «Мне 38 лет и у меня двое детей, у которых никого больше нет».

И вдруг я почувствовала, как очень сильная рука сжала мне щиколотку правой ноги и переставила мне её на вторую балясину! Две-три секунды, и я уже на борту корабля, и вокруг меня все наши рабочие. Схватив за воротник Сороку, я спросила: «Петя, как я?». В смысле, как я здесь оказалась. Но Петя, заикаясь, повторял только несколько слов: «Ну, Алла, ты – кошка». Кроме этого, он ничего сказать не мог.

Зато очень много говорили японцы. Они были счастливы, что все обошлось. Окружили меня тесным кольцом и очень внимательно и эмоционально изучали мои ладони, при этом цокали языком и очень удивлялись. Наконец, один из них на ломаном русском языке сказал: «Алла-сан, жить будешь долго, почти сто лет». Их удивили ладони моих рук.

Потом была кают-компания, букет филиппинских цветов, стилизованных под живые так, что многие хотели их понюхать, и все остальное. Как

мы потом, уже ночью, сходили с этого корабля, я не помню. Но утром я должна была участвовать в судебном заседании в Ноглинском суде.

Так что, все участники банкета пошли спать, а меня уже ждал катер в обратный путь до Ноглик, команда которого тоже была в легком подпитии. Механик Михаил Шишкин показал мне, как держать курс по створам, сказал, что вешки должны оставаться слева, а может справа – сейчас не помню, сказал, как мне ответить в мегафон, какими бортами расходиться, если будет встречный, и ушел. А я всю ночь стояла у штурвала, строго соблюдая выданную мне инструкцию. Но к утру ситуация резко изменилась. Вешки оказались слева и справа. Я позвала Шишкина. Он пришел заспанный и недовольный, но увидев вешки, понял, что это мы вошли в ставник рыболовецкого колхоза «Восток».

Слава Богу, мы благополучно избежали последствий, ничего не намотав на винт и утром прибыли в Ноглики.

Я сразу пошла в суд, где все судебное заседание откровенно спала, и сквозь сон слышала голоса судьи и прокурора. Но, когда обращались ко мне, я вскакивала и чего-то там бормотала. Я не знаю, заметили ли они моё состояние, думаю, что да, но вопросов ко мне не было.

А на работе в леспромхозе меня ждал разъяренный директор Цветков Борис Александрович. Он был участник войны и человек хороший. Но, оказывается, о происшествии на корабле узнали власти Сахалинской области. Председатель Сахалинского Обкома профсоюзов Смолянский Александр Яковлевич провёл беседу с моим директором в таком «ключе», как будто бы Цветков В.А. сам лично пытался лишить меня жизни, не думая о том, что у моих детей есть только

мать. Можете представить, как меня ждал мой директор. Так закончилась эта история, и я о ней забыла, и никогда не думала о том, кто же меня спас, кто это мог сделать.

Ответ на этот вопрос я получила спустя пять лет в конце 1981 года.

Моему сыну Саше – 18 лет, и он уже «поспел» для армии, и не только для армии: в соседнем поселке Катангме девочка ждет ребенка. Слава Богу, совершеннолетняя. Мой сын женился. А год-то на дворе 1981, а это – Афганистан, и Сашу призывают. Он готовится к уходу в армию. Проходит комиссию, выполняет другие процедуры, связанные с призывом. Живет он со своей женой Анечкой в Катангме у ее родителей.

Однажды, в один октябрьский вечер, ко мне пришла Анечка в сопровождении двух подружек. Я не сразу поняла, что что-то случилось. А когда поняла, то уже бежала в больницу.

А случилось вот что: Сашу вез в Катангме его дружок, мотоциклист, который был еще моложе Саши. Так как второй каски не было, Саша намотал себе на голову какую-то телогрейку и за дорогой не следил, вполне доверяя своему другу. Да и движение по дороге Ноглики-Катангме не особо интенсивное. Однако на пустынной дороге встретился мотоцикл с бензовозом. Саша, конечно, ничего этого не видел. Его выбросило на дорогу лицом вниз, но он был в сознании. Управлявший мотоциклом парень погиб сразу. Приехавшая «Скорая» констатировала смерть водителя мотоцикла, а потом подошли к Саше со словами: «Этот тоже готов». Он это слышал, но не мог никак подать знак, что он живой, так как лежал вниз лицом и рот был

забит землей. Что он жив, медики обнаружили, когда стали его грузить.

В общем, прибежала я в больницу, к нему меня не пустили, сказали, что его накололи, он спит. Со мной поговорили так, чтобы у меня не осталось ни малейшей надежды. О санавиации даже не было разговора.

После больницы я бежала... Бежала, конечно, громко сказано, потому что после инсульта 1978г я не то, что бегать, ходить могу с большим трудом. Я хотела скорей оказаться дома, чтобы выпить какие-нибудь лекарства, чтобы больше никогда не проснуться.

Мне по жизни часто говорят: «Алла, ты – боец» Я не знаю, почему обо мне такое мнение. На самом деле, никакой не боец. Я слабый, безвольный человек, совершенно не переношу физическую боль, а душевную – тем более. И, конечно, в создавшейся ситуации видела для себя только один выход – суицид.

Но вдруг со мной кто-то заговорил. Мужской голос властно приказал мне: «Что ты задумала? Не смей!» Я даже не поняла, откуда этот голос. Возле меня не было никого. Голос шёл из моего сознания. Я сказала, что не могу пережить своего сына. Не могу и не хочу. Голос меня убеждал и уговаривал, что я убиваю своего сына сама, что он будет ждать маму, а ему скажут, что мамы нет, ну, и все такое, в том же духе. Но я сказала: «Нет, я сделаю, что решила». И тогда этот «голос» сказал мне: «Вспомни тот случай на корабле. И кто тебе помог тогда?» Я остановилась. В моей памяти ожили картины того дня. Я как будто со стороны увидела этот корабль, висящего на тросе человечка, небо над головой и внизу – море и маленький катер. Кто мне мог тогда помочь? Я поняла, что это был мой Ангел-хранитель, он меня спас тогда, он меня спасал и теперь.

Но на этот раз он спас не только меня, но и моего сына, которого в нашей ногликской больнице и не собирались лечить. Его просто «пичкали» наркотиками и ждали конца.

Отказавшись от мысли о суициде, я начала борьбу за жизнь своего сына. Мне каждый день обещали вертолёт, но дни шли, а вертолёта всё не было. Говорили: «Погода нелетная».

Между тем, диспетчер ногликского аэропорта сказал мне: «Я посажу любой борт, хоть из Охи, хоть из Южно-Сахалинска или Хабаровска. Я приму любой борт. Я хочу спасти Сашу».

Гендиректор «Ногликиборнефтедобыча» предложил мне свой вертолёт, но это был МИ-2 и туда не входили носилки.

Прошло четыре долгих дня.

На пятый день – это был один из выходных, суббота или воскресенье, сейчас не помню, я пошла домой к главному врачу ногликской больницы Валентине Никифоровне. Со мной пошла теща Саша – Тамара. У Валентины Никифоровны работала стиральная машина – она занималась стиркой.

Я спросила, почему не отправляют Сашу. Она ответила, что из-за нелетной погоды. Тогда я ей напомнила, что санавиация – всепогодная. И тут она мне сказала, что ногликская больница задолжала много денег санавиации, и теперь они выполняют только необходимые вылеты. Я спросила: «А это – какой?» И тут она перешла в наступление, напомнив мне, что я – мать, и как я могу чего-то требовать во вред сыну. Сказала: «Вы же отнимаете у него последние минуты, и что Вам даст этот санрейс? Ничего он не даст». Тогда я сказала ей: «Сейчас я Вам объясню, что даст этот рейс. Что он даст Вам. Я в трезвом уме и в здравой памяти

говорю Вам, что вы переживете моего сына ровно на столько времени, сколько мне потребуется, чтобы найти Вас. А найду вас я очень быстро, Вы от меня не спрячетесь. Вот что даст этот санрейс лично Вам». Я не успела договорить. Она стряхнула пену с рук и бросилась бежать в больницу, а мы с Тamarой – за нею. Но все же она бежала быстрее меня и успела закрыться на ключ в своем кабинете, откуда звонила по телефону, говорила нарочито громко, специально, чтобы слышала я. И только после того, как она мне через дверь сказала, что на нас идет вертолёт, она рискнула выйти из кабинета.

Казалось бы, все хорошо! Нет, не все хорошо. Есть же честь мундира. Значит, надо доказать мне, что она была права, отказываясь от его транспортировки. И нас отправляют в санрейс без медработника. Где-то во второй половине пути он начал умирать, и я, став на колени возле него, кричала изо всех сил. Я не давала ему впасть в забытие и держала его в напряжении. Он плакал, ругался, просил, чтобы меня убрали, но забыться не мог.

Вертолетчики посадили вертолет в старом аэропорту возле больницы, так что мы успели доехать до больницы. Из нового аэропорта не успели бы. Но в Ногликах уже говорили, что не довезли... Его приняли в охинской больнице, а мне сказали, прийти завтра.

Утром, когда я пришла в больницу, хирург Эгамберлев сказал, нисколько не щадя моих материнских чувств: «У вас в Ногликах – это не врачи, это – палачи. Как было можно за пять дней даже не поставить правильного диагноза, зато прилепить кучу других, не совместимых с жизнью, которых вообще нет. У нас не было времени опровергать их диагнозы. Мы действовали экстренно. И в результате по диагнозу из

Ноглик мы растянули ему тазовый перелом. Это не медики, это – фашисты. Подавайте в суд на ногликских врачей».

Ровно месяц я просидела возле постели сына, а потом вернулась в Ноглики, надо было работать. Какое-то время еще он был там без меня. Его жена Анечка была «глубокого беременная», но вместе со своей мамой тоже ездила в Оху. Где-то глубокой зимой я привезла сына домой. 30 января 1982 года родилась его старшая дочь Виолетта, моя внучка.

Так закончилась та, очередная, моя встреча с Ангелом-хранителем. Он не только сохранил мне жизнь в тот раз, но мы еще «отвоевали» десять лет жизни для Саши, в течение которых появилась на свет моя вторая внучка Женечка.

Когда Саши не стало, Веточке было десять лет, Жене – восемь.

Это были не единственные случаи, когда какая-то неведомая сила вытаскивала меня из таких страшных ситуаций, и я не понимала, кто меня спасал.

Теперь я знаю: это был мой Ангел-хранитель.

Надежда Суркова

Новая жизнь. Мир книжной графики

В 2003 году мы переехали в Хабаровск. Немного освоившись, я стала посещать культурные учреждения города: художественный музей, галерею им. Федотова, Арт-подвальчик и другие. В Доме творческой интеллигенции познакомилась с Эпониной Богатыревой – художницей из творческого объединения «Родник». Она пригласила меня на очередную выставку, которая должна была проходить в Арт-подвальчике. Там и познакомилась с остальными «родниковцами» и вскоре вступила в их коллектив.

Возникнув в 1980 году, как клуб по интересам, «Родник» с первых дней своего существования стал для многих увлеченных живописью, графикой и декоративным искусством не только местом встреч. Для первых его участников «Родник» был домом, мастерской, учебной студией и дискуссионным клубом. Сюда шли учиться видеть прекрасное, сюда несли свои заботы, радости и надежды. Здесь находили поддержку, понимание и дружеское участие.

Наши собрания проходят в городском Доме ветеранов (Пушкина, 60), где я несколько лет посещала и литературный салон «Музы при свечах».

Творческая жизнь опять закутила меня: собрания, выставки, конкурсы, встречи с интересными людьми...

Выставки картин проводились почти ежемесячно. Так, только за 2008 год их было около двадцати. В ту пору я очень много работала акварелью, маслом, пастелью, выполняла довольно сложные в сюжетном отношении графические рисунки. Я рисовала не только для выставок, но и для отправки своих работ в

Москву, так как заочно училась в Университете искусств на факультете изобразительного искусства. За отличное окончание учебы мне предложили пройти дальнейшее двухгодичное обучение по курсу «мастер-класс» на льготных условиях, но я отказалась. Нагрузка стала непосильной, отчасти, потому что к тому времени я уже начала осваивать книжную графику.

Как-то раз на очередной встрече клуба «Муза при свечах» наши женщины предложили мне составить компанию – сходить к поэту и редактору Николаю Тихоновичу Кабушкину, чтобы показать ему свои стихи. Мне, конечно, очень хотелось пообщаться с поэтом, узнать его мнение о моем творчестве, но увы, в тот день у меня были неотложные дела.

Позже, предварительно созвонившись, Николай Тихонович сам назначил мне встречу. И вот я со своими «шедеврами» вошла в его кабинет. Я очень волновалась, но Николай Тихонович очень радушно встретил меня и сразу расположил к себе. В его кабинете в шкафах, на стеллажах, столах и даже на подоконнике – всюду лежали папки с рукописями, газеты, книги, журналы... Мое внимание тотчас привлекли несколько столов, стоящих особняком, – на них лежали книжные блоки, еще без обложек, а рядом, в отдельных стопках – обложки и еще не сфальцованные листы со стихами.

Во время беседы Николай Тихонович поинтересовался моим образованием и увлечениями. Мой ответ его заинтересовал.

– А почему бы вам, Надежда Ивановна, не попробовать себя в оформлении книг? – предложил мне Кабушкин. – Нам сейчас как раз нужно оформить обложку одного стихотворного сборника. Вот, посмотрите, – с этими словами он протянул мне

сборник стихов Вячеслава Челнокова «Небесный странник» – стопку листов, еще не покрытых обложкой.

– Какая иллюстрация отразит настроение этой книги? Ночь. Луна. Звезды. Одинокое старое дерево, а рядом – странник с посохом, устремивший взгляд в небо?

Николай Тихонович предложил мне еще несколько вариантов рисунка.

– Попробовать можно, – неуверенно произнесла я.

– А хотите, я вам покажу одно очень необычное дерево? Здесь недалеко, буквально в трех шагах растет. Обязательно зарисуйте его, оно так и просится на обложку этого сборника. Пойдемте, я вам его покажу!..

И пару минут спустя мы уже стояли рядом с удивительным деревом. Природа постаралась выделить его из числа других деревьев: могучий ствол старого корявого вяза был перекручен так, словно его выжимали, как мокрую тряпку, а ветви, как худые руки с крючковатыми пальцами протянулись в разные стороны, да так и застыли. На улице была середина февраля, поэтому можно было рассмотреть каждый сучок, каждую ветку.

С тех пор мой взгляд всегда приковывают к себе необычные деревья, особенно старые с изогнутыми стволами, резко выделяющиеся на фоне своих зеленых собратьев. Стараюсь их зарисовать или запомнить, чтобы потом перенести на бумагу.

Я сделала несколько набросков и разных вариантов рисунков с деревьями и странниками для сборника В. Челнокова. Хотя сроки поджимали, и отсутствие опыта сказывалось, однако первый шаг был сделан. Я начала понемногу осваивать книжную графику. Предварительно прочитав рукописи будущих книг, сначала робко, а затем все более уверенно, я

делала наброски, зарисовки-концовки... Их я относила Николаю Тихоновичу на утверждение, после чего уже смело приступала к завершению. Многие из рисунков выполняла в цвете. Так, шаг за шагом, я постигала искусство книжной графики. Работала с интересом, с каждым днем все быстрее и увереннее, всякий раз открывая что-то новое для себя.

С тех пор и по сей день мне нравится придумывать рисунки к стихам, к определенному сюжету в прозе. Конечно, не всегда получается так, как задумано, как хотелось бы. Ведь мастерство в любой работе достигается с опытом, а опыт – это ежедневная практика, это и знание, и уверенность, и умение художника. Сейчас смело могу сказать, что не одну и не две книги оформила, их количество уже перевалило за сотню. И каждый раз мне радостно держать в руках новую книгу с моими рисунками и цветными иллюстрациями.

Да, все приходит с опытом. Спасибо тем женщинам, которые предложили мне сходить в редакцию. Благодаря встрече с Николаем Тихоновичем я овладела, пусть еще не в совершенстве, книжной графикой, о чем раньше и не мечтала. Ведь каждый художник, познав что-то одно, стремится к другому – новому.

Николай Тихонович Кабушкин и сам обладает незаурядными способностями художника, мастера своего дела. Он по-своему открыл мне новый мир – мир книжной графики. И теперь меня делает счастливой мысль о том, что мои иллюстрации в поэтических сборниках, сливаясь со строками стихотворений в единое целое, помогают читателю лучше понять идею произведения, раскрыть его смысл, почувствовать душу автора. Это единство произведения и иллюстрации

замечательно описал великий художник Леонардо да Винчи: «Живопись – это поэзия, которую мы видим. Поэзия – это живопись, которую мы слышим».

И действительно, живопись и поэзия – как части единого организма, полноценно существующие только в единстве, немислимые друг без друга и неразделимые. Искусство – это память времени. Ничто так не способно воссоздать время, остановить и восстановить его, как искусство.

Все приходит с опытом

Вот уже несколько лет я больше работаю акварельными красками.

Живопись акварельными красками захватывающа – никогда не знаешь, что тебя ждет, ведь особенность акварельных красок – прозрачность – делает их идеальным средством для передачи различных фактур. Чтобы написать картину, нужно подходить к ней творчески – использовать и свое воображение. Все зависит от мастерства художника, от его умения не только передавать увиденное, но и вносить свою долю фантазии, а для этого каждому художнику необходима наблюдательность.

Так, изображая небо – прекрасный объект для живописи, – можно с помощью цвета наделить пейзаж настроением, привнести ощущение особой атмосферы. Нежные тона чистого неба, залитого солнечным светом, всегда заставляют пейзаж сиять. Если небо в серых тучах, то серые, темные краски сразу вызывают чувство тревоги.

Небо в акварели почти всегда пишу сырой краской по сырой основе – бумаге, чтобы избежать резких границ. Самое главное – уметь правильно

рассчитать время. Процесс должен занимать не более трех минут. Конечно, все приходит с опытом: грамотное распределение света и тени, четкое представление, что нужно передать, прежде чем наносить краску на бумагу.

Вода – постоянный источник вдохновения художников-пейзажистов. Стараюсь ее изображать минимальным количеством мазков, легким прикосновением кисти. Хотя вода сама по себе бесцветна, она отражает цвет неба, облаков, деревьев, различных строений...

А какое прекрасное зрелище – отражающийся в воде закат! Цвет воды непрерывно меняется в зависимости от времени дня, от погоды.

Я провела свое детство в деревне, поэтому очень люблю деревья и с удовольствием рисую их. Мне всегда интересно разглядывать, как расположены ветви на стволах, как выглядит ствол, какой формы листья...

От этого получаю огромное удовольствие. Не обязательно знать название дерева, главное, понять основные формы, структуру, чтобы правильно потом изобразить его. Ведь дерево – это живой организм. С приходом весны на нем раскрываются почки и появляются нежные клейкие листья. Я не стараюсь рисовать деревья с точностью натуралиста, ведь любое дерево при изображении всегда можно упростить: убрать второстепенное, не характерное, оставив только главное – передать свое впечатление.

С приходом лета ветви деревьев почти не видны сквозь густую листву. На земле сочная трава, цветущие поля, луга, птицы поют. Все в природе кажется ярким, красивым, необычным.

Мое самое любимое время года – осень. Листья, прежде чем опадут, окрашиваются в желтые, красные, коричневые цвета. Леса, поля и рощи – в сказочном

убранстве. Трава, кусты, деревья меняют свои ярко-зеленые наряды на осенние – золотистые. Время золотой осени – самое великолепное время для вдохновения любого художника.

Пришла зима. Листья опали. Земля покрыта снегом, сквозь который то тут, то там еще видна сухая трава. Мягкое небо, разнообразие оттенков выпавшего снега, застывшие в молчании кусты и деревья – это тоже неиссякаемая тема для художника-пейзажиста. Задача мастера заключается в том, чтобы попытаться запечатлеть особый момент.

Настроение, создаваемое в картине, должно соответствовать тем местам, которые художник изображает, отражая красоту природы. Самое главное – это получить наслаждение в процессе работы над картиной. Возможности акварельных красок просто восхищают. Очень важно понять, что белизна бумаги и прозрачность акварельных красок способствуют созданию эффекта света на картине.

Цвет и свет – главное, на что нужно обратить внимание, когда работаешь акварелью. Работая над картиной, необходимо заранее продумать ее колористический строй. И не надо бояться рисовать – старайтесь учиться на своих ошибках.

Лидия Смирнова

Грозные воды

Амур трудно размыкает свои тяжёлые объятия с Комсомольском-на-Амуре. Его жёлто-серая вода, замедленно отползая в русло, кажется, неохотно покидает равнинные земли своего левобережья, занятые людьми уже много лет назад под дальневосточный город.

У старых нанайцев бытует мнение и об этом рассказывают их сказки, что в древности Амур назывался Жёлтый Ла. Будто бы, Он имел такие могучие воды, что они плескались меж склонов береговых сопок.

Он был гигантски широк!

Сегодняшнее наводнение своеобразно и протекает не слабее известно жёсткого в 2013 году.

Народной бедой всякий раз оказывается Его вторжение. Ведь покидая завоеванную территорию, Амур оставляет, как коварный захватчик, после себя разрушения всего созданного человеческими руками. Он, как живое существо, распространяя свою, хоть и временную, власть, не сдерживает силовые порывы характера бесконечного водного властелина этих мест...

И сейчас Ему, шипяще укладывающему своё гибкое, мощное, похожее на драконье, тело в привычные оковы-берега, верить в обещанное смирение нельзя.

Часть 3 Художественная проза

Ольга Бунина

Когда ты отсюда уедешь

Олеся Дмитриевна медленно брела по городу. Последнее время она чувствовала себя отвратительно. Болело всё. Худенькая, не склонная к полноте, женщина стала обрастать ничем иным, как животом, который постепенно увеличивался в объёме. Однако в череде бесконечно сменяющихся событий – проживание в военных городках, смена школ, коллективов влияния, учительница умела сохранять лицо, и в любых обстоятельствах культивировала в себе ощущение спокойствия и благополучия. И сейчас Олеся Дмитриевна старалась не паниковать и никому не жаловаться. Её девчонки, одна – врач, другая – юрист, жили в городе её детства и юности, где она, по её собственному определению, не была целую вечность. И назад не собиралась. И вот теперь рушилась её стабильность! Последний звонок младшей не оставлял шанса: надо переезжать, надо лечиться!

Звонок и старшей дочери был также категоричным: «Нам тебя будет очень не хватать», – сказала она матери. «А уж как мне будет вас не хватать», – ответила с привычной иронией Олеся Дмитриевна, но шутила уже слабо. Мысль о неминуемом отъезде окончательно победила прежние торможения духа. Дело в том, что тормозом была её память, – некоторые события детско-школьного периода жизни шестидесятых, которые, по мнению учительницы, были самыми лучшими годами жизни всей детворы заводского посёлка, где прошло её детство. Родной посёлок! Это был пригород славного

Комсомольска-на-Амуре. Дома белые, кирпичные, огороды пять соток, считай в черте города, крылечки и палисадники нарядные, и рядом школа.

Вот на таком крылечке, а точнее, большом крыльце семьи Беляевых, где стояли длинные скамейки и лежали сложенные амфитеатром брёвна для бани, подрастающее поколение молодёжи проводило свободное время. На заветном крыльце хозяином был десятиклассник Володька Беляев, любые воспоминания о котором и теперь, много лет спустя, вызывали и приятное волнение, и вместе с тем, какое-то боязливое ожидание встречи с прошлым! Она хотела бы задать этому прошлому свой нелёгкий и сокровенный вопрос. Но чаще всего вспоминала крыльцо.

Оно было и сценой, и большой скамейкой. Подростки играли в лото, шашки, карты и просто общались. Не секрет, здесь было и место формирования юных симпатий. Облюбованный двор выходил на заросшую травой и утопанную ногами небольшую площадку, где были в почёте игры с мячом – лапта, «вышибало», танцы. А называлось всё это: и двор, и скамейка, и площадка одним словом – тырло. «Тырло», видимо, было популярно и на других городских просторах, и своим названием не только не вызывало раздражения, а наоборот притягивало, как магнитом, многие поколения детей заводских рабочих.

Кнопка воспоминаний включилась сама. Юноша с интересом слушает, как Олеся читает со «сцены» стихи Пушкина. Громко, с выражением! Но у Леси с Алёнкой, её младшей сестрёнкой, маленький секретик! На Беляева исполнительница стихов, ну, никак не реагирует. Не повернёт свою симпатичную головку в его сторону! Никогда! А семилетняя Алёнка в «засаде»: глаз не спускает с Беляева. Аплодисменты не в счёт.

Сестрёнка в подробностях докладывает, как именно этот Вовка смотрел на Олесю. «ВОТ ТАК», – и смешливо таращила глаза. Не замедлил напомнить о себе и другой эпизод.

Лёгкий, подтянутый, член юношеской сборной города по баскетболу, Беляев в спортивном зале прыгает в высоту. Планка далеко вверху. Девчонки облепили пространство. Он смотрит на планку, он говорит: «Девчонки пусть выйдут в коридор». Олеся выходит вместе со всеми, но потом не возвращается! А он взял высоченную преграду, он хорошо прыгнул, а её нет среди входящих! Беляев открывает дверь в коридор, он явно расстроен. А семиклассница уже на улице, прилипла к окну спортивного зала. Она понимает, кого он ждёт! «Господи, какой пустячок», – думает Олеся Дмитриевна. Но, оказывается, она и сегодня с удовольствием бы заглянула в то окошко школьного спортивного зала! А память, минуя школьные коридоры, уже в актовом зале.

Традиционным компонентом всех школьных танцевальных вечеров тех лет были игры с выбором партнёра – «змейка», «верёвочка», «ручеек». Помнит: её «принц на белом коне» стоит в начале тоннеля из сплетенных рук, видимо раздумывает, кого выбрать. Женская половина тоннеля в нетерпении – Вова Беляев нравится многим. «Ручеек» течёт себе, девчонки ждут, сердце Олесино стучит, слышно по всей округе. И он выбирает! Взял за руку! Как будто током пробило ладошку! В шоке 9-б, 10-а, б, в, г, д – и все другие буквы алфавита. Впервые семиклассницу рассматривали во всех подробностях. Почему она? «Да потому, что я и пела, и рисовала стенгазету, стихи читала, в баскетбол играла, комиссаром была в «Оптимистической трагедии», мало того...» Взрослая

Олеся Дмитриевна к своему собственному удивлению готова загибать пальцы в перечислении своих школьных достоинств.

В их большом поселковом доме жили шестеро родственников: Алёнка с родителями и Олеся с мамой и дедом. Часть Олесиной семьи должна была скоро отпчкнуться, они трое строили свой дом ещё дальше от города, в лесу. Уехать из одного посёлка в другой, значит, лишиться себя видеть обожаемого Беляева, а ведь это был самый разгар дружбы и совместного время препровождения молодёжи.

На новоселье Олеся пригласила соседних ребят в гости. Володя в первых рядах. Володя нарвал ей в подарок мохнато-фиолетовый букетик сон-травы и ещё подарил книгу. Вот она в её руках. «Конст. Седых. «Даурия». На первой странице его рукой стихотворное послание, видимо, с какой-то откритки списал, но, Боже мой, как трогательно.

*Когда ты отсюда уедешь,
Забудешь Амур навсегда,
Забудешь все реки, озёра,
Но, может быть, вспомнишь меня.
Вспомнишь – спасибо,
Не вспомнишь – не диво.
В жизни встречают немало
Друзей дорогих!*

Олеся Дмитриевна, тогда и сейчас, поставила бы три восклицательных знака за чувства, которое вызывало это незамысловатое послание!

Шли пешком до узкоколейки, что вела к жилищу новосёлов. Запрыгнули на низкие платформы, которые порожними в одну сторону и гружённые в обратную

возил маленький паровозик. Вот тогда оно и случилось, это событие в её жизни! Володя взял Олесю за предплечье, как бы удерживая от толчков платформы. И всё! Но сколько раз она потом воссоздавала в памяти эти минуты счастья. Какими тёплыми и надёжными были его руки. Как сердце остановилось, но оно, оказывается, билось. Как ребята притихли. Как машинист паровозика нервно засигналил, и все благополучно спрыгнули на землю.

Счастливые минуты продолжались. Далее по шпалам дошли до посёлка, но остановились на воинском стрельбище. Собрали гильзы, разожгли костёр. Володя и Олеся сидели рядом, прижавшись плечами. Комары впивались в их голые руки, ноги, шею, но укусов они не чувствовали. Серёга Кушнарёнок отхлёстывал их пучком полыни, отбиваясь от комаров, считал кровососов и приговаривал: «Первый пошёл. Второй пошёл. Третий пошёл». Все веселились, очень смешно он это делал. Не смеялись только Вова и Олеся.

*Когда ты отсюда уедешь,
Забудешь Амур навсегда,
Забудешь все реки, озёра,
Но, может быть, вспомнишь меня...*

Книгу с дарственной записью Олеся Дмитриевна хранит и по сей день. Самое интересное, как только учительница вспоминала этот день своей жизни, случалось необъяснимое преобразование в её физическом теле. Переставала болеть голова, появлялась лёгкость в движении.

Но более таких радостных событий в их отношениях не происходило... Старшеклассницы не приветствовали малолетку из седьмого и давали понять

Беляеву о непрестижности подобного увлечения. И он, видимо, соглашался. Голову в её сторону, как было раньше, не поворачивал, и школьные коридоры показались ей пустыми.

Но однажды во Вселенной что-то случилось. Солнце остановилось в зените. Олеся пришла сдавать учебники в библиотеку. Володя заметил её в школьном дворе и предложил проводить «до хаты». От школы до её нового посёлка было шесть километров неухоженной трассы, грубо закиданной крупной щебёнкой и разными бульжниками. По ней ходили редкие машины, разве что солдаты раз в неделю приезжали на стрельбище.

Безлюдный пейзаж скрашивали лишь пышные кусты изумительной красоты мелколистного клёна. Шли молча. Сокращая путь, перевалили сопку, а за ней и каменный карьер, который каждый год собирались закрывать. За ним непростой переход к поселковой дороге. Володя поддерживал девочку за руку, но искра между ними не пробегала. Олеся это чувствовала и прикосновений не искала. Вышли на трассу, и она, видя его бесчувствие, освободила руку, сказала, что оставшиеся четыре километра быстро пробежит и одна. Юноша согласился и поспешил назад к сопке и карьеру. Провожание оказалось коротким и печальным. И эту печаль ей предстояло пронести дальше одной по безлюдной и длинной дороге.

Между дорожным полотном и узкоколейкой лежала полоса отвода воды, достаточно просторная канава уже поросшая свежей зеленью. Тогда это и случилось! Прямо перед глазами девочки из ямы поднимались трое! Трое в одинаковых коричневых робах, повседневной одежде сидельцев расположенной невдалеке тюремной зоны, где нередко допускались послабления режима. Шли медленно,

рассредоточившись по ширине всей дороги. Десять минут, как Володя ушёл к карьеру и, наверное, уже скоро перевалит сопку. У Олеси ватные ноги, да и бежать-то некуда. Она помнит что кричала, помнит, как видела Володькину спину, скрывающуюся за сопкой. Один из «зеков» схватил её за волосы, рванул голову к полотну дороги. Она перевернулась, пропахивая лицом ещё не устоявшийся грунт дорожного покрытия. Но вдруг нападающий отдёрнул руку. На большой скорости с включёнными фарами на них мчался «Москвич». Из него выскочил немолодой уже мужчина и с криком кинулся к растерявшимся зекам. Олеся сразу узнала голос Виктора Ивановича, своего соседа по улице, фронтовика. Трое уходили спешно, пряча лица. С разбитыми руками, губами, носом, ободранными коленями она тихо сидела в машине соседа...

Олеся Дмитриевна перевела дыхание. Этот зловещий эпизод своей жизни она и раньше старалась не вспоминать...

И вот голосом доброго сторожа пионерского лагеря пожилой человек успокаивает смертельно напуганную девушку. «Это шок у тебя, Олесенька, Он скоротечный, он пройдёт, а маме ничего не скажем, – приговаривал Виктор Иванович. – Завтра я пойду в зону. И в милицию не обращайся, начнут сплетничать в посёлке. Обошлось ведь! Хочешь, я тебе расскажу смешной стишок? Я его вырезал из газеты, Генке внуку читаю на ночь. Ему нравится. Прочешь?» Не ожидая согласия, Виктор Иванович начал:

*Помню, бабуля всегда говорила, – послушай,
Остерегайся, дружочек, ночного Фёдюшу,
Он же бабайка, и он же страшуля,
Прячься, когда он идёт, – утверждала бабуля!*

*С духом собравшись, я ящик открыла несмело,
В ящичке сжался бабай, он смотрел очумело,
В лапках своих пузырьёк валидола сжимая.
Дети, не бойтесь такого смешного бабая!»*

– Виктор Иванович, но ведь злые бабаи, да трое, а вы – один!

– Эх, доча, да они моего грозного вида испугались. Сволочи! – не сдержался водитель.

Мария Андреевна кинулась к дочери.

– Вот, с карьера свалилась, запнулась и вся ободралась, – объяснил Виктор Иванович. Сколько говорю – этот карьер надо давно закрыть!

Мама уложила молчащую Олесю на кушетку, размяла таблетки стрептоцида и засыпала белым порошком всё лицо ребёнка!

Через неделю физиономия Олеси покрылась коричневой коркой, и на ней, напоминая сталактиты, торчали кусочки не до конца раздавленных таблеток. Олеся брала щипчики, откусывала лишнее, выравнивая пострадавшую территорию. И уже было не так горько, и даже немного смешно. Вроде бы успокаиваться стала, но беспокоило другое: почему Володя молчит? Почему так быстро скрылся за обрывом? А может, не слышал её крики о помощи?

Вскоре Олеся взяла велосипед и поехала на старую квартиру к сестрёнке, тёте и дяде. Вова Беляев должен был ещё оставаться в городе. Алёнка сообщила: готовится поступать в физкультурный институт. На улицу Вовик Беляев гулять не вышел.

На лице Олеси ещё проступали небольшие розовые пятна, но вместе с ними уходила и печаль. Беляев жил и учился в краевом центре. Она, окончив школу, институт, выйдя замуж за военного, уехала из

города. Иногда приезжала к детям, но Беляева не встречала. Повзрослевшие дочери, вернувшиеся в её родные пенаты, жили в центре города. И вот теперь она должна приехать, чтобы пролечиться, и, конечно, облегчить душу вопросом, мучившим её надеждой, а может всё-таки тогда он ничего и не видел? Она должна обязательно приехать, чтобы спросить об этом. И приехала, и пришла. И открыла калитку, и села на крыльцо, совсем не на то старое, «золотое», на котором подростки посёлка любили просиживать вечерами, а новое, как и весь обновлённый дом семьи Беляевых, теперь двухэтажный, с современной отделкой, гаражом, большими теплицами. На веранду из квартиры прошёл лёгкой походкой мужчина. Узнала сразу. Открыл дверь на крыльцо:

– Вы ко мне?

Лысина блестящая, жирная, лицо круглое. В памяти мелькнули строчки Заболоцкого: «Прямые лысые мужья сидят, как выстрел из ружья». Не взволновалась, но в руке что-то резко закололо.

– Я Олеся. Олеся Миронова, – назвала свою девичью фамилию.

«Похоже, он обрадовался», – отметила она. Какое-то время молчали, видимо, приглядывались друг к другу.

– Лисёнок?! Но я тебя, честное слово, сразу не узнал. Хотя глаза те же! Как в индийском фильме.

Индийского фильма Олеся Дмитриевна не помнила, а может, и не видела. Она готовилась старому Вовику задать свой вопрос сорокалетней давности. Не сразу конечно...

– Да и ты неплохо выглядишь. Стройный, подтянутый.

Однако его лёгкость, подтянутость не компенсировали его же лысину и жирную кожу круглого лица. «Что ты привязалась к этой лысине. Господи, что за бред, помоги склеить разговор», – подумала женщина. И он в свою очередь решил пошутить.

– Ну, а вообще-то, почему мы пузатенькие? – спросил игриво, напомнив молодого Беляева.

Шутку подхватила.

– Думаешь беременная? Не надейся, не от тебя!

Кажется, контакт был установлен. Разговор завязался. Оказывается, работает тренером в детской спортшколе, иногда и сам играет в баскетбол, но живёт один, как-то не сложилось...

– А, вообще, почему ты раньше не приезжала? Хочешь не верь, но я несколько лет ждал тебя уже будучи женатым... Уезжал. Приезжал, но нередко вспоминал, как ты стихи читала, костёр жгли, помнишь? Я ждал тебя...

– Ждал? – Олеся Дмитриевна обомлела. «Твои слова да раньше! У меня бы крылья выросли», – подумала она.

– На золотом крыльце сидели: царь, царевич... Помнишь? На нём, конечно, сейчас никто не собирается, но тогда здорово было, правда? А сестрёнка где? От тебя не отходила.

– В музыкальной школе работает. Живёт в Приморье.

– Завидую твоей семье. Врач, юрист, музработник, а ты, наверное, училка?

Олеся Дмитриевна промолчала.

– А мой сынок дурак, бездельник.

– А жена? Почему не сложилось?

– Жена? Нету жены. – Беляев занервничал. – Она ко мне в форточку влезла. Потом женился. Да и вообще была моторная, рестораном заведовала. Проворовалась, спилась, головка – «ку-ку». Отвёз в «Горин», там большая психбольница открылась.

«А я своего парализованного мужа семь лет поднимала», – хотела сказать Олеся Дмитриевна, но промолчала. Она окинула взглядом подворье Беляевых.

– Ты утверждаешь, что сам, без участия жены, своими кровными баскетбольными доходами нажил эти богатства?

Мужчина молчал. «Ну, теперь можно приступить к следствию», – решила женщина.

– Я хочу спросить у тебя, Беляев, не сочти за бестактность, если что не так. Тогда, 40 лет назад, ты мог меня спасти? Ты слышал мой крик?

На какое-то время наступила пауза.

– Ты про карьер?

– Почему ты испугался? Да заключённый, он ведь трус! Почему не кричал?

– Так это были заключённые? Все трое? – вырвалось у него.

Женщина замерла, удерживая себя на ступеньках крыльца.

– Ты, значит, увидел, как они выходили на меня? И сразу вжик, за сопочку? Телёночек! А ножкой «слабо» было топнуть: «Эй, бандиты, рогами заколю, копытами затопчу...»

– Олесенька, прости, если сможешь.

«Какое же ты, Беляев, ничтожество», – она хотела продолжить, но его «прости» из глубины её души рождало совсем другое чувство. Грустное чувство разочарования прежним кумиром сочетались с огромной жалостью к нему. Как же он живёт со всем

этим? Шестьдесят с хвостиком – уже не мало, но ведь и не финиш! Олеся Дмитриевна ещё раз охватила взглядом фигуру курящего. И голая голова, и круги под глазами уже не вызывали прежних чувств отторжения. Захотелось, как он её когда-то в юности, взять за руку. А ещё помочь, утешить. Найти духоподъёмные слова.

– Володя, а я ведь тебе благодарна, честное слово. Не веришь? Ты мне стихи подарил, строчки примитивные, а на всю жизнь: «Когда ты отсюда уедешь, забудешь Амур навсегда, забудешь все реки, озёра, а может быть, вспомнишь меня...» Книгу свою помнишь? «Даурия» называется.

Но Беляев не помнил, когда и что дарил, тем более писал. Потом он отошёл в комнату, взять ещё пачку сигарет. Вернулся, что-то говорил, но ей уже было не интересно.

– Я уйду, пожалуйста, не провожай. Нам больше не о чём разговаривать...

– А мне что делать?

– Праведно жить, – ещё успела сказать она, медленно спускаясь со ступенек, оставшихся от «золотого крыльца» их молодости...

Через неделю, сдав необходимые анализы, Олеся Дмитриевна обратилась к мужу старшей дочери отвезти её на кладбище на могилы родителей, деда и тогдашнего соседа Виктора Ивановича, дяди Вити – хозяина доброго и ласкового Бабая из зелёного посёлка, путь к которому пролегал по гладкой и самой длинной в округе дорожной трассе.

Ольга Суслова
Медведица

Медведица с двумя годовалыми медвежатами бродила по лесу, присматривая берлогу для зимовки. Её потомство за лето подросло, и старая берлога стала тесной, появилась необходимость искать логово – широкое и глубокое.

Осень заботы прибавила. Медвежата накопили подкожный жир, но его было недостаточно для полугодовой спячки.

Поиск берлоги продолжался месяц. Они наткнулись на небольшие норы, где могла поместиться только мать.

Наконец, медведица наткнулась на старую, почти с развалившимся стволом, липу, у основания которой была большая нора с заметёнными сухими листьями, но зверем она не пахла.

Логово было покинуто давно. Пометив место своим запахом, и оцарапав со всех сторон липу, медвежья семья направилась к берегу реки. Амур своими рыбными запасами кормил почти всех жителей тайги.

Путь к водоёму был далёкий – через бурелом и по оврагам, через ручьи и сплетённый навес лиан, медведи без приключений вышли на берег протоки. Это место медведица хорошо знала, не раз приходила сюда.

Сентябрь всегда радовал крупного зверя, в это время шла путина – Амур кишел лососем, рыба спешила на нерест.

Место было выбрано с перекатом, где кета косяком плыла по поверхности, показывая свои горбины и хвосты, а иногда и саму себя.

Приход рыбы чуяли все хищные звери, в том числе и птицы: орланы, филины и коршуны – многие из них пользовались остатками чужого стола.

Целую неделю медвежья семья ела вдоволь кету. Рыба была почти у берега, и медведице ничего не стоило её добыть.

Мгновенный взмах её лапы, от которого летел фонтан брызг, достигал рыбу, и она белым брюхом всплывала на поверхность.

Взяв зубами добычу, медведица приносила её медвежатам. Детёныши боялись воды, они только наблюдали, как мать ловко била рыбу, при этом они беспокойно бегали по кромке берега.

Шерсть рыболовов приобрела блеск, стала лосниться, к тому же появился густой подшёрсток. Но не всё шло так гладко – объявился на берегу здоровый медведь, его также звала путина.

Чуткое обоняние Топтыгина привело к перекату. Он искал мелководье и наткнулся на семью себе подобных.

Голодный зверь стал гнать медведицу с медвежатами, угрожая их разорвать.

Он ревел и лапами разгребал землю. Семье пришлось бежать с добротного места с пологим берегом подальше, оставляя позади себя хлебосольный перекал.

Больше километра предстояло им пробежать, пока прекратился доноситься ужасающий рёв медведя – густая тайга надёжно не пропускала звуки и запахи.

Мать семейства всю дорогу обнюхивала берег, но что-то ей не нравилось.

Она останавливалась и подходила к реке, мочила лапы, ища удобное прибежище для рыбалки.

Наконец, беглецы нашли место с низким берегом и заросшее, как щетиной, травой, затем спустились к воде.

Как всегда медвежата остались на берегу, только иногда, от нетерпения, бродили по кромке воды. А медведица заходила все дальше к середине реки, пока не скрылась под водой.

Не прошло и двух минут, как мать семейства вынырнула посреди протоки, держа в зубах большую кетину.

Медвежата от радости заревели – ждали они не напрасно. И, конечно, обеда им не хватило, медведица ныряла ещё несколько раз в этот день.

Уставшая, но сытая, она прилегла на сухой песок под ивой, чтобы немного отдохнуть. Здесь их никто не тревожил.

Глубоко нырять за рыбой не хотели ни птицы, ни животные, они питались остатками пищи... На этом месте семья пробыла до заморозков.

И однажды, ранним утром, когда посыпал первый снег, они направились в свою берлогу.

За сезон путины медвежата, да и сама медведица, набрали достаточно подкожного жира, чтобы полгода спать спокойно.

Натаскав сухих листьев и веток в логово, семья залегла на зимовку.

Антонина Кухтина

Телёнок

Не так уж и много осенью выдаётся таких умиротворённых тёплых солнечных дней. Словно кто-то на короткий миг снова подарил лето. Высоко-высоко над головой почти не движутся лёгкие пушистые облака, отражаясь в относительно небольшой, но своенравной и непокорной речке Чулым. А на её, то крутых, то пологих берегах такое разноцветье трав, листьев и ягод, что дух захватывает. И всё-таки два цвета здесь особенно ценятся: алый и ... чёрный. На много километров берега реки покрыты кустами черёмухи и калины. Весной, едва сойдёт снег, их нежные душистые цветы укрывают берега сплошными белоснежными сугробами и дурманят головы особенным, резким, но очень приятным, ни с чем не сравнимым, ароматом. А осенью наступает пора урожая. И за этими вкусными и целебными подарками природы люди едут сюда с вёдрами, корзинами, мешками и коробами. Сбор калины и черёмухи – это самые яркие воспоминания моего детства. Сама-то калина – ягода горькая, её просто так с куста не покушаешь. Но заготовленную ягоду потом ссыпают в бочки, заливают водой и опускают в погреб. А зимой спустится хозяйюшка в погребок, вырубит кусок замороженной калины, принесёт домой, опустит в кастрюлю и в горячую духовку. Постепенно горьковатый чудесный её запах заполняет все уголки жилья, а домочадцы терпеливо глотают слюнки. Хочешь вкусно покушать, значит, надо подождать. Долго, несколько часов, калина парится-томится в духовке. И вот (наконец-то!) кастрюля торжественно вынимается, напаренная в собственном соку ягода

торжественно раскладывается по мискам, каждый на свой вкус добавляет туда сахар и начинается пиршество.

А черёмуха? Ну, тут другая, но не менее вкусная история. Сначала её сушат, потом везут на мелькомбинат, чтобы смолоть. И всю зиму у каждой неленивой хозяйюшки стоял в кладовке как минимум мешок молотой черёмухи. А зимой нужно только пойти в кладовку и насыпать в миску эту душистую коричневую вкуснятину. Потом залить её крутым кипятком, дать немного напариться и загустеть, добавить по вкусу сахар, и пожалуйста к столу! А какие черёмуховые торты делала мама! А какие пекла с ней пирожки! Для нас, послевоенных детей, и калина, и черёмуха были самым первым, настоящим лакомством. И до сих пор вспоминаем мы о них с каким-то особым благоговейным трепетом. Но всё это только предисловие, а вот и история, которую я хотела вам рассказать.

В один из таких благодатных погожих осенних деньков две молодые женщины с сыновьями-дошкольниками медленно продвигались вдоль Чулыма. Нет, они приехали сюда не отдохнуть и насладиться последними тёплыми минутами. Всё было намного проще и серьёзней. И женщины, и дети были равноправными тружениками, споро наполняя вёдра и корзины алыми ягодами калины. Даже и покушать-то её невозможно, но мальчишки не роптали, они были главными помощниками, старшие-то в школе, а в таком трудном и серьёзном деле каждая пара рук ценилась на вес золота. Помощники старательно выбирали кусты с самыми крупными и рясыными кистями.

Набрав ягод, притомившиеся женщины спустились по пологому берегу к Чулыму, чтобы умыться и попить водлы. Тогда ведь и в голову никому

бы не пришло заявить, что в этой воде опасно купаться и тем более нельзя её пить. Женщины расположились на берегу, достали нехитрые запасы, разложили их на специально принесённой клеёнке и уже собирались перекусить и отдохнуть перед неблизкой дорогой домой. Мальчишки бегали у самой воды, пускали «блинчики» и радовались свободным минуткам, погожему дню, теплу и солнцу, как могут радоваться только дети. Довольно далеко от них паслись совхозные телята, медленно перемещаясь к берегу. Да вот только берег там был крутой и обрывистый. На Чулыме много таких опасных мест. На больших и малых его поворотах берега быстро подмываются и обрушиваются. Почти каждый год мы слышали о происходивших трагедиях, уносивших жизни не только животных, но и не очень осторожных людей.

Женщины забеспокоились. Телята разбрелись в разные стороны, и только один медленно и неуклонно приближался к опасному обрыву. Подойдя почти к кромке, он поднял голову и застыл, как изваяние. На что уж он там засмотрелся, неизвестно, но вдруг, как в замедленных кадрах, земля под его ногами стала оседать и медленно опускаться в воду. Женщины ахнули. Послышалось далёкое недоумённое «Му-у», и животное оказалось в воде. Довольно быстрое течение подхватило его и понесло. Телёнок пытался сопротивляться, но быстро устал, и река несла его, обессиленного распластавшегося, по течению в сторону испуганно ахавших женщин. Приближаясь к пологим берегам, течение замедлило свой бег, но у несчастного уже не было сил, и он только обречённо, коротко взмукивал: «Му! Му...»

И тут старшая из женщин поднялась и побежала к воде, решительно вошла в неё и стала осторожно

подвигаться наперерез течению, всё дальше отходя от берега. К счастью, берег в этом месте был ровным, без коварных ям и водоворотов (а Чулым ими, ой, как богат!) Почти под прямым углом женщина и телёнок приближались друг к другу. Она была в воде уже по пояс, когда несчастное животное проплывало мимо неё. Не хватало каких-то сантиметров. И тогда она рванулась вперёд и каким-то образом ухватила-таки его за ухо. Глубоко вздохнув, она немного постояла, ожидая, пока телёнок окончательно остановился, и потом медленно пошла к берегу, крепко держа ухо обессиленного животного. Напарница и мальчишки помогли вытащить телёнка из воды. Минут десять он лежал, тяжело дыша, Потом медленно и неуверенно с помощью детей и взрослых поднялся на дрожащие ноги и поплёлся прочь от воды. Женщины и дети молча смотрели ему вслед. Потом младшая сказала:

– Как хорошо, что ты не испугалась. А вот я бы так не смогла, ведь я почти не умею плавать...

Старшая, а это была наша мама, недоумённо посмотрела на неё, потом на её лице появился неподдельный ужас, и она пролепетала:

– Но ... я... ведь тоже... не умею... Я даже держаться на воде не умею... – и обессилено опустилась на песок.

– Что, что с тобой? Вставай, пойдём домой!

– Подожди, меня что-то ноги не держат. Я немножко посижу...

Минут через сорок спасительница всё-таки поднялась, и они, нагруженные полными вёдрами и корзинами, заторопились к деревне, чтобы не опоздать на автобус, идущий в город.

Вражда

– Что-о? Жениться на этой, этой! – от возмущения дед Василец не смог сразу подобрать подходящее слово. – На этой... партизанке? – будто выплюнул, наконец, он и так стукнул кулаком по столу, что даже зашипел от боли.

Несмотря на более чем солидный возраст, в нём ещё чувствовались и былая сила, и жёсткий, временами даже жестокий характер.

– Да мы с её батькой в Гражданскую лупили друг друга, а ты жениться?! Ни-ко-гда!

Но внук Колька недаром был его внуком. Он тоже хряснул кулаком об стол:

– А я женюсь! И точка! И хватит уж вспоминать времена царя Гороха! Манечка – хорошая девка, полюбилась она мне. Да и поздно уже раздумывать, тяжёлая она...

Тут в разговор вмешался Петро, сын деда Васильца и отец Николая:

– Не те времена, батя, чтоб вспоминать, кто кого и когда лупил. А Манечкин батька всё-таки бывший командир партизанского отряда. Его карточка вон даже в городском музее висит. С таким и породниться не грех. Смотришь, и нам какое послабление будет. А то уж больно на нас некоторые косятся. Всё никак простить не могут.

Дед Василец даже подпрыгнул на лавке:

– А чего, чего прощать-то? Перед законом мы чисты, никто ничего не докажет! А что болтают, так собака лает – ветер носит. А доказательств-то и нету, не-е-ту-у, – он издевательски развёл руками...

Свадьбу, не свадьбу, но вечеринку всё-таки собрали. Давно отгремела Гражданская война, уже

собрала свой скорбный урожай и Великая Отечественная, а бывшие классовые враги, наверное, впервые вот так сидели за общим праздничным столом. Манечкин отец, ещё крепкий мужик, имевший одиннадцать дочерей и двоих сыновей, хмурил брови, недовольно зыркал взглядом в сторону вынужденных новоявленных родственников, но молчал, сопел и опрокидывал рюмку за рюмкой.

Деда Васильца предусмотрительно посадили за другим концом стола.

Он тоже опрокидывал рюмку за рюмкой, несмотря на предостерегающие взгляды и незаметные тычки родственников, хихикал, что-то рассказывал рядом сидящим и победоносно поглядывал на угрюмого свата. Веселились, в основном, женщины и молодёжь. Пелись и современные, и старинные обрядовые песни. Молодых осыпали зерном, с шуточками-прибауточками одаривали подарками.

В общем, всё шло, как и полагается. И вот, когда вечеринка уже была в самом разгаре, и Манечкиного отца попросили сказать тост, он встал, внимательно осмотрел всех, особо остановившись взглядом на раскрасневшемся лице деда Васильца, чуть усмехнулся и произнёс:

– А тост мой будет такой: за Советскую власть! – выпил, закусил и только тогда сел.

Уже порядком набравшийся, дед Василец, позабывший все предварительные уговоры и увещевания родни, демонстративно отставил гранёную стопку и громко произнёс:

– Ну, уж нет! Пей за неё сам! А мы вашего Лазо в топке жгли! Жалко, что ты нам тогда не подвернулся! Хорошо бы горел!

И... свадьба переросла в яростную потасовку. Но опомнившиеся родственники скрутили деда Васильца, громко уверяя собравшихся, что старик совсем свихнулся, сам не знает, что брешет, и куда-то увели-уволокли под вопли голосивших баб. Бывший партизанский командир, схватив дочку за руку, кричал:

– Ноги моей больше не будет в этом белогвардейском гнезде! И её ноги тоже не будет!

Манечка же цеплялась за растерянного Николая и голосила-причитала:

– Тятенька, родненький! Никуда я отсюда не пойду! Муж он мне, муж!

Через неделю дед Василец скоропостижно скончался. А ещё через два месяца Манечка прибежала домой вся в слезах и синяках. К мужу она больше не возвращалась. Расписаться они ещё не успели, поэтому новорожденному были даны отчество и фамилия деда-партизана. А назвали его Иннокентием, Кешкой.

Через некоторое время и отец, и мать Кешки уехали в город и там, уже каждый по отдельности, стали устраивать свою судьбу. Кешку родственники отца не признавали. Дед-партизан через несколько лет умер от рака желудка. Так и рос парнишка, в общем-то, никому ненужным. И только бабушка, терпеливая и многострадальная бабушка искренне и горячо любила внука. Кешка отвечал ей тем же. Был он на удивление незлобивым, немного мешковатым, молчаливым, застенчивым пареньком. Окончил восемь классов, но из деревни не уезжал, несколько лет работал здесь же, в лесничестве. А потом – служба в армии.

Через год в часть пришла телеграмма: «Умерла бабушка». Но на похороны его не отпустили, объяснили: не отец ведь и не мать, всего лишь бабушка. И тогда он сбежал. Добравшись до деревни, домой

заходить не стал, а сразу пошёл на кладбище. Через два дня за ним приехали. Нашли его всё там же, на кладбище, опухшего от слёз. Он молча лежал на могиле бабушки и совсем не сопротивлялся, когда его уводили. К счастью, на этот раз нашлись умные головы и строго наказывать парня не стали.

После армии возвращаться ему практически было некуда, и он поехал к матери. У той давно уже была другая семья, подрастали две дочери. Семья занимала две комнаты в большой коммунальной квартире. Кешка пожил у них с неделю, устроился на работу и ушёл в общежитие.

Но, видимо, ему, спокойному и домашнему по натуре, очень хотелось иметь свою семью, свой дом. И через полгода он женился, пошёл, как говорят, в примаки. Однако семейная жизнь не получилась и не только по его вине.

После рождения сына он опять ушёл в общежитие. Стал выпивать. За участие в пьяной драке получил срок, два года. Отсидев, уехал в другой город, а через полгода нашли его в петле на чердаке какого-то дома. Официальная версия гласила: самоубийство. Неофициально же все утверждали, что-то тут не так, кто-то ему «помог» и, скорей всего, его повесили, но кто и за что, выяснять, конечно, никто не стал.

Сейчас его сыну уже под тридцать. У него другая фамилия, другое отчество и даже другое имя. И, скорей всего, он не знает правды о своём настоящем отце. А жалко Кешку. В общем-то, хороший был мужик...

Людмила Скрипченко

Господа

Сравнительно недавно мы все стали господами. Раньше ведь, как было в очередях? Примитивно и грубо:

«Эй, женщина, куда лезешь!» или «Мужик, куда прешь!»

А сейчас очереди только в больнице, а там, как нигде, нужно оберегать друг друга от стресса и обращаться соответственно.

Например, можно так: «Господин пенсионер, госпожа женщина, простите, но вы суетесь без очереди!» Все-таки более вежливо, и это так приятно, как бальзам на душу.

Даже у нас встречаются люди, которые своим поведением, внешним видом, отношением к жизни вызывают у других положительные эмоции, а уж за границей...

Говорят, что французские бабушки и в глубокой старости всегда аккуратны, прекрасно одеты. Не богато, нет, скорее старомодно, но элегантно.

Выходя на пенсию, заграничные старушки и старички разъезжают по всему миру и живут для себя. Называть их бабушками и дедушками язык не поворачивается. Другое дело, «мадам» или «мсье». А наши «господа» так отдыхают на дачах. что еле доползают до лавочек во дворе и валяются на них без особого изыска. Однако некоторые из них тоже умудряются мастерить себе шляпки, галстуки, бантики, украшая пенсионные наряды. Так хочется, чтобы и для наших пенсионеров эта пора стала временем отдыха, путешествий, туристических поездок.

И чтобы на «лавочкиных посиделках» они делились впечатлениями не о преимуществах плоскореза огородного, а о волнорезах на заморских пляжах.

Настоящий Женский день

Все мужья наивно считают, что 8 Марта – настоящий Женский День. И в этот день они суетятся, дарят подарки, ухаживают за женами и занимаются другими необычными делами. Жены великодушно позволяют мужьям неловко и трогательно топтаться вокруг, терпеливо и мужественно переносят все их промахи. А еще затаенно улыбаются, точно зная, что 8 Марта – это единственный Мужской День! Но все это будет потом.

А пока скажите, куда девать мужа в предпраздничный день 7 марта, когда в доме, как можно быстрее, необходимо сделать генеральную уборку, а он всеми силами старается помочь...

Хорошо, если у вас частный сектор и есть двор, какая-никакая скотина. Тогда муж может заняться работой по хозяйству, в крайнем случае, переждать в летней кухне. А вот, что делать с ним в «хрущевке», где вы постоянно сталкиваетесь и мешаете друг другу? Известно, что идеальные мужья бывают у подруг, соседок, коллег по работе. Они многое умеют делать хорошо и своевременно, всегда поступают правильно. А вот свой-то, собственный...

И все же есть несколько вариантов того, куда и как приспособить обыкновенного рядового мужа с наибольшей выгодой для себя. Конечно, его можно использовать для выбивания ковров или выноса ведра с мусором. Но это же ненадолго! Он обязательно придет

не вовремя. когда вы домываете пол, и наследит своими ножищами. Можно отослать его на рынок со списком необходимых к приобретению продуктов, если вы не боитесь, что он все равно все перепутает, купит не то, не по той цене, не того качества...

И тут головная боль будет вам обеспечена, а праздник безнадежно испорчен. Если у вас есть маленькие дети, упакуйте их для прогулки, предварительно посадив на горшок, чтоб надольше хватило, и быстрее выпихивайте за дверь вместе с мужем. Но и здесь время возвращения не предсказуемо, дети есть дети! При наличии собаки можно вполне доверить ей мужа. Не забудьте только сунуть ему в карман пакет с «Педи Гри», напомнив, что это все же не чипсы, а завтра его ждет праздничный обед, если они будут гулять до тех пор, пока собака сама не скажет, что устала и хочет домой.

Но самый лучший вариант – это загнать мужа на диван, поместив его туда вместе с тапочками. А чтобы обезвредить полностью, снабдите пультом управления телевизором, обложите газетами и поставьте рядом еду. Отдельные мужья будут слабо сопротивляться, говорить, что женский праздник бывает раз в году и как-то неудобно...

Но вы ласково и настойчиво подталкивайте его, родимого, к дивану. И никакой муж не устоит, поверьте! И тогда вы можете мотыльком порхать с тряпкой от пола до потолка, кузнечиком прыгать со шваброй из угла в угол, птичкой летать из кухни в ванную и обратно! И нет предела вашей резвости, и никто не путается у вас под ногами!!

Вот он, настоящий, бесконечный Женский День!

Георгий Разумов

Крестик

Стояла глухая октябрьская ночь. Царила кромешная тьма, которая случается в здешних местах только в осеннюю пору, во второй половине октября, когда вот-вот должны выпасть первые, как правило, очень обильные снегопады, после которых резко холодало, и зима прочно поселялась в окрестных местах на правах хозяйки до самых поздних мартовских дней, когда весеннее солнышко, поднявшись повыше, своими лучами начинало ноздрить белый снег.

Поселок спал глубоким сном. Стояла мертвая тишина, даже собаки молчали, не брехали, не нарушали давящую тишину. Прохор Лукич еще раз проверил, все ли он взял, не забыл ли чего, собираясь вчера поздним вечером. Так, спички – вот они, два коробка на всякий случай, моток бересты, пара листков бумаги из внучкиной тетрадки, двухлитровая банка керосина, обернутая плотным слоем парусины и крепко закрытая полиэтиленовой крышкой – все было на месте. Постояв перед дверью, Прохор Лукич еще раз прислушался. На улице было по-прежнему мертвенно тихо. Перекрестившись, старик толкнул дверь и вышел. Плотно прикрыл ее и, пригнувшись, осторожно двинулся к дальнему концу огорода, чтобы там выйти за пределы двора. Спустя десять минут он уже был у цели своего похода. Подойдя к усадьбе Коновалова с тыла, тихонько отодвинул загодя оторванную доску, висевшую на одном гвозде, пролез через дыру. Крадучись, прошел к высокому крыльцу, поднялся и аккуратно, тихо, но намертво, припер выходную дверь заранее припасенным колом.

Затем осторожно открыл крышку банки с керосином, облил пол в районе двери. Потом обошел дом, облил ворота гаража, где стояла богатая сатанинская машина, там все обильно смочил керосином, тоненькой струйкой соединил между собой облитое крыльцо и ворота гаража. Вернувшись к воротам, положил бересту, чиркнул спичкой – береста неохотно занялась. Прохор Лукич на политое керосином место бросил листки бумаги, положил горящую бересту и быстро шмыгнул за угол гаража. Чтобы запутать следы, не пошел к оторванной доске, а перелез забор в другом месте. Получилось не очень ловко, чуть было не упал, даже рубахой зацепился, но устоял. Очутившись за забором, присел, затаился. Кругом все было тихо и беззвучно. Минуты через две старик услышал характерное потрескивание, а потом показались и языки пламени. Прохор Лукич прошел в сторону леса, опушкой дошел до своей тропки, и по ней вернулся к дому. Постоял. Все было тихо, но в районе Коноваловского строения уже было видно зарево. Прохор зашел в дом, разделся и лег на печку – дело сделано.

Прохор Лукич, семидесятипятилетний старик, бобылем жил в своем родовом доме, который был в незапамятные места поставлен его дедом. Тогда их староверческая община с дозволения уездного начальства поселилась в среднем течении безымянного притока реки Бикин, что протекала по Сихотэ-Алиньским распадкам, неся свои воды на запад, к великой реке Уссури. Срубили добротные лиственничные дома, по заветам отцов скроенные, раскорчевали землю под пашни, и зажили своей праведной жизнью, вдали от греховного мира. Все было ничего до той поры, пока не пришли люди, и не создали

рядом с их скитом леспромхоз. Быстро выстроился поселок, кругом засутились лесорубы, заревели трактора, машины.

Тишина и покой, казалось, навсегда покинули этим места. Большинство семей их скита бросили насиженные места и ушли в тайгу дальше, но отец Прохора рассудил, что от новой жизни уже не уйти никуда, и переселяться не стал. Так их усадьба и осталась на некотором отшибе от поселка лесозаготовителей. Пришлый народ староверов не трогал, староверы тоже к ним не лезли, так и жили они тихо, осуществляя в микро масштабе принцип мирного сосуществования.

Из-за лесных работ зверя в окрестных местах стало меньше, охотничий промысел стал скудным. Старший сын переселился с семьей к ушедшим в тайгу одноверцам, а младший пошел работать в леспромхоз. Выучился на тракториста и трелевал срубленный лес.

Шли годы. Прохор Лукич старел, старела и жена его, Аграфена. Родителей своих уж давно схоронил. Сын-тракторист женился на девушке из пришлых. Прохор противился, но втайне понимал, что сила солому ломит. Года через четыре родилась у них дочка. Жизнь текла размеренно, Прохор жизнью был доволен и не роптал, не гневил бога.

Все шло хорошо, покуда не умерла его Аграфена. С этого момента начали сыпаться разные несчастья: то корова сдохла, то коня в лесу медведь задрал, то недуг спину так простреливал, что света белого Прохор Лукич от боли не видел. Внучка уже подросла, шел ей шестой годик, как новая беда настигла нашего героя. Сын с невесткой поехали в район по каким-то надобностям, купить там кой-чего, то, да се. Короче, по хозяйским делам. На обратном пути, на Большом Перевале, там,

где он уже заканчивается, и дорога делает крутой поворот к мосту, отказали у автобуса тормоза, и он свалился с крутого берега в речку, попутно ударившись об перила моста. Почти все остались живые, убило только водителя и сына с невесткой. Осталась малая внучка на руках у старика.

Эта беда сильно подкосила здоровье Прохора Лукича. Он как-то сразу постарел, сник, куда-то его выправка статная подевалась. Вся его жизнь теперь, все его надежды и чаяния заключались в его внучке Верочке. Прохор, как мог, пестовал ее, учил всему, что сам знал, и что умел. Характерами они сошлись, и внучка тоже в дедушке души не чаяла.

Время шло, внучка подрастала. Между тем, в миру прошли большие изменения. Бесовская власть рухнула, как и предсказывали в давние года старцы. Леспромхоз поначалу захирел, а потом и вообще развалился, распался, прекратил существование. Оставшиеся люди без работы еле концы с концами сводили. Кто дикороссы собирал, кто кустарным промыслом занялся, кто вообще уехал из здешних мест. Повально варили самогон, беспробудно пьянствовали. Школа стала девятилетней. Внучка Верочка к этой поре уже училась в последнем классе.

Года два назад появился в их местах мужик из тех, которых называли мудреными словами «новые русские». По всему чувствовалось, что мужик он суровый. Быстро нанял из местных артель, построил неподалеку от усадьбы Прохора Лукича огромный дом со всеми хозяйственными постройками. Скважину пробурил. Короче, обосновался капитально. Сам в поселке не жил, наездами бывал. Привозил с собой много разного народу, молодых визгливых бабенок. Устраивал грандиозные попойки с баней, парильней,

гости его, и мужики и бабы вместе, голыми сигали в выстроенный во дворе бассейн. Когда сам не приезжал, наезжал его сынок с дружками. Молодой парень с наглой ряхой. Ходил везде с видом, что он всему миру хозяин, любого мог избить, унижить и все ему с рук сходило. Под стать ему были и его дружки. Местный участковый, молодой, прыщавый тихий паренек сам их боялся, и приструнить, конечно, не мог.

Как-то однажды под вечер, аккуратно в середине сентября, внучка говорит Прохору:

– Деда, схожу-ка я, учительницу нашу, Прасковью Тимофеевну, проведу. Что-то она прихворала, в школе нет ее, а ты же знаешь, она одна живет, ей и помочь-то некому.

– Сходи, внучка, проведай, дело хорошее, богоугодное, тока к ужину возвертайся.

Ушла внучка, Прохор Лукич все по хозяйству колготился...Вечерело, меж тем, уже и темнеть начало. Прохор уж и ужин сготовил, он уже на столе простыл, а Верочки нет, как нет. На дворе темень темная. Старик присел на лавку, обуваться начал, чтобы пойти посмотреть, поискать внучку..как слышит, вроде, как стонет кто-то у крыльца. Вышел, глядь, а там Верочка, внучка его родимая, на земле лежит, встать не может. Подхватил ее старик на руки, в избу занес. Смотрит, девочка его ненаглядная вся в крови и одежда в клочья изорванная. Исподнего белья нет, срамные места все напрочь разорваны, по всему телу следы от ножевых порезов. Сил у нее нет, кровью истекла, сознание теряет. Только что и прошептала:

– Коноваловы дружки, – и окончательно сознание потеряла.

Побежал старик к участковому, чтобы позвонить в район, «Скорую» вызвать. Наспех рассказал все

милиционеру. До района двести пятьдесят километров лесовозной дороги, на дворе ночь. Пока скорая добралась, Верочка, не приходя в сознание, умерла. Приехавшие врачи засвидетельствовали смерть. Труп забрали с собой на экспертизу. Участковый, было, пошел к гулявшим бандитам, но они его даже на порог не пустили, да еще пообещали, что будет вякать, и его уделают – мало не покажется.

Как там что было, доподлинно не известно. Времена были лихие, власть бандитская, прокуроры – взяточники, менты хуже братков-бандитов. Кто жил в те лихие времена, тот хорошо помнит беспредел, который царил в стране, которая так сильно хотела приобщиться к западным ценностям. Вот эти западные ценности явились во всей красе. Какое-то время в поселке приутихло, народ по углам шептался, бандюки в усадьбе своей не появлялись, но и дело о поиске убийц и наказании виновных застряло на мертвой точке. Сил у старика мотаться в райцентр не было, а вестей хороших ему никто не обещал.

Длинными одинокими стариковскими ночами не спал Прохор Лукич, все вопрошал себя, за что его Бог так наказал? Задавал он этот вопрос сотни и сотни раз, разные мысли бродили в воспаленном от бессонницы мозгу, но ответа он никак не находил... Порой думалось ему, что Бог наказал его за то, что он отступился от своих единоверцев, не ушел с ними от супостатской жизни. С другой стороны, думалось ему, зачем Бог наказал не его, зачем он сначала забрал безвременно жену, потом сына с невесткой, потом вот и внучку, кровиночку единственную, самым подлым и роковым способом жизни лишил?..

Думал Прохор таким манером, потом спохватывался, мысли греховные обрывал, истово и

горячо молился, испрашивая у Бога прощения. Путаясь в мыслях и молитвах, забывался ненадолго тяжелым сном. Так прошло уже больше месяца со времени смерти Верочки. Дня три назад, когда Прохор Лукич шел домой из лесу, повстречался ему сам Коновалов, который недавно снова начал наезжать со своими друзьями-товарищами на гульбища похабные.

– Ну что, старовер – сказал ему Коновалов – все правду ищешь? Хрен тебе, а не правда, вся правда у меня вот здесь. Он показал старику на карман и ткнул ему под лицо крепко сжатый кулак.

– Живи спокойно и не вякай, а то и тебя отправлю к девке твоей. Иди, молись своему Богу, и доживай спокойно свой век.

Прохор Лукич молча обошел пьяного Коновалова и продолжил путь домой. Все чаще ему стали ночами приходить мысли о наказании убийц, о мести. Гнал он от себя эти думки, как греховные, но они упорно возвращались и возвращались, и в конце концов он принял решение, сжечь все это гнездо вместе с его хозяевами.

Тщательно продумал, что и как сделать, выждал подходящий момент. Сам себе он говорил, что плохое он дело делает, не в его воле лишать людей жизни, которая дана им Богом, но каждый раз мысль о том, что они-то лишили его внучку жизни, похабно глумившись над ней, укрепляла его решимость.

Усадьба сгорела дотла. Добротный лиственничный смолистый материал горел, как порох. Немногие сбежавшиеся полупьяные жители помочь никому и ничему не смогли. И сынок, и его дружки сгинули в жадном пламени пожара, который очистил от скверны великой душевной боли старого Прохора Лукича.

Приезжало начальство разных видов и званий, ходили смотрели, чего-то искали на пепелище. Прохора Лукича забрали в район, посадили в кутузку. Следователь, молодой и грубый парень по-всякому давил на него, и добром, и угрозами. Прохор стоял на своем: спал, не видел. В конце-концов, отпустили домой, сказали, что еще вызовут, но что-то так все и утихло.

В ту ночь, когда Прохор Лукич вернулся с поджога, он поначалу-то внимания не обратил, а уж утром обнаружил, что пропал его деревянный нательный крестик. Стал думать-соображать, где мог его утерять? В голову пришло только то, что обронил он его, когда через забор перелезал. Только там он мог его потерять. Время, однако, шло, никто его не беспокоил, и сам Прохор уже стал думать, что обронил он крестик, должно быть, где-то в другом месте, тем более шнурочек уже староват был, менять его старик собирался.

Примерно через месяц после описываемых событий к Прохору Лукичу заявился неожиданный гость – местный участковый. Недоброе предчувствие шевельнулось в душе старика: – никак что-то пронюхал.

Гость, однако, никаких плохих вестей не принес. Посидел, покалякал, о житье-бытье расспросил. Про внучку и пожар словом не обмолвился. Посидел еще минуток десяток, помолчал, попрощался, и к выходу... Прохор Лукич пошел его проводить. Уже у выхода участковый вынул из кармана потерянный крестик Прохора Лукича, сунул ему в руку, и вышел, не сказав ни слова. Обмерла душа у старика, минут через десять только отхлынуло от сердца и стало ему все понятно.

Сергей Бойченко

Сладкие груши детства

В пять с половиной лет я практически умер.

Говорят, когда человек умирает, перед глазами проносится вся его жизнь. Возможно, у кого-то именно так и происходит, не знаю. А перед моими глазами просто нечему было и проноситься. Что я мог вспомнить в те свои младенческие годы?

Руки отцовские сильные – это понятно. Маму – теплую и ласковую. Деда моего, братьев... Что в головенке человека в таком возрасте возникает? Какие-то совершенно детские картинки – двор, тихое селение наше, петух драчливый...

Я родился в морозный январский день в Новокиевском Увале, в глубинке по тем временам. Он и в нынешние-то времена глубинкой считается.

На перевозе, между Сохатино и Новокиевкой, ходил небольшой паром. Если когда кого перевезти нужно было, – всегда пожалуйста, да приставали проходившие мимо пароходы. Там, кажется, до сих пор пристань сохранилась, хотя никто уже и не пользуется паромными переправами.

Дед мой – Денис Эммануилович Нестеренко, был начальником этой пристани, мама – фонарщицей. Вообще, матушка моя – Мария Денисовна – работала... Да где она только не работала! Тогда руки умелые рабочие везде требовались! В том числе и в засолочном цехе. Для армии готовили впрок овощи. Уж как мастерски мама это делала – никогда более ничего вкуснее не едал! Она до самой смерти домашние заготовки проворила. В военное и послевоенное время каждый тянул лямку за семерых. Нужно ли объяснять? В 1950 году мама начала работать телефонисткой.

С позывным номером 1 проработала до самой пенсии. Позднее, как бы невзначай, рассказывала, что имеет награду за участие в событиях на озере Хасан. На таких труженицах, как мать, и держалась в лихие години страна. С отцом, Максимом Павловичем, она встретилась, как в кино показывают: шел солдат с фронта, и нужно было ему попасть в Сохатино, что напротив пристани на правом берегу реки Зeya.

А вообще, если точнее, дело было так. Матушка моя вышла замуж до войны за Ивана Антоновича Каленского, у них появились на свет мальчишки – двое – Витя и Володя. Но её муж, отец моих братьев, погиб на фронте. И вот она одна, с двумя мальцами на руках. Так что, горя хлебнула сполна, что тут говорить.

А мой отец танкистом служил, механиком-водителем «тридцатьчетверки». Чуть ли не до победы прошли со своим экипажем на танке без единой вмятины, а уже ближе к завершению войны их подбили. Но ничего, обошлось, всем удалось выбраться, спастись, живы-здоровы остались, а танк нужно было ремонтировать. И вот пока технику латали, экипаж посадили на трофейную самоходку. Были такие: спереди – обычные колеса, сзади – гусеницы. Оно понятно, война, тут не до разговоров, кто чем воюет. Что под руку попало – тем и уничтожай врага! Главное, чтобы что-то бегало и стреляло, приносило пользу. Однажды, как потом рассказывал отец, передвигались они в составе танковой колонны, замыкая ее, немного отстали, а тут сгустились сумерки, снег повалил, густой, мокрый. В тех краях, под Кенигсбергом, весной такой снегопад – дело неудивительное. И вдруг сквозь снежную завесу видят – немецкие танки ползут. Наших еще не заметили, но это дело нескольких минут! Представляете, что произошло бы: получалось, что

фашисты, не зная сами, в тыл к нашей колонне заходили. А тут родная немецкая самоходка с крестом! Немцы и пристроились сзади, идут след в след. Что делать? Слава богу, движение не ходкое – из-за ужасной видимости. Договорились не показывать виду, что заметили немцев, а сами решили сообщить по колонне. Выпрыгнул из самоходки старшина – и что есть духу, догонять танк, который шел впереди. Догнал, рассказал о ситуации. Быстро по колонне по связи командир танкового полка провел оперативное совещание, произвели перестроение, взяли немцев в клещи, и осветив их прожекторами, без единого выстрела выиграли тот неожиданный бой. Комполка получил звезду Героя, а старшину потом медалью «За отвагу» наградили, хорошо бегал. Отец получил благодарность от самого Сталина. Но вообще, с самого начала войны он был в пехоте. Воевал сначала помощником комвзвода, а когда в бою погибли командир взвода и роты, принял командование на себя.

В наградном представлении к ордену Красной Звезды написано, что во время жестокого боя, находясь под перекрестным минометно-пулеметным огнем, будучи раненным, не покинул поле боя, не бросил своих товарищей и метким снайперским огнем уничтожил 21 фрица. В документе именно так и написано «фрица»!

Однажды, дело было перед наступлением, из роты дезертировали два солдата. Не просто дезертировали – ушли к немцам! ЧП! Правда, надо отметить, солдаты были узбеками, они по-русски почти ничего не понимали, а уж по-немецки – тем более. Может, и хотели выдать какие секреты, да ничего у них не вышло. А немцы, увидев их бесполезность, раздели их, обрезали по пояс шинели – и снова к нашим с поднятыми руками отправили. А в военное время с

предателями, сами знаете, – какой разговор. Короткий. Но тут тучи сгустились и над командованием роты: не уследили! Под горячую руку могли и вслед за дезертирами отправить! Но начался бой, не до разбирательств, и во время боя отца тяжело ранило – полгода потом в эвакуационном госпитале в Клину выхаживали. А когда дело к выписке подошло, явились в госпиталь «сваты» – давай каждый в свои войска сватать. Тут-то отец и подумал, что искать свою часть – себе дороже. Так и попал к танкистам. А что? Сколько было историй, когда кто-нибудь – не по злобе, просто в житейском разговоре, мог, например, похвалить немецкую технику, оружие – и всё, в штрафбат, а то, и того хуже – расстрел перед строем. Война для отца закончилась 10 апреля 1945 года, когда он вместе со своим экипажем «тридцатьчетверки» наряду со всеми взяли штурмом крепость Кенигсберг. После войны отец не сразу домой пришел, не всё ж просто делается. Они потом еще помогали немцам хозяйство восстанавливать, затем, когда Японии войну объявили, две недели в теплушках сидели, ждали, вот-вот опять на фронт отправят. Но война с Японией быстро закончилась, однако для солдата дело нашлось – еще несколько месяцев продолжали оказывать помощь немцам.

Ну, а потом демобилизация, возвращение домой. Ехал-то победителем, а вот куда. Дома никто не ждал: супруга сгинула, детей не было. В общем, возвращался в родные места, подошел к пристани, что напротив села Сохатино, вещмешок за спиной, форма военная, на груди ордена и медали, а мальчишки – мамкины дети, увидев издали солдата, приняли его за отца, и с радостными воплями к нему, на грудь бросились. Вот ведь как бывает. Так он и заменил им отца.

Уже потом, когда они с матушкой официально расписались, он настоял, чтоб фамилия у мальчишек отцовская осталась, чтобы помнили свою родову. И за это они по сию пору благодарны ему, что не дал прерваться линии Каленских.

А там и я на свет появился. Между прочим, немного от темы отклонюсь, но скажу, что Парад Победы принимал танк под номером 23, доставленный из Калининграда. Отец рассказывал: у его танка такой номер был. Хочется верить, что это был танк именно моего отца. Разве может это не вызывать гордости?!

Так вот, родился я, жизнь мирная уже всюю налаживается, про трудности говорить не буду – у меня-то, несмышленища – какие могли трудности быть? Живи, расти, науку жизненную осваивай. Я и осваивал, коров не боялся, была и у нас коровенка, от вредного петуха отбиваться научился, по улицам деревни гонял, как и все – что еще надо?! Но неожиданно пришла беда.

Как-то по лету, родители были на работе, мой друг Юра Лещенко со своей матерью пошли в лес за голубицей, я и упросился пойти с ними. А идти – не ближний свет, считай, 12 километров до Березовки. Была раньше в наших краях такая деревенька. Для того, кто повзрослей – не расстояние, но для меня, мальчика, пройти столько – подвиг. Остаться одному дома, когда впереди лес и сладкая ягода! Нарвали ягоды – и обратно, а я уже и устал почему-то, хотя не считался слабаком, уже и пить очень хочется, и слабость в теле, и ноги не идут. Присел возле кусточка – не могу идти дальше – и всё тут! А надо мной подсмеиваются: эх, мол, ходок, обуза только. Давай, дескать, возьми себя в руки, пойдем! Попытался. Кое-как дошли до моего дома, сел я на лавочку, и больше не встал. Онемело у меня всё, и говорить не могу. У меня спрашивают что-

то, а я слышать-то слышу, а в ответ – ну, никак, ни словечка! Всё понимаю, а будто неживой!

Взял меня дед в охапку – и в больницу.

Так началась моя больничная эпопея. Врачи никак не могут определить, что со мной, говорят, дескать, паралич, вирус какой-то, не понять ничего. И провалялся я в районной больнице несколько недель. И лечить толком не лечили и улучшения никакого, а только хуже.

Спасибо, работала в больнице медсестра корейка тётя Катя Нюдэ. Она доктору все уши прожужжала, что у меня полиомиелит, а тот ни в какую не слушает, мол, не лезь не в свое дело! А я день ото дня всё угасаю и угасаю. Наконец, медсестра всё же настояла, чтобы меня в Благовещенск отправили, в детскую больницу. Вызвали санитарную авиацию, посадили нас с матушкой на самолет «У-2», кто на таком самолете двухместном не летал, никогда не сможет себе представить, что это такое. Я на руках у матери, она меня к себе прижимает, попали в грозу, сверкала молния, болтало так, что казалось, будто наизнанку выворачиваюсь.

Добрались до города. Оказался я в больнице в инфекционном отделении в палате с такими, как я, инфицированными детьми, а времени-то уже сколько прошло! Оказывается, была эпидемия.

В общем, лекарствами какими-то меня, конечно, напичкали, но мне совсем худо стало. Видел, как иногда из палаты выносили умерших, слышал, как горько рыдали их матери. Пошел второй месяц моих там мытарств, и врач сказал матушке, что надо ей уезжать, мол, не дело ждать не понять, какого конца. Сам-то понимал, какого. И матушка всё тоже поняла.

И вот, помню, склонилась она надо мной, сама плачет, целует меня, а меня уже, как и нет. Ну, всё. Конец. Умер. Уж и не знаю, как получилось напоследок глаза приоткрыть. Вижу, мама уже в дверях палаты, вижу, как она оглянулась, чтобы взгляд последний на меня бросить. И тут я, который три месяца молчал, который не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, вдруг вымолвил. То ли прошептал, то ли промычал, а может, прошептал так, что криком это вышло – в общем, вырвалось у меня из горла: «Ма-а!»

И, наверное, именно в этот момент Смерть, уже готовая меня с собой забрать, и отступилась! Какая-то неведомая сила подняла меня с кровати, сделал я один шаг и упал. Матушка бросилась ко мне, опять рыдает, целует, шепчет что-то, прибежавшему доктору лепечет, мол, заговорил, живой.

Тут как-то всё и завертелось, и опять вокруг меня забегали люди в белых халатах, и что-то во мне самом произошло, какая-то живинка появилась, почувствовал я в себе некую силу, некую тягу к жизни. Вряд ли можно словами объяснить то мое состояние, но если просто – то почувствовал я, что мои мучения заканчиваются.

И дело очень быстро пошло на поправку.

Заново заговорил буквально через неделю, а там и начал бегать по больничному саду и просил маму, сбивать уже поспевшие груши.

Знали б вы, какими сладкими казались мне эти груши! Кажется, до сих пор ощущаю во рту сладость тех груш моего, не самого сладкого, детства...

Так что, сказав, что в пять с половиной лет умер, я неправильно выразился: в пять с половиной лет по-новому родился.

Татьяна Эхо

Из детства

1

Холодным ноябрьским вечером Алина Ивановна растапливала в доме печь, а её дочь, Ната, учащаяся лицея искусств, делала наброски. Ната считала себя ещё не готовой для написания портрета матери, но наброски получались удачные. Юная художница схватывала особенности фигуры, движений Алины Ивановны. Вот она, хрупкая, с тонкой талией и высокой грудью, складывает хворост, мешает кочергой горящие угли, подкидывает дрова. Вот ставит кастрюлю на плиту. На некоторых набросках обобщённо переданы черты лица: большие, чуть раскосые глаза, бровки домиком, слегка пухлые, но небольшие губы, кудрявые тёмные волосы.

Трещали в печке дрова, зашумел чайник. Большие тёмные глаза Наты задумчиво смотрели в синевато-серые глаза мамы. Созерцательное состояние прервал настойчивый стук в дверь.

– Кто там? – спросила мама.

– Алл, открой, это я, Колька, сосед.

В домике Тищенко стоял телефон, редкость в частном секторе городка, и по доброте душевной здесь позвонить пускали всех. Колька, племянник соседки, двадцати восьмилетний «обалдуй», славился в «Шанхайчике» (так называли район города, где жили Тищенко) пьяными драками и неуравновешенным характером. Когда-то сосед завёл с Алиной Ивановной разговор, что Колька любит её, та ответила, что это какой-то бред, он же ей сын по возрасту, и замяла неприятный разговор, отшатнувшись, как от наваждения.

И вот Колька вошёл в двери, нагнув голову вперёд, и уставился на Алину Ивановну ледяными

голубыми глазами. У него был низкий лоб, на который из-под шапки выбивались соломенные кудри, скошенная нижняя челюсть, крупный рот. Во всём облике Кольки было что-то обезьянье.

– Алла, у меня к тебе разговор серьёзный. Наташка, уйди!

– Ната, останься, – попросила Алина Ивановна.

И повернувшись к Кольке, тихо, но твёрдо добавила:

– Она никуда не уйдёт!

– Ладно, я с Коли наброски поделаю, – небрежно бросила дочь.

– Так вот, Алла, слушай; я много лет не мог решиться, а теперь всё... Я отсюда не уйду... Я люблю тебя и женюсь на тебе, что бы ты там ни говорила.

– Коля, сынок, а ты знаешь, сколько мне лет? Пятьдесят, – торопливо заговорила Алина Ивановна, спеша остановить его безумие.

– Врёшь! Ты – пацанка! – глаза Кольки налились кровью: – Убью!

– Я тебе паспорт покажу. Ната, скорей, принеси паспорт!

Колька долго рассматривал документ, словно он был поддельный. Затем повернулся в сторону Наты и уставился на неё из-под мохнатых бровей своими ледышками.

– Слушай! Пятьдесят, так пятьдесят! Мне плевать! Я женюсь! А если она не хочет – убью, и не будет у тебя мамки! Я приду завтра.

В доме воцарилась тишина, потом Ната заплакала.

– Не плачь, дочка, что-нибудь придумаем... Малышевых тут бандиты боятся, поговорю с дядей

Сашей. Да что Малышевы? Я с Колькиной матерью поговорю... Выкрутимся как-нибудь.

Над кроватью мамы висел портрет. Юная аристократичная особа в кружевной кофточке пристально смотрела на Нату. Ну, как по фотографии писать? Известно, что волосы каштановые были, аристократическая бледность лица и губы яркие, словно вишни, не нуждавшиеся в косметике. Но это же не с натуры. Сейчас благородный вытянутый овал лица Алины Ивановны стали портить какие-то шишки, она заматывала их то платком, то шарфом. Визит к врачу всё откладывался, тревожные мысли старалась гнать от себя.

Тяжёлый недуг мучил Алину Ивановну давно и был причиной нищеты, одиночества и многих других несчастий. Мужчины влюблялись в красавицу, но, узнав о её болезни и нетрудоспособности, жениться не решались. Звали её ласково Аллочка, Алик. При рождении девочке было дано полное имя Альбина, которое ей не нравилось. Менять имя в документах Аллочка не собиралась, считая это несерьёзной затеей. Но когда в паспортном столе случайно пропустили две буквы «ь» и «б», она обрадовалась: «Алина Ивановна – красивее звучит, пусть так и остаётся».

Её первой любовью был синеглазый темноволосый парень по имени Юрка. Симпатичный, начитанный, он не понятно, каким образом попал в плохую компанию, но, встретив Аллочку, нашёл в себе силы порвать с «блатной жизнью». Когда влюблённые гуляли лунными вечерами по улицам тихого городка, как грибы из-под земли, возникали «урки» в кепочках, чтобы побеседовать с «отбившимся от стада», угрожали. Юрка поступил в Новосибирский университет, сменил фамилию, чтобы бывшие друзья не

преследовали, и уехал с Аллочкой. Родители Юрки были против брака, и постоянно оказывали на сына давление. Девушка не могла работать, точный диагноз не был установлен. У неё был целый ряд заболеваний, казалось, не было болезни, которая её минула. К тому же, Аллочка часто падала в обморок. Её обследовали в разных больницах, но вылечить не могли, и группу инвалидности тоже не давали. От отчаяния спасали книги. Читала Алла много, книги развивали и укрепляли её душу, в них она находила идеалы, к ним шла за советом.

Жила Аллочка с родителями, была пятым и младшим ребёнком в семье. Брат и сёстры получили высшее образование, создали семьи. Все они помогали и поддерживали. Не всё успела рассказать Алина Ивановна Нате.

Известно было, как любила Аллочка Юрку, и какой трагедией обернулось вмешательство его родителей, добившихся-таки своей цели. Влюблённые расстались.

Как-то вечером гуляла Алла с подругами в парке, и вдруг увидела его... Он шёл навстречу.

– Девчонки! Юрка идёт!

Все замерли. Аллочка собрала все силы, чтобы остаться спокойной, даже улыбнулась. Когда он скрылся, потеряла сознание. Подруги, Люба и Лена довели её до дома. Люба, приходившаяся Аллочке племянницей, была младше на десять лет, что не мешало дружбе. Это была красивая белокурая девушка с густыми длинными волосами, высокая, статная. Портила её некоторая грубоватость, проявлявшаяся в отсутствии культурной речи и манер. Но Алла считала её доброй и хорошей подругой. Люба не была такой тоненькой и прозрачной, и с большим трудом скрывала

приступы зависти, слыша от парней «Аллочка, ты голубой крови».

Не смотря на болезнь, Алла окончила курсы кройки и шитья, прекрасно шила себе, друзьям, родственникам, соседям. Денег ни с кого не брала. Говорили: «Аллочка, у тебя золотые руки!» Но видя соседку в роскошных нарядах, созданных её руками, шептались: «Как можно вести такой образ жизни и носить такие вещи». Когда Алле становилось хуже, она подолгу не показывалась людям, но выходила всегда блестящей. В её болезнь многие не верили, некоторые ненавидели, осуждали, видя её маму, Елизавету Ильиничну в огороде или, с тяжёлой сумкой, идущую из магазина. Осуждали и Нату с пятилетнего возраста за непослушание и кажущуюся лень. Будучи акселераткой, она выглядела года на четыре старше и отличалась физической слабостью и неуравновешенным характером.

У девочки была нарушена координация движений, при рождении задет мозжечок. Родила Алла дочь в тридцать один год. Отец Наты, красавец-капитан дальнего плавания, хоть и был влюблён в Аллочку, которую называл «нежным цветком», но вовсе не собирался на ней жениться. Конечно, Алла не верила его бесконечной лжи, тревожилась из-за участвовавших попок, но почему-то пустила всё на самотёк.

В результате она родила Нату, вернувшись с ребенком к престарелым родителям. Не имея возможности работать, Алле ничего не оставалось, как жить жизнью своей дочери, и она отдавала ей все свои душевные силы. Мало кто мог уделить столько внимания своему ребёнку, и неизвестно какая бы без этого выросла девочка. Дети с таким типом резидуальной энцефалопатии не всегда могут получить

высокий уровень развития, хотя имеют неплохой умственный потенциал и отличную память. Оказавшись в саду, они зачастую получают тычки и шлепки от нянек за медлительность, неуклюжесть, не застёгнутые пуговицы, за разлитый суп и неумение ладить со сверстниками. Сверстники инстинктивно чувствуют существо слабее себя и набрасываются, как волчата. Ещё хуже, если такой ребёнок попадает в детский дом, где, замкнувшись, он медленно развивается, превращаясь в жалкое и беспомощное существо. Помощи им государство не оказывает, оставляя жить с постоянным чувством вины и ожесточённым сердцем. Из таких детей крупно везёт тем, кому родители посвящают жизнь, делая их полноценными людьми. Алла не отдала дочь в детский сад, читала ей чудесные книжки, водила в рощу за грибами, помогала найти подруг.

Люба вышла замуж за Славу Дорожкина, простого и весёлого парня, работавшего водителем. Маринка Дорожкина была старше Наты на два года и обладала всеми теми качествами, которые у Наты отсутствовали. Беззлобная, весёлая, с детства хозяйственная, Маринка приносила с собой поток света и радости. Худенькая, со светлыми, как у Золушки, волосами, она казалась Нате самой красивой девочкой в мире, хотя и не обладала красотой тёти Любы. Маринка была безбровой, как отец, с небольшими голубыми глазами и веснушками на курносом носу. Тётя Люба была женщиной весьма крупной, грубоватой, с резким громовым голосом. «Ну, что, – говорила она вечером, – дочь моя любимая, дочь моя хорошая, собирайся домой!» Лет до шести Ната безутешно плакала, когда забирали подружку. У Наты не было недостатка в друзьях, но слёзы лились только при расставании с

Маринкой. Потом поняла, что плакать стыдно. Маринка учила её играть в «больницу», в «дом», прыгать в классики. Учила по-хозяйски складывать кукольную постель, готовить куклам суп, лепить пирожки из песка и глины. Приносила капельницы из больницы, и ставила их куклам, учила ничего не бояться. Все жизненные невзгоды Маринка встречала с улыбкой «до ушей» и смеющимися глазами. В детских садах в то время были часты случаи дизентерии и болезни Боткина, всё это выпало на долю Маринки. На вопрос Наты: «Тебе страшно было?», та отвечала: «А чего бояться?». И смеялась.

В рабочей семье Маринки не было, как у Аллочки, книжно-интеллигентного уклада, взрослые там иногда выпивали, дети «получали ремня». Маринка смеялась в ответ на вытаращенные глаза Наты: «Ну, подумаешь, отлупил шлангом, пустяки!» Иногда с Маринкой в нагрузку оставляли ее младшего брата, что омрачало не только радость Наты, но и Маринкино веселье. Брат Сашка был на три года младше Маринки, да вдобавок ещё и сильно отставал в развитии. Обоих девочек выводили из себя его затянувшиеся животные игры на четвереньках и тяга к разрушению. Разрушались песочные города, уютные кукольные комнаты, постоянно приходилось искать место, где скрыться от Сашки.

– Не обижайся на Сашу, он маленький, а мальчики позже развиваются, – говорила Алина Ивановна.

Жили Тищенко очень бедно, хотя три сестры и брат Алины Ивановны регулярно отправляли деньги по двадцать рублей. Пенсию бабушка получала очень маленькую, а дедушка умер, когда Нате было шесть лет. Тогда первый раз в жизнь девочки вошло большое горе.

Алина Ивановна хоть и старалась держаться, но часто плакала за безвозвратно ушедшим папочкой, а с ней и Ната.

Когда Алина Ивановна увидела, что Ната достаточно внимательна, чтобы перейти дорогу, она дала дочери большую свободу, чем имели неизбалованные садовские дети. С семи лет Ната самостоятельно ездила на автобусе, когда нужно было, гуляла по «Шанхайчику», нередко нарывалась на хулиганов, приходила с синяками, доверяла и разочаровывалась. Алина Ивановна никогда не устраивала разборки с обидчиками.

Материальных благ в доме было немного, отсутствовал телевизор и холодильник. Холодильник смогли купить лишь тогда, когда Ната переходила в восьмой класс. Зато книг – полон дом. Что было в дефиците – брали в библиотеке. Дважды удалось Алине Ивановне свозить дочь на Запад. Когда Нате минуло шесть лет, она впервые увидела Москву и Крым. В двенадцать лет летала девочка с мамой в Москву и Киев, где жили их родственники. Часто ездили в Кульдур, где Алина Ивановна надеялась излечиться от мучивших её болезней. После ванн Алле становилось плохо, она теряла сознание, но через месяц наступало облегчение.

Никто не знал тогда, что причина большинства болезней Алины Ивановны – скрытая стадия хронического лимфолейкоза, и лечение на курорте ей противопоказано. В результате последнего курортного лечения Алла почувствовала себя лучше, почти прошли боли. Ната тогда училась в седьмом классе. Год выдался тяжёлым: бабушка слегла и уже не вставала с постели, а в декабре умерла. Тоска и оцепенение давили, хотя мать и дочь старались поддерживать друг друга. Чтобы

выжить, Алина Ивановна устроилась работать на почту. Ната помогала маме разносить газеты. Вечерами читали вслух, Ната рассказывала Алине Ивановне всё самое сокровенное. У Наты не было друга, ближе мамы. Но не во всём девочка походила на Алину Ивановну. Внешне она была копией отца, обладавшего более яркими чертами: огромные миндалевидные глаза, нос чуть потоньше. Ната не обладала аристократическими манерами своей матери, да их и не могло быть с нарушенной координацией. Алина Ивановна считала, что правильную осанку можно выработать, но у дочери был нарушен процесс распределения внимания, и она не могла одновременно держать спину прямо, правильно ставить ноги и думать ещё о чём-то другом. Неуклюжесть и медлительность оборачивались неаккуратностью. Всё это служило причиной ссор. Алина Ивановна обладала вспыльчивым характером, но это не могло поколебать душевную близость Наты с матерью. Алина Ивановна могла выслушать, вникнуть в ситуацию, найти правильные слова. Её необыкновенный ум помогал разрешить многие ситуации, казавшиеся безвыходными. Ната же в юности была слишком прямолинейной и не могла принимать компромиссных решений. Девочка росла максималисткой, и от этого ещё острее переживала свою неуклюжесть и непохожесть на других. В пятнадцать лет Ната поступила в художественный лицей и погрузилась в учёбу.

Алина Ивановна когда-то сшила себе пальто с воротником из рыси. Мех ей прислала сестра из Якутии. Умело сшитые пальто и шапка казались роскошными и вызывали завистливый шёпот соседок. Аллочка не хотела носить почту в старой, рабочей одежде, а всегда

ходила нарядная, выглядела восхитительно. В этом пальто её часто встречал Колька, пришедший нынче.

На следующий день, когда Алина Ивановна возвращалась с работы, она неожиданно увидела Кольку. Нагнув голову, словно собираясь боднуть, он шёл прямо на неё. Удалось отскочить в сторону, а внезапно появившийся сосед, затащил Кольку к себе в калитку. Долго Алина Ивановна не могла прийти в себя. Зайдя домой, села, не раздеваясь, и так просидела, пока в дверь не постучали.

– Ната, ты?

За дверью кто-то хрипло хихикнул. Это была не дочь.

– Кто там? – ёжась от страха спросила Алла.

– Дед Пихто! – ответил громовой голос Любки Дорожкиной.

Алла открыла.

– Ну, Любка, напугала!

– Вечно у вас «не слава богу»! Что мать, что дочь «с приветом»! Да что у вас такое случилось?!

– Почему это мы для тебя «с приветом» стали?

– Да не видишь, что ли, что Наташка твоя не от мира сего. Я её видела, когда участок в школе убирали – ни с возу принять, ни на воз подать. Спит на ходу. И вообще, странная, дети над ней в школе смеялись. Как она в лицее-то?

– Да нормально, «отличница».

– Так она всегда «отличницей» была, я не про то. У меня Маринка замуж вышла, парень видный, богатый. А твою – кто возьмёт?

– Люба, ты что, не с той ноги встала?

– А что, правда глаза колет? Ты за отцом и матерью всю жизнь барыней прожила, одевалась.

А Натку твою хоть как одень, она то сгорбится, то ноги скривит. Да и одеть-то её тебе не во что.

– Ты ругаться пришла? За что? Я к тебе всегда хорошо относилась. Люба, так уж повелось, что никто, кто меня обидел не остался безнаказанным. Сама не знаю, почему это.

– Алл, прости, что-то меня понесло. Захожу, а ты сидишь замороженная. Ну, что у тебя случилось?

В другом состоянии Алина Ивановна, может и не стала бы разговаривать, но слишком силён был шок от происшествия с Колькой, и она рассказала о случившемся.

– Да ты молодо выглядишь... Не работала, хорошо сохранилась. А мне не за кем было сидеть!

– Люба, как не стыдно тебе? Ты же знаешь, как я болела.

Люба осеклась, вспомнила зачем пришла.

– Алка, да прости, у меня беда, вот я и нервная стала. Сашка болеет последний год. Мышцы совсем ослабели, ногу руками поддерживает, чтобы в машину залезть. Говорят, миастения, редкая болезнь. Сделают в Москве операцию, говорят, всё нормально будет. Там у тебя сестра, Лена, кажется, в Москве живёт. Адресок не подкинешь?

Алина Ивановна написала адрес. Люба ушла. Обида оставалась, но были дела поважнее. Надо было от Кольки спасаться. В тот день встретила Аллу с Колькиной матерью и преследования прекратились.

2

Жизнь шла своим чередом. Ната усиленно училась, мечтая стать художником, Алина Ивановна делала всё, что было в её силах, чтобы помочь дочери встать на ноги. Работать становилось всё труднее. Когда

Ната окончила второй курс, врачи поставили Алине Ивановне диагноз- хронический лимфолейкоз в развёрнутой стадии. В этом состоянии можно было прожить около пяти лет. Теперь никто из врачей не называл Аллу симулянткой, обследование подтвердило множество других заболеваний, развившихся на фоне лейкоза. Лейкоз в скрытой стадии был незаметен, а множественные воспалительные процессы делали Алину Ивановну нетрудоспособной.

Окончив лицей, Ната пошла работать в школу, а через год поступила в институт на заочное отделение. Сразу после окончания Натой лицея, Алину Ивановну решили сократить на работе, а она тут же подала на ВТЭК, чтобы оформить пенсию по инвалидности.

– Надо же, какая умная, – проворчала начальница, которой было выгоднее выкинуть работника по сокращению.

В тот год Алина Ивановна часто лежала в гематологии, в надежде хоть как-то продлить свою жизнь. Ната попадала в больницу с пневмонией, после чего у неё постоянно держалась небольшая температура, как это было в юности и у Аллочка. Мама боялась, что дочь унаследовала её заболевание. Натё пришлось ещё раз лечь в больницу. Провожая дочь, Алина Ивановна сказала, что на втором этаже будет лежать Сашка Дорожкин для обследования. Операция на вилочковой железе, сделанная в Москве, спасла Сашке жизнь, но полного выздоровления не дала, он был на инвалидности. Ната работала в той же школе, что и тётя Люба. По сарафанному радио она узнала, что Сашка не мог учиться в своей школе. Тётя Люба забрала его к себе, благодаря чему он и получил аттестат. Затем пошёл в ПТУ, учиться на водителя троллейбуса.

Месяца два назад Люба звонила Алле, плача: Сашка с друзьями катался на чужих машинах, одну из которых они разбили. Попал в милицию, мать «вытаскивала» его, предъявив справки об инвалидности. Пришлось выплачивать за разбитую машину.

– Я не знаю, почему так случается. Я не верю ни во что сверхъестественное. То, что действительно никто, обидевший нас, не остался безнаказанным, я объяснить не могу. И к тому же, почему несчастье всегда случается с детьми?

Ната тоже не могла понять, почему так происходит. А почему сбываются мамины сны? Наверное, это совпадение, но всё же как-то неприятно.

Ната несколько лет не встречалась с Сашкой и не могла представить, каким он вырос. Маринка изредка заходила, последний раз с годовалым сынишкой Максимом. Она повзрослела, жила семейными заботами, была по-прежнему практична. Маринке трудно было понять романтические искания Наты, но между ними сохранились дружеские отношения. И в душе Наты на всю жизнь сохранилась благодарность к этой простенькой белокурой девчонке, наполнившей радостью её детство.

Сашка был красив, похож на мать, но безволен и непроходимо глуп. Нате смешно было слышать, если несли ему, как ребёнку, шоколадку за согласие сдать кровь из вены. Он совсем был не похож на сестру. Ната попросила Сашку рассказать о «приключениях» на чужих машинах и аресте. Он всё рассказал, не таясь, в каком-то хвастливом тоне, не скрыв и того, как сдал своих друзей.

– Саш, ты что же, выдал их? – недоумённо спросила Ната.

– Так били же.

То, что в милиции били уже не по советским законам, Ната была наслышана. Но чтобы так без угрызений совести выдать товарищей и спокойно об этом говорить... Это уже было за рамками понимания Наты.

Шла перестройка. Разваливались заводы, поднимались цены. Зарплаты Наты и пенсии Алины Ивановны не хватало на нормальное существование. Случалось, ели лебеду, не хватало на хлеб. Вузы стали платными, и Ната училась заочно в пединституте, где ещё можно бесплатно учиться. Ната тяжело переживала подмену ценностей, всё её существо противилось наступавшей, давящей машине капитализма. Ната резко высказывалась по поводу новоявленной буржуазии и предателей-правителей, именовавших себя демократами.

Алина Ивановна была сдержаннее, но её мучило то же самое.

– Я думаю, даже имея достаток в семье, возможность учить детей, нельзя быть счастливым, видя, что творится вокруг! Разве можно спокойно смотреть, как люди мучаются в нищете, как развалили такую страну! – часто говорила Алина Ивановна.

Слава Дорожкин устроился на работу по каким-то перевозкам в Китай. Люба, располневшая, ещё более грубая, хвасталась китайскими вещами:

– Ну, что ты за юбку купила! Дешёвка! Вот, у меня! – вызывающе говорила она, поднимая край подола, – тебе такой за всю жизнь не купить!

Глупость старшей Дорожкиной Наты не обидела, она просто удивилась странному поведению тёти Любы.

– Что это с Любкой творится? – недоумевала Алина Ивановна.

Разгадку внесла пришедшая как-то вечером тётя Вера.

– Я захожу как-то к Любе в барак, а она выходит пьяная и злая: «Уходи отсюда или я тебя сейчас с лестницы спущу!» Любка пить много стала!

Злилась она за доставшийся тёте Вере в наследство маленький домик, хотя у неё уже была квартира. Дорожкины жили в бараке, и никакой торговлей нельзя было заработать на лучшее жильё.

В последние три года участились наводнения. Затапливало огороды. Домик Алины Ивановны стоял ниже всех. Вода затекала в дом, разливалась по полу. Откачивали воду насосами. Нищета, безысходность, невозможность учиться в хорошем вузе... Что будет дальше? Иногда Ната, представляя свою будущую жизнь, задавала матери жестокий вопрос:

– Зачем ты меня родила?

– Наверное, я действительно не имела права иметь ребёнка. Да, я не могла обеспечить, власть так резко поменялась. При советской-то власти способные дети ехали поступать в столичные вузы и поступали без всяких денег. Многие квартиры получали, кто работал. Мы так жили, потому что я работать не могла, а ты бы выбилась в люди, не случись этого.

Родственники, помогавшие семье Тищенко, никогда не попрекали их ни в чём. Но одна двоюродная сестра Наты, Марго, недолюбливала Нату и частенько намекала на её ущербность. Как-то она сказала:

– Вот, для тебя мать идеал, но она очень во многом не права. Когда-нибудь ты это поймёшь. Сейчас я тебе говорить ничего не буду.

Ната не могла тогда понять, на что Марго намекнула. Когда-то студенткой она жила с ними, с

Алиной Ивановной делилась всеми своими радостями и бедами, к ней обращалась за поддержкой.

Уже пять лет прожила Алина Ивановна с развёрнутой стадией лейкоза. Страх потерять мать постоянно мучил Нату. С нелёгкими думами пришла она на работу.

– Привет! – крикнула ей тётя Люба Дорожкина. – Ну что, как там Алла?

– Плохо ей, боюсь я.

– Да она всю жизнь болеет, – проворчала тётя Люба.

– У неё последняя стадия лейкоза, – запинаясь, заговорила Ната.

Дорожкина посмотрела на девушку жёлтыми от злости глазами и прошипела:

– Твоя мать ещё двести лет проживёт!

3

Тем летом Ната окончила институт и вышла замуж. Любовь пришла неожиданно, через месяц знакомства сыграли свадьбу. А ещё через месяц мамы не стало.

Прошло двадцать лет... Ната жила в Хабаровске, в маленькой однокомнатной квартире. В квартире негде было ступить из-за картин и мольбертов. Дочь Люба училась на театральном факультете. Папа назвал дочь именем своей матери, запретив жене называть в честь умершей. Когда дочери было тринадцать лет, муж Наты ушёл к другой. Вначале семейной жизни Ната свернула своё творчество, писала на маленьких форматах, не позволяла себе заказать рам, картины складывала на шкафах. Она жила жизнью дочери, как и её мать, хотя не всё удавалось.

Чтобы выкупить квартиру, пять лет пришлось работать целыми днями. Потом Ната осталась на одной работе, чтобы заниматься с дочерью, заменяя ей многих репетиторов. Муж хотел другой жизни, нищета его угнетала. Ближе к сорока годам у Наты проявился целый ряд наследственных болезней. Она становилась нетрудоспособной. Тогда-то и ушёл муж. Ната ходила по врачам, ей делали операции. Перечитав множество медицинских книг, углублялась в проблемы, которыми не хотели грузить себя врачи, сама принимала нестандартные решения. Часто она чувствовала себя в большом городе, как в лесу, где не от кого ждать помощи.

Всё в этом мире теперь стоило денег. А если их нет – ваши проблемы...

Ната сама ставила себе капельницы и шла на работу, расписывать стены в неотапливаемом помещении. В моменты отчаяния вспоминались слова Марго. Да, Марго считала Нату серьёзной помехой в своей жизни. Ведь её мама, тётя Валя, всю жизнь помогала этим неудачникам Тищенко. В самом деле, ведь мама знала, что с папой не останется, почему же не сделала аборт? Ведь, родив Нату, она повесила её на шею родственникам. Может, всё же надо было подумать? Но вспоминались мамины слова: «Я тебя для жизни родила». Вспоминались книги, прочитанные вслух, поездки. Вспоминалось, как ходили с мамой за грибами за дорогу, как переживали вместе невзгоды и сблизилась духовно, и как тяжела была утрата.

Проболев пять лет, Нате удалось встать на ноги и всерьёз заняться искусством. Ей, наконец, подвернулась работа руководителем изостудии, её дети рисовали, как студенты, но зарплаты не хватало на творческие нужды художника и начинающей актрисы – дочери Любы.

Поэтому Ната работала на трёх работах и умудрялась писать картины, прежде всего в ущерб домашнему хозяйству.

Кому-то из художников вначале пути помогали родители, кто-то выходил замуж за влиятельных лиц, зачастую пожилых. Сын министра блистал, выставляя то реализм, то модернизм, имел собственный салон. А что могла Ната? Писать вопреки всему, вопреки общественной морали. Когда-то Алину Ивановну осуждали за красивую одежду. Нату осуждали за то, что она занимается «барским делом», не «по одежке тянет ножки». «У каждого в этой жизни своя ниша... Вот ты – педагог, к тебе приводят таких блестящих деток. Живи для них, пусть они будут художниками, раз у них есть такая возможность! И, глядя на них, будь счастлива. Зачем тебе эти картины?» Но Ната уже не могла остановиться, писала, выставляла свои картины везде, где только было возможно.

4

Ната покинула родной город 19 лет назад, и только теперь появилась возможность приехать на четыре дня. Сидя в поезде, Ната внимательно вглядывалась в окно. Вот состав минул Хабаровский край, и потянулись родные низенькие сопочки. Когда-то они ехали с мамой той же дорогой, возвращаясь из Кульдура. Сердце ныло. Ната ехала к единственной из маминых сестёр, оставшейся в живых. Всё осталось там: детство, дом, мама, бабушка, Маринка.

И Маринки уже не было в живых. От тётки Вали Ната узнала о страшной судьбе Дорожкиных. Когда Ната покинула город, тётя Люба спилась совсем. Её уволили из школы, где она вела труд у девочек. Дядя Слава работал ночным сторожем, и однажды на

дежурстве его зарезал какой-то наркоман, вломившийся в помещение с требованием денег. Горько плакала Маринка на могиле отца и кричала: «Папочка, скоро я к тебе приду!» У Маринки тогда уже обнаружили острый лейкоз. Семейная жизнь её не вполне ладилась.

Маринка периодически уходила от мужа с двумя детьми к матери в барак. И муж её не был таким принцем, как кричала тётя Люба, он жил в бараке напротив, и лишь некоторое время работал водителем на высокооплачиваемой работе. Через год не стало Маринки. Детей забрал отец, а тётя Люба пила и потеряла человеческий облик. Ещё когда Алина Ивановна была жива, тётя Люба, рассказывала, что Сашка жил с молодой красивой девчонкой, полюбившей его, вероятно, за внешность. С ней Сашка катался на угнанных машинах, и ей всё казалось прекрасным. Тётя Люба возненавидела невестку, прогоняла, а в школе распускала про неё грязные сплетни. По её словам, невестка принесла рождённого от Сашки ребёнка, сказала: «Вот, берите. Зовут Сашкой». И ушла.

Алина Ивановна не верила в правдивость Любиных слов, и никто теперь не узнает, что было на самом деле. Сашка умер следом за Маринкой, оставив тёте Любе внука. Периодически заходили к бабушке Маринкины дети. Однажды повзрослевший Максим застал бабушку с озверевшим собутыльником, который бил её, схватив за волосы. Молодой и сильный Максим взял обидчика за шиворот, выбросил на улицу и закрыл дверь. На следующий день нашли замёрзший труп, а Максима посадили на два года.

Тётя Люба пила и ждала смерти, которая всё не приходила. Умерла она год назад, а через несколько месяцев разбился на машине Максим. Он был похож на

Маринку: светловолосый, добродушный. Выйдя из тюрьмы, Максим нашёл работу, женился. Был у него шестимесячный сын. Жизнь Максима оборвалась так нелепо по вине пьяного водителя, выехавшего на встречную полосу. Кто-то скажет «судьба», кто-то подумает «проклятье».

«Нет же, – думала Ната, – тётя Люба сама погубила своей злобой себя и близких. Возможно, нельзя было спасти Маринку. Но всё остальное... Злоба съедала тётю Любу изнутри, она запивала её водкой, а злоба только росла. С непьющей женой дядя Слава мог пить меньше и не оказаться в сторожах. Не случилось бы этого кошмара с Максимом. Многие могло быть иначе...»

Стучали колёса, мелькали низенькие кустики на приамурских равнинах. И вот показался в окне «Шанхайчик», застроенный до неузнаваемости пёстрыми киосками с рекламными щитами. Ната посмотрела в окно напротив: за ним плыла роща, где они так любили гулять с мамой...

Тамара Коваль

Тамариска

У меня с утра хорошее настроение: вечером иду на премьеру спектакля. Созвонилась с приятельницей, где встретимся в театре.

Про себя я хорошо всё знала – не красавица. Поэтому в обед сходила в парикмахерскую, попросила сделать модную стрижку и мелирование. Понравилось.

Долго выбирала наряд. Оказалось, что я давно не обновляла гардероб. Времени оставалось мало, и я зашла в первый попавшийся бутик. Продавщица стала навязывать мне неликвидный товар. Неужели у меня такой вид, что мне можно предлагать залежалый товар? И я рискнула соврать: «Девушка, я сегодня приглашена на светский прием. Подберите мне соответствующий наряд!»

Продавщица кивнула мне понимающим взглядом и, как по мановению волшебной палочки, из-под прилавка вытащила сверток. «Посмотрите, вам понравится, получили в одном экземпляре. Очень дорого», – и многозначительно посмотрела на меня.

О таком платье я мечтала: по темно-синему шелковому платью был высыпан белый горошек, как звездочки на небе. Ворот был украшен белым шелковым воротничком ручной работы. Я стояла и любовалась собой перед зеркалом. Мне даже показалось, что я – красавица. Я смущенно улыбалась, когда продавщица протянула мне туфли: «Примерьте, как раз под платье». Я примерила и еще раз взглянула на себя – красавишна!

С прекрасным настроением я пошла в театр. С приятельницей Лорочкой мы позволили себе по бокалу шампанского. Настроение зашкаливало! Мы

фотографировались, пили кофе с пирожным и вдогонку купили пакетик конфет «Театральные».

Прозвенело два звонка, и мы вошли в зал. Вот что значит выпить! Мы перепутали ряд. Переходя на свое место, я запнулась и со всего размаха приземлилась на большое правое колено. Было обидно, что я в таком нарядном платье грохнулась на пол перед публикой. Лора участливо спрашивала: «Больно?» Потушили свет, и я все первое отделение чувствовала, как распухало мое бедное колено.

Спектакль понравился. Я вообще люблю, когда на сцене показана правдивая история без надрыва и фальши. В игре главной героини меня потрясли ее руки: они усиливали всю драматичность ее положения. Она в отчаянии прижимала руки к груди: «На что мне богатство, если я одинока?» И казалось, что она обнимает невидимого для глаз зрителей человека. И это было так правдоподобно, так осязаемо, что до меня дошла вся ее боль и отчаяние. Мне это чувство знакомо, это очень горько и обжигающе.

Потом мы долго с Лорой обсуждали спектакль. Сошлись в одном мнении, что премьера удалась, и о ней будут еще много писать и говорить. Приятельница опять спросила: «Прошла боль?» Нет, ушиб еще давал о себе знать. Мы попрощались.

Пройдя перекресток, я обернулась и увидела, как моя приятельница села в автобус. И в этот момент я спотыкаюсь и опять со всего размаха падаю на бульжную мостовую. На колено. На правое! От боли я не могу шевельнуть рукой. Мой белый плащ в пыли, у меня катятся слезы. Ко мне подошла молодая пара, помогла встать. Напрочь пропало мое прекрасное настроение. Я стояла одинокая на пустынной улице, и

меня уже не радовало ни новое платье, ни туфли, ни спектакль.

Я медленно шла по улице, каждый шаг, как укол в большое место. Дом находился недалеко от театра, но теперь мне этот путь показался длиною в жизнь.

Впереди меня на тротуаре в сумерках замаячил силуэт собаки. Большой. С детства боюсь собак, помню, как на моих глазах взрослый мужчина отбивал мальчишку от собачьей своры. Этот леденящий ужас дошел до живота и остался в памяти навсегда.

Собака не двигалась и смотрела, как я медленно приближаюсь к ней. Не стала рисковать, хватит на сегодня приключений: я перешла на край улицы, решила, если собака вдруг кинется, я выскочу на середину дороги и... спасусь.

Отлегло от сердца, когда подошла к подъезду. И тут опять увидела собаку, а рядом с ней мужчину. В панике спрашиваю: «Это ваша собака?!» Он утвердительно кивнул:

– Знакомьтесь, Лорд! Вы напрасно боялись, я вас сопровождал весь путь до подъезда.

– Распустили собак, людям пройти не дают, – я стала ругаться.

Мужчина повернулся лицом к свету, и я увидела, как он широко улыбается. «Блаженный», – подумала я.

Мужчина протянул руку:

– Давайте знакомиться, я ваш новый сосед. Афанасий.

– Тамара, – представилась я. – Теперь я могу спокойно пройти?

– Разрешаем, – мужчина рассмеялся.

Захожу в лифт, закрываю глаза: «Наконец, дома».

Свой дом люблю особенной любовью. Выстраданной. До тридцати пяти лет скиталась по съёмным комнатам, общежитиям.

Прошла в ванную, подставила под струю прохладной воды свое больное колено. Пришлось выпить кетонал, чтобы боль прошла.

Наступил поздний вечер. Зашторив окно в спальне, легла, и мне сразу приснился сон. Был он коротким, но яркий. Приснилось, что мне на грудь припала огромная собака. Я почти ощущаю жар пасти. Неожиданно она лизнула меня по щеке. Я в страхе просыпаюсь, облегченно вздыхаю: это кошка Муська топчется у меня на груди, когтями царапает ночнушку и лижет меня шершавым языком. Я долго не могла уснуть. Была бы бабушка рядом, она сказала бы, к чему этот сон. Сегодня слишком долго длится день. Почему же путь от театра домой показался мне длиною в жизнь? Почему мне вдруг вспомнилась вся моя трудная, несчастливая судьба?

Мне вдруг представилось, что я подобно циркачке балансирую на неустойчивом тресе и в любой момент могу сорваться. Это ожидание страха и несчастья, видимо, у меня было заложено на генетическом уровне. Мне было всего четыре года, когда мать посадила меня на паровоз, и мы поехали в далекую деревню к бабушке. Бабушку я никогда не видела, и все в дороге мне было интересно: мелькали вокзалы, пассажиры, деревья и поля за окном. В дали поля были похожи на домотканые коврики. Я мало помню, как прощалась со мной мать. Она хлопнула дверью, будто погулять вышла за околицу, и больше не вернулась.

Бабушка Степанида мне понравилась сразу: невысокого роста, полная, веснушчатая. Веснушки были

повсюду: на щечках, руках и даже на носу. Почему-то она сразу обняла меня, и я прильнула к ней. Оказалось, она еще и мягонькая. Была она матерью моего отца, погибшего на границе при задержании преступника. Я его совсем не помню, потому что мне было всего два годика, когда он ушел служить. У матери, как я сейчас понимаю, вскорости после смерти мужа появился новый ухажер, и я им мешала строить счастливую семейную жизнь.

Бабушку я звала «баушкой». Она была богомольной, вместо сказок рассказывала мне истории из жизни святых праведников.

Помню поздний тихий вечер. Бабушка тихим шепотом ведает мне жизнь великомучеников Павла и Петра:

– Нонче Петровки...

– А как понять – Петровки?

– Ох, сорвалась ты на мою голову, сколько мне еще надо задержаться на этом свете, чтобы всему тебя научить, дитя неразумное? Петровки – это летний легкий пост в честь Павла и Петра. Первые апостолы. Они за Христа мученицкий конец приняли: Петра язычники на кресте распяли, а Павла мечом посекали.

Мне становится страшно. А баушка все поучает:

– За все надо братья, помолимшись. Судьба человека – тонкий волосок, враз может оборваться, как у мово ненаглядного сынка Димитрия, отца твоего то есть. Помни его, не забывай, он жизнь тебе дал.

– А где он сейчас?

– Тепериче уж там, на небесах. Все мы птицы небесные, все там будем.

Помню, как бабушка крошила капусту. Готовилась, как к празднику: заранее ошпаривала кипятком бочку на три раза, потом проветривала.

И начиналось главное! Я помогала ей срывать зеленые и порченные листья. Она торжественно начинала рубить капусту. Я жду первую кочерыжку.

– Что, капустки зажелалось? На, пробуй, а у меня уже и зубов нет кочерыжку-то хрупнуть... Покелича я с капустой управляюсь, марш на кухню, готовь моркомку, нечего проклажаться, да воды мне насыпь, в горле все пересохло...

Как же это давно было, но помнится, как сейчас. В прощенное воскресенье баушка поучала меня:

– Кого увидишь, проси прощения...

– За что?

– Все мы грешные на этой земле... Про душу не забывай, молись каждодневно: «Боже, очисти мя, грешную, помилуй и сохрани...»

Помнится, сидим с ней на крылечке, а она повела рукой вверх:

– Глядь, како небо нонече – сиреневато-голубоватенькое, самое Богородничкино небо! А день-то какой ласковый, прям золотистый! Учись, Томка, все в жизни подмечать, все пригодится. Ишшо неизвестно, кака судьба тебе выпадет, горькой сиротинушке...

Тоскливо в доме стало, когда заболела моя любимая баушка, все просила меня молитвы ей почитать:

– Как хорошо-то мне стало, будто все жилки поразымались. Не придется, видать, больше на ярмонке побывать. А нынче брусника уродилась – самопервейшая. Помню, как сейчас, за ночь вершков осьмнадцать отшагаем, и вот тебе нарядная ярмонка, – и покатила слеза на щеку.

– Ты, баушка, когда помрешь, в рай попадешь...

– Осподи, дитя неразумное! У человека стоко грехов, что о рае и помыслить боязно.

Умерла бабушка Степанида Парфеновна в канун Пасхи. Еще с вечера мы с ней пасочек испекли, яички покрасили. Бабушка взялась расписывать яйцо: «Учись святому делу, Томка. Видишь, голубок проклюнулся? Это Дух-Свят...»

Когда пришел священник, я, рыдая, бросилась к нему:

– Почему Боженька отвернулся от баушки, не пожалел ее? Сотвори, Господи, чтобы ее душенька в раю оказалась!..

Я плакала безутешно горькими слезами. Это я сейчас своим умом понимаю, что смерть человека заставляет нас, живущих на земле, всегда заботиться о своей душе и каждодневно итожить то, что прожил. И как прожил.

Жила Степанида Парфеновна простыми радостями, радовалась каждому дню, солнышку, крику журавлиному в небе, первой капли. Не уставала повторять:

– Все может вытерпеть человек, не было бы токо войны проклятой. Чтобы Господь Бог посылал людям хлеб на стол.

Все церковные праздники соблюдала, а более всего ждала Рождество. Она пела:

– Вот настало Рождество, Наступило торжество...

Я всегда ломала голову, почему бабушка часто повторяла: «Всем воздастся по заслугам...»

Уже, будучи взрослой, окончив институт, я приехала на могилку бабушки. Очень удивилась, что могилка ухожена. В селе порасспрашивала, кто бы это мог? Оказалось, это из соседнего села приезжает бабушкина двоюродная сестра. А бабушка мне никогда о ней не рассказывала. Поехала ее разыскивать. Мне

было очень интересно, сердцем чувствовала, что здесь кроется какая-то тайна. На пороге дома меня встретила седенькая, сухонькая старушка. Познакомились, разговорились. И она поведала мне жуткую историю из жизни бабушки.

«Отец бабушки, Парфений Иванович, был председателем колхоза. Голод стоял в стране неимоверный. Все до крошки отдавал колхоз государству. В колхозном саду уродились яблоки, наливные, ароматные. Шел тысяча девятьсот тридцать девятый год. Бабушка, тогда ей было лет двенадцать, ночью пролезла в колхозный сад и набрала целый подол яблок. Сад обходил сторож, ее родной дядя. Сторож был младшим братом председателя, и звали его Савелий Иванович. Он схватил племянницу и погнал ее к отцу: «Смотри, брат, что твоя паскудница утворила! Сад колхозный обворовала! Поеду завтрача в район сдам, куды надо, доклада о разорении колхозного имущества. Сладко вам не покажется!» Отец упал в ноги: «Пожалей, не губи невинную душу» Не пожалел. Девочку осудили, послали в детскую колонию. А отец на следующий день повесился, затем умерла ее мать от сердечного приступа, младших сестренок и брата распределили в разные детские дома. Где они? Разве сейчас сыщешь? А бабушку с маленьким сыном освободили после смерти Сталина. В колонии от надзирателя прижила. Короче, насильовал он ее. Значит, приехала бабушка к нам, мы уже жили в соседнем селе, и встретила со своим дядей, чтобы в глаза ему взглянуть. Было Степаниде тогда лет двадцать пять, а она вся седая, как лунь. Спрашивает она моего отца: «Как живешь на этой земле, дядя Савелий? Как спится тебе по ночам? Не снится ли тебе мой кровный отец, твой брательник? Не снится ли тебе моя мать, мои

маленькие брат и сестренки? Как ходишь ты по этой земле?» Помню, как отец поник головой, заплакал: «Всю душу ты мне вынула. Дурак я был, хотел перед начальством выслужиться. А только что и заработал, так это пинок под задницу. И стали они мне сниться каждую ночь, как будто кару небесную принимал. Нет мне покоя, нет мне прощения...» «Так вот, – продолжила Степанида, – я прощаваю тебе мою поруганную молодую жизнь, зато в тюрьме у меня сыночек зародился. Это тебя пожалуйть надо, убогого, это ты живешь с камнем на душе, что родных и Бога предал. Я не озлилась, хотя тюремная жизнь – каторжная. Бог учит нас, грешных, жить по людским меркам, а ты уподобился шакалу: лишь бы самому выжить... Намедни, я была на кладбище, родителям поклонилась. И дома у меня нет, уезжаю таперича подальше от вас...» Всё это она высказала моему отцу, повернулась и ушла. А на следующий день в сенях повесился мой отец... А ведь мы в детстве дружили с твоей бабушкой, а расстались, как чужие... Потом по слухам дошло до меня, что похоронила она тюремного ребеночка, а потом нового прижила, отца твоевошнего...»

Вот только когда до меня дошел смысл бабушкиных слов: «Все воздастся Богом человеку по его заслугам».

А потом после смерти моей ненаглядной баушки приехала мать и сдала меня в детский дом.

Запомнила слова матери, когда она отказывалась от меня:

– Поймите, у меня новая семья, муж не желает видеть чужого ребенка в доме, да и не потяну я еще один рот, трое их у меня.

И это чувство отверженности, ненужности сначала испугало меня, но потом, с годами, я привыкла к этому состоянию циркачки.

Я с детства узнала, что в детдоме никогда воспитательница не станет для тебя «почти как мама». Это ее работа заботиться о чужом ребенке. За это она получает деньги. С десятилетнего возраста я поняла, чтобы выжить в детском доме, надо затаиться, сжаться и никого не впускать в свою душу. Откровенной нельзя быть: в любой момент плюнут в душу и засмеют. Я не раз уже прошла через это.

Сначала я еще верила, что мама обязательно заберет меня домой. Но годы шли, мама не приходила. И эта ранняя горечь обиды глубоко поселилась в сознании.

Потом я стала мечтать, что однажды придет добрая тетенька и станет для меня мамой. Повзрослев, сделала открытие: я некрасивая. Вот причина, почему я никому не могу понравиться.

Однажды к нам в детский дом пришла женщина с мужчиной. Женщина улыбнулась, и мне показалось, что за мной пришли. Я побежала в спальню, вытащила из портфеля красный карандаш, поцеловала его и покрасила себе губы и щеки. Получилось красиво. Я устремилась в кабинет директора, куда вошли мужчина с женщиной:

– Заберите меня к себе, я хорошая. И красивая. Господь Бог учит всех любить.

От меня отказались, вернее, даже не рассматривали такой вариант.

Почему вдруг в подробностях припомнился этот случай? И вдруг отчетливо вспомнила еще одну картинку из горького детства. Школа, перемена. К классной доске подошла Нинка Панова и грязной

тряпкой стерла написанное задание на доске. Остались разводы. Звонок, заходит учительница и злым голосом спрашивает:

– Кто это сделал? – и тыкает пальцем на доску.

Класс замолчал в онемении. И посреди тишины раздался голос Нинки:

– Лидия Дмитриевна, это сделала Томка Чернова...

Учительница молча подходит ко мне и, как котенка, выводит за шиворот из-за парты и ставит в угол спиной к классу. Я слабо сопротивляюсь, хочу сказать, что это не я. Учительница спрашивает:

– А кто, если не ты?

Я вижу в ужасе застывшие глаза Нинки и не могу больше говорить.

Так я простояла в углу всю четвертую четверть спиной к классу. В последний день перед каникулами у меня носом пошла кровь, я упала и потеряла сознание.

В больнице узнала, что Лидия Дмитриевна приказала всему классу молчать, если директор спросит, почему и что произошло со мной.

Все это мне рассказала Нинка Панова. Кто бы мог подумать? Но только она одна из всего класса навещала меня в больнице и приносила угощения: то конфетку, то надкусанную булочку.

Я ей давно простила ее предательство, но в душу свою не впустила.

А в третьем классе наши пути разошлись: Нинка была не детдомовская, с родителями уехала в другой город, а меня после расформирования класса Лидия Дмитриевна отправила в другой класс.

Не хочется вспоминать, как меня дразнили за мою любовь к Богу, как хихикали, когда я говорила такие слова, как «проклажаюсь», «пришедши»,

«ушедши», «привыкши». Дразнили «дерёвней» и недоразвитой.

Все поменялось, когда к нам в пятый класс пришла новая классная руководительница, преподаватель математики. И у меня обнаружили вдруг способности к этому предмету. Или просто учительница обратила на меня внимание и впервые при всех похвалила и поставила первую пятерку?

С легкой руки Анастасии Андреевны я стала учиться хорошо, а по точным дисциплинам в аттестате у меня были пятерки. Анастасия Андреевна остается в моей памяти, как светлое воспоминание дружбы и участия. Она брала меня к себе на выходные дни и занималась моим культурным воспитанием. Она объяснила, почему некоторые слова из моего лексикона режут слух. Но эта привычка говорить бабушкиным языком прочно вошло в мое сознание. Я и сейчас вдруг могу ляпнуть: «Да не эту возьми книгу, бери, что возля стула лежит...». А еще она учила меня манерам, как ходить, пользоваться приборами. Иногда брала меня в кино. А однажды повела в театр. Никогда не забуду это зрелище! Любовь к театру сразу прочно поселилась в моем сердце, и я до сих пор не пропускаю ни одной премьеры. Это она, моя голубушка, посоветовала поступать в политехнический институт:

– С твоим усердием и знаниями к точным наукам тебе надо только туда идти, поступишь ты легко, а так как ты воспитанница детского дома, у тебя будет общежитие и стипендия.

Спасибо ей. Где она сейчас, где этот светлый человек из моего далекого горького детства? Моя баушка сказала бы: «Такие люди отмечены Богом. Они дарят людям радость...»

Я учусь на физико-математическом факультете, живу в общежитии, стараюсь ни с кем не сходиться. Веду замкнутый образ жизни, так легче.

И вдруг любовь! На третьем курсе! Бабушка высказалась бы: «Ты что, девонька, спятила, с дуба рухнула? А учеба? Не доведет тебя до добра эта любовь...»

Но сердце молодое просит любви и ласки. Казалось бы, все отдала бы, только бы взглянул в мою сторону Арсений Горшецкий. Такой красавчик, глаз не отвести! И почему-то сразу позабылись наставления бабушки Степаниды Парфеновны: «Полюби парня простого, ровню себе. Бойся красивых, омманут...»

На новогоднем вечере я загадала желание, если он посмотрит в мою сторону, приглашу его первая на танец. Забуду про гордость, про бабушкины наставления. Но вечер неожиданно закончился дракой. Разнимали парней, среди них был мой красавчик. Оказалась, дрались из-за Любки Тимченко, первой красавицы на курсе. Когда толпа разошлась, на полу лежал побитый в крови Арсений. Я первая кинулась к нему на помощь, сорвала с себя шарфик, подарок Анастасии Андреевны, обвязала ему рану на голове. Держала на руках его голову, пока не приехала машина «Скорой помощи». Надо ли описывать мое состояние, когда в моих руках находилось целое сокровище?

Через неделю после этого события ко мне подошел Арсений Горшецкий, протянул руку:

– Спасибо тебе. Не ожидал...

И пошел, не оборачиваясь. Сердце тукало, кровь прихлынула к лицу. И мне вдруг показалось, что это хороший знак. Так пролетел еще один год. Горшецкий проходил мимо, в мою сторону не глядел, на студенческие вечера не ходил, спасти мне было некого.

Но сердце бешено колотилось при каждой мимолетной встрече. Я ловила взгляды, он меня не замечал. И тогда я опять ощутила всю свою некрасивость, ненужность и никчемность. Я старалась не раскрывать лишний раз рот, потому что бабушкино образование нет-нет, да и давала о себе знать. Я могла в разговоре ляпнуть: «Я поняла», делая ударение на первый слог. И меня тут же язвительно поправляли. Когда в комнате в общежитии я объявляла девочкам перед Пасхой, что сегодня «Чистый четверик», меня засмеивали: «Прошлый век. А еще отличница».

Училась я действительно на одни пятерки. Все мне давалось легко, преподаватели хвалили. И тогда я на себе ловила заинтересованный взгляд Горшецкого. Приближалась новогодняя сессия. О любви я уже думала мало, потому что впереди диплом. И в это время, когда я для себя окончательно решила, что я «синий чулок», что любовь не про меня, ко мне подошел Арсений Горшецкий и непринужденным голосом сказал:

– Знаешь, Чернова, мне нужна твоя помощь... Не откажешь?

Господи! Да как я могу отказать любимому человеку! Я опять залилась краской, он продолжал:

– Что-то у меня с дипломом не клеится. Препод второй раз вернул на доработку. Поможешь?

– Помогу...

– Ты подумай, прежде чем соглашаться, у тебя свой диплом.

– Я все успею, приноси...

– Поедем лучше ко мне домой, я тебе все покажу.

Ну, как?

– Пойду, – сердце ушло в пятки.

Я в квартире Горшецкого! Никогда не видела такого роскошества! Квартира в два этажа. Уже в прихожей я заметила камин. Правда, я его только на картинке видела, а здесь он меня поразил своей красотой. Арсений подошел к нему, разжег огонь, и вдруг мне стало не так боязно. Я вспомнила, как мы с бабушкой любили растапливать печи в доме, слышать, как потрескивают дрова. И эта атмосфера уюта, домашнего тепла приободрила меня, и я плюхнулась в кресло. Надо сказать, что каждый предмет мебели был, как произведение искусства, можно было только любоваться. Я косила глаза, где в зеркальном шкафу красиво был выставлен хрусталь. Ну, прям, как в магазине.

Арсений вышел из соседней комнаты, как он пояснил, из рабочего кабинета, и предложил мне полистать его диплом. Но в нем, по моим меркам, почти не было материала, лишь одни наброски!

– Здесь одни предложения...

– А ты помоги мне!

– На это уйдет много времени...

– Я заплачу...

– Что? – я вжалась в кресло. – Не говори больше так, за деньги я не буду браться за работу.

– Хорошо. Давай в обмен на дружбу. Надеюсь, ты не откажешь мне в такой просьбе? – и пристально посмотрел на меня. Все в душе похолодело! О дружбе можно было только мечтать!

Я принялась разбирать его записи и поняла, что эту работу надо писать заново. Свой диплом я отдала профессору на первую проверку и с головой окунулась в новый диплом. Время летело, надо было торопиться, скоро у всех будет защита. Я пропадала в библиотеке. Это сейчас можно заглянуть в компьютер, скачать

материал, подработать под себя, что-то вставить и иди, защищайся. Но и преподавателя сейчас очень трудно обвести вокруг пальца. В наше время не было такой техники, и мне пришлось заново писать диплом. Арсений на перемене угощал меня то яблоком, то апельсином:

– Это тебе в залог нашей дружбы. Только ты никому не проговорись, что помогаешь мне.

В силу своей закомплексованности я была малоразговорчивой и хорошо помнила, что надо держать язык за зубами.

Наступило время, когда я объявила Арсению, что диплом готов. Но только нужно, чтобы я сама ему прочитала текст, по пути объясняя все возникшие вопросы. Горшецкий повеселел:

– Поедем ко мне, сегодня маман дома нет, и я прокачу тебя на новенькой машинке.

Звенела в душе весна, мимо мелькали машины, трамваи, а я в машине рядом с любимым Горшецким!

В квартире было натоплено. Странно, подумала я, ведь на улице весна. Арсений предложил чай. Вкусности были очень...вкусные.

Мы стали заниматься, разбирая параграфы по всем пунктам. Время летело быстро, темнело. Арсений пообещал довести до общежития и ни о чем не волноваться.

К десяти вечера мы разобрали детально диплом. Арсений предложил:

– Такой случай надо отметить. Я совсем не узнал свой диплом. Выпьем шампанского?

«Господи, спаси и помилуй мя грешную», – промелькнуло в голове. Пересохшими губами промямлила:

– Я н-никогда не пила спиртного.

– Когда-нибудь все происходит впервые, – и обнял меня за плечи.

То ли от того, что в комнате было жарко от камина, то ли от выпитого шампанского, у меня все поплыло перед глазами. Слипались глаза, я их терла, ничего не помогало. Потом провалилась в какую-то бездну. В голове промелькнула напоследок мысль: «Я пропала».

Я не пропала. В этот вечер я была изнасилована. И кем? Моим кумиром, моим Божком! «Не сотвори себе кумира» – один из великих грехов. Я проснулась рано, первые лучи солнца ласкали лицо Арсения. Поняла, что со мной случилось непоправимое! Пошла в ванную комнату и долго смывала с себя этот позор. Услышала голос Горшецкого:

– Ты еще долго?

Я вышла вся зареванная.

– Ты что так убиваешься? Трагедия что ли случилась?

Я молча собирала свои вещи.

– Погоди, я отвезу тебя в институт.

Ничто не радовало моих глаз: ни его машина, которая еще вчера привела меня в восторг, ни пение птиц за окном. Ничто, все оборвалось в моей душе, остался только позор и унижение. Арсений, как ни в чем ни бывало, всю дорогу нёс какую-то чепуху. Попросила довести до общежития.

У меня случился жар, я слегла. Во сне звала на помощь бабушку. Бредила. Так оказалась в больнице. Приходили девочки из общежитской комнаты, приносили новости:

– Говорят, твой Горшецкий женится.

Мой? Господи, неужели он все разболтал, что случилось между нами.

– Ты ее знаешь, такая хорошенькая, Любка Тимченко.

Тимченко? Вспомнила. Она хорошенькая, чистенькая, а я некрасивая и грязная.

Выздоровела я уже перед самой защитой дипломов. Выглядела отвратительно: бледная, глаза упали. В общем, походила на Бабу-Ягу.

Конечно, я никому не могла рассказать, что произошло между мной и Горшецким. Никто бы не пожалел, да еще бы посмеялись. Бабушки и Анастасии Андреевны рядом нет. Заткнись, что случилось, то случилось. В одном Арсений прав: нечего из себя бедную овечку строить.

Диплом я сдала на «отлично». По веселому лицу Арсения поняла, что и он тоже защитился на «пятерку».

У меня в «зачетке» отличные оценки, иду на красный диплом, но мне это не прибавляет радости. Хочется, как в детском доме, забиться в дальнюю комнату, сесть на подоконник и закрыться шторой.

На выпускной вечер я еще зимой заработала денег, подрабатывая младшей лаборанткой в институте. Помогла преподавательница по физике, у них на кафедре искали лаборантку, она и предложила мою кандидатуру. Денежек я скопила на платье, туфли и на подарок моей благодетельнице.

Как я жила все эти дни? Что творилось в моей грешной душе? Горшецкий меня не замечал, проходил мимо, как против пустого места. Я страдала.

Однажды подошла к церкви и долго не могла зайти. Зашла, как будто кто-то звал меня. Вошла в храм. С бабушкой не раз была в сельской церкви, все там было простенькое, священник ласковый. В этом храме все сияло золотом. На меня смотрели лики святых и как бы вопрошали: «Согрешила?..»

Я молилась перед иконой Николая Чудотворца:

– Господи, соверши у себя на небесах, а у нас на земле, чтобы скорей забылось, что случилось со мной, чтобы я разлюбила Арсения.

Ко мне подошла монахиня:

– Иди за мной, батюшка зовет.

Я совсем оробела перед седовласым священником. Он смотрел на меня строго. Но заговорил неожиданно ласковым голосом:

– Вижу, дитя мое, маешься ты. Не убивайся, Господь все простит. Расскажи мне, как на духу, что случилось с тобой? Я наблюдал за тобой, откройся мне, да пребудет с нами Господь Бог!

Мне некому было открыться о своем грехопадении, и это меня терзало. Душу открыла перед батюшкой, все рассказала: и про бабушку, и про детдом, про Арсения.

Что в ответ скажет батюшка? Я заплакала.

– Не плачь, слезами горю не поможешь. Это хорошо, что раскаялась. Прелюбодеяние – великий грех. Но тебя в него ввергли против воли твоей. У тебя впереди вся жизнь, открывается целый простор. Тебе предлагают престижное место в институте. Вот чем сейчас надо жить – новыми делами и хлопотами. А этого человека как будто не было в твоей жизни. Вычеркни! Да простит тебе Господь Бог все твои грехи!

Но грех меня связал с Горшецким какой-то невидимой нитью. Я уже знала, что он помолвлен с красавицей Тимченко. Свадьба не за горами. Все было предельно ясно.

Но тут вмешалась мать Арсения, Ираида Сергеевна. Оказалось, что ее единственного сыночка отправляют по распределению на периферию. Прекрасное подходящее место отдано какой-то

деревенской девице. Она решила отыскать меня и убедить, что место в институте, как никому, подходит ее драгоценному сыну.

Что мне хотелось ответить? Что она воспитала подонка и насильника? Что это я заслужила это место?

Произошло неожиданное. Ирида Сергеевну взяла мою руку и поцеловала:

– Я помогу устроить вашу жизнь. Знаю, что вам нравится мой сын, он мне рассказывал. Не губите его карьеру. У вас отличный диплом, вас везде примут. Арсению нужно остаться в Москве, в провинции с ним может случиться всякое. Я вырастила его одна, отец его погиб при испытании самолета. Вы добрая, я вижу, вы войдете в мое положение. Я денег вам дам.

Этот мучительный разговор прервал Арсений:

– Мама, не нужно унижаться. Я люблю ее и женюсь на ней.

Как гром среди ясного неба прозвучало это предложение. Ираида Сергеевна широко раскрыла глаза, мое сердце трепетало.

– Чернова, ты выйдешь за меня?

– Вы-вы-й – ду...

– А Любочка? – вмешалась мать.

– Мама, ты разве не видишь, Тамарка искренняя, живая, а Любочка? Кукла расписная.

Так неожиданно я распрощалась с местом в институте и вышла замуж за Горшецкого. Почему так случилось? Почему я сразу поверила ему? Почему Ираида Сергеевна быстро согласилась? Я жила, как во сне. На семейном совете решили, что я пока работать не буду. Отказались от прислуги. Зачем лишние расходы? Все в дом. И пироги мои с маком сразу понравились, и пельмени, и борщи.

Как-то раз пригласила Ираида свою приятельницу на чай. Подруга ахала:

– Ах, какие ватрушки испекла ваша домработница!

– Это жена Арсения.

– Слышала, слышала, что он женился на какой-то плебейке, не из нашего круга. И куда ты смотрела?

– Пришлось пойти на сделку, иначе бы моему Арсеньюшке светил задрипанный Красноярск. Сибирь! Вот чего я допустить не могла! Это временная уступка, понимаешь?

– Как ловко все придумано! Как ее звать? Та-ма-ра? Имя-то какое-то мужицкое.

– Грубое, – поддакнула Ираида.

– И как ты решилась нищевродку в дом взять, у тебя столько драгоценностей.

– И не говори, прошлое ее темное, мать то ли от нее отказалась, то ли в детдом сдала.

Я стояла за дверью и слышала весь этот бред. Господи, во что я опять вляпалась? Как мне жить со всем этим? Про детский дом я рассказала только Арсению. За что я так мучительно люблю его? Господи, ну почему меня так тошнит?

У меня беременность, четвертый месяц. Меня ругает Ираида:

– Как нельзя было заметить, что ты забеременела? Когда были последние месячные?

Мне стыдно говорить. Ираида наседает:

– Что ты мычишь как корова?

– У меня эти с-самые критичные дни приходили нерегулярно, могли прийти и раз в полгода. Я не обратила внимание...

– Дервня, как есть дервня. На аборт пойдешь, я договорюсь.

– Я рожать буду.

– Рожать она будет! А на какие деньги ты собралась жить? На мои?

– Арсений зарабатывает.

– Себе на штаны. Нет, моя голубушка, рано еще о детях думать, на ноги собственные поднимитесь, там видно будет.

И в эту минуту я отчетливо ощущаю, как в животе шевельнулся ребенок.

Всю беременность я нервничаю, Арсений пропадает на работе. Однажды назвал меня Тамариской. Я рассмеялась, спросила, почему Тамариска? Он ответил, что я для него, как манна небесная: всегда в квартире чисто, сытно, уютно. А раньше они с матерью больше в ресторанах обедали. «И какая здесь экономия», – подумала я.

Роды случились преждевременные. В доме никого не было. Очень испугалась, когда отошли воды. Стала читать все молитвы, какие знала. Боль нарастала. Догадалась вызвать «Скорую» и позвонить Арсению. Больше ничего не помнила. Пришла в себя на третий день:

– Кто родился? Мальчик?

– Умер твой мальчик.

И опять я в коме. Выздоровливала долго. Уже лето сменила осень. За окном падает первый лист. Он кружится и опускается мне на ладонь. Кленовый! Из всех деревьев больше всего люблю клен. Он такой нарядный, узорчатый. Сегодня меня выписывают домой. Домой? Где поселилось предательство? Как мне жить? Подходит Арсений, садится на лавку:

– Я от врача, жду выписку, поедем домой.

– Зачем продолжать притворство? Я тебе не нужна.

– Нет, ты – мой ангел-хранитель. Кто я без тебя? Кто мне подбрасывает интересные идеи и помогает их мне воплотить? Я не слепой, и у меня тоже есть сердце, а оно любит тебя, Тамариска моя! Никому тебя не отдам!

Я продолжала домохозяйничать. Но всегда помнила, что сболтнула Ираида приятельнице о сделке. Иногда мне казалось, что Ираида вместе с сыном заранее договорились устроить спектакль в признании любви и женитьбы ради достижения своих целей. Время работало не на меня, я со страхом замирала, когда поздно домой возвращался Арсений. Боялась, что он скажет одну фразу: «Мы разводимся».

Появилась иллюзия, что складывается моя личная жизнь. Оказывается, что счастье – это найти того, кто любит тебя. Мне казалось, что на свете есть очень много людей, которые могут подходить именно тебе. Очень важно иметь рядом человека, которому можно сказать: «А помнишь?» Но летели дни, месяцы, и я не ощущала нашей совместной жизни. Больше походило на совместное проживание. Я нужна была Арсению помочь выстроить карьерную лестницу, за него писала гранты, его хвалили, продвигали. Я устала быть генератором его идей, не получая отдачи.

Неужели, Бог дал мужчине женщину для вдохновения? Как будто так и должно быть: он на коне, я где-то сбоку. Когда я подолгу оставалась наедине с собой, ко мне приходили разные мысли. Я была убеждена, что всё, что касается двоих – это очень интимно: какая-то мелочь, знак внимания, просто жест, прикосновение рук, губ. У нас же наоборот участились упреки, покрики, все чаще я видела Арсения раздраженным.

Ираида во всем поддерживала сына:

– Запомни, Арсений, мужчина не должен постоянно объясняться и извиняться. Мужчина должен всегда чувствовать, что он желанный, привлекательный и сексуальный...

Я хотела защитить свое право на любовь и внимание:

– Почему вы ко мне относитесь пренебрежительно? На той неделе вы отправились в театр, мне не предложили. Я что, в доме горничная? Я тоже люблю театр, в нашем городке с Анастасией Андреевной мы всегда посещали премьеры. Может, я в музыке не разбираюсь, но вы мне хоть раз предложите сходить в оперу?

– Как заговорила-а-а, – протянула Ираида. – Да ты Бога благодари, что живешь в приличном доме на всем готовом. Нищенка! Весь дом иконками заставила, сумасбродка богомольная.

Арсений стоял рядом, только приговаривал:

– Мама, прошу вас, вам нельзя волноваться, у вас больное сердце...

Меня как будто наотмашь по лицу ударили. Можно терпеть голод, холод, но не унижения. Я трудилась, как пчелка, но жизнь в этом доме медом не казалась. В жизни нет репетиций, каждый момент – импровизация. Жизненный опыт подобен лотерейному билету, купленному после тиража. Теперь я была твердо убеждена, что семейная жизнь – это не одиночный заплыв, грести надо вместе.

Арсений был рядом, но я видела, как мы отдаляемся друг от друга. Ему уже разонравился синдром «правильной девочки». Захотелось «плохую». Уже чаще он задерживался допоздна на работе, позволял в выходные дни решать с коллегами производственные проблемы на даче, в бане.

Когда я у него спросила, мы семья или как, он впервые взорвался:

– Ты спокойная?! Да ты своим спокойствием кого хочешь доведешь до истерики. Мать от тебя сбежала, живет на даче. Скоро и я сбегу.

Жизнь идет полосами. У меня без просветов идут одни черные. Но я еще слабо цеплялась за мысль, что у всякого правила есть исключения. Душа требовала любви и снисходительности к моему физическому образу. Да, я не красавица, но можно ли меня полюбить за преданность, желание быть любимой?

Предлагала мужу съехать с квартиры матери, на первых порах снять жилье, я тоже бы пошла работать. Но только натыкалась на очередной скандал:

– Ты даже не представляешь, в какую копеечку нам выйдет съемное жилье. Я привык к своему дому, комфорту, здесь все мое.

Ему хотелось жить хорошо и сразу. И получилось ровно то, чего я так боялась, а именно: обожание мужа с моей стороны и предательство с его стороны.

Однажды в кармане его пиджака я обнаружила изящную дамскую перчатку. Откуда она там появилась? Большого ума не надо, что бы догадаться, что у Арсения появилась другая женщина.

Вся моя жизнь протекала под знаком случая: случайно встретились, случайно поженились, случайно расстались...

Он предельно ясно обозначил наш разрыв:

– Ты не давала мне личного пространства. Пойми, отношения в паре похожи на танец – это постоянное приближение и отдаление.

Я спросила напрямую:

– Ты опять встречаешься с Тимченко?

– Представь себе – да. И только не надо бабьих истерик.

Почему я не умерла сразу? Мое состояние походило на состояние смертельно раненой птицы. И опять я вспомнила слова бабушки: «Все мы птицы небесные». Только сейчас мне хотелось улететь далеко от Москвы. Чтобы никто не кинулся меня искать. Господи, да кто кинется? Арсений? Ираида? Да они только обрадуются.

Я сделала для себя открытие: фамилии будущих супругов должны сочетаться. Например: он Карасев, она Окунева, Он Портнов, она Швеева. Я – Чернова, а вышла замуж за Горшецкого. Нескладно, ничего путного не вышло. Разбежались.

А ведь где-то ходит мой Белов, Краснов. И еще: замуж нужно выходить за некрасивого. Привлекательность мужчины негативно влияет на самооценку женщин. Если попытки быть «под стать» супругу оказываются безуспешными, женщины принимают кучу психологических проблем: или резко худеют, или резко толстеют.

Я похудела. И тут выяснилось, что Горшецкому такие женщины совсем не нравятся. Он проговорился: «Мало удовольствия тереться костью об кость».

Поэтому я сделала еще одно открытие: выбирать надо непримечательного мужчину с покладистым характером. Горшецкий оставался большим инфантильным ребенком. Ему первые тридцать лет детства под опекой матери дались сравнительно легко.

Сборы мои были быстрые. Что я нажила в доме мужа? Пальто, куртку, плащ, пару обуви. Какая-то непримечательная одежда. Все уместилась в один чемодан. Я долго стояла у раскрытой шкатулки, боясь взять денег на первое время. Но я решилась.

Как так получилось, что я оказалась в аэропорту? Но я сижу в холле и ожидаю чудо. Должно же что-то хорошее случиться за весь день длиною в жизнь?

Брожу по залу, читаю расписания, объявления. Натыкаюсь на одно из них: такая-то Компания приглашает на время путины на переработку рыбы. Проживание и питание бесплатное. Может, это как раз то, что мне сейчас нужно? Подхожу, как во сне, к кассе, спрашиваю, сколько стоит билет до Усть-Камчатска. Денег только на билет среднего класса.

Лечу. Почему меня охватывает восторг, когда мое положение плачевное? Догадалась: я – свободная птица. Лечу в неведомые края. Что за работа ждет меня, физика-математика? Разделка рыбы...

Я в Усть-Камчатске, это где-то на краю света. Бабушка сказала бы: «У черта на куличках». Народу прилетело тьма. Я пугаюсь, а вдруг мне не достанется работы? Досталось. Я – полумойка в столовой. Столовая огромная, на пятьсот человек. Мыть надо после завтрака, утреннего кофе, обеда, ужина, вечернего чая. Обещали за отработанный сезон заплатить хорошие деньги. Стараюсь, но к вечеру руки висят, как плети. За короткое время замечаю, что стали ломить пальцы, утром они не сразу разжимаются. Мне страшно: вдруг отправят на материк? Не подаю вида, креплюсь.

За месяц работы столкнулась со страшной несправедливостью: местных посылают на менее трудоёмкие работы и платят в два раза больше. Спрашивать у Старшего не решаюсь, скажет: «Не нравится – сваливай».

Почти никакой цивилизации: огромный рыбзавод, поселок, клуб, в который страшно ходить. Парни приглядывают себе молодых женщин и уводят в бараки.

Так пролетело три месяца: столовая, пол, барак...

Руки привыкли к работе, не так ломят пальцы. Можно жить. И соглашаюсь еще на третий срок. Правда, заплатили мне в два раза меньше: высчитали за питание и проживание. А обещали, что все включено.

В голове стали крутиться планы. Если я останусь здесь на год, можно заработать денег. Их хватит, чтобы в Москве снять жилье и найти работу. Соглашаюсь на двойную работу, то есть в промежутке свободном от мытья полов, устроилась еще и посудомойкой. Подсчитала, что за сезон «лето-осень» я заработаю приличную сумму.

В мои планы неожиданно вмешивается Юрка. Он местный, живет с больной матерью и младшей сестренкой. Юрка тоже работает на рыбзаводе, он разделывает рыбу, солит икру.

Признался, что я ему понравилась сразу, как только он увидел меня. Я ему не верю, но мне приятно, что я хоть кому-то могу понравиться.

Помню, как я пришла к нему домой первый раз. Никогда я не видела такой нищеты и убогости. И грязи. Мать лежала уже второй год, не вставала, вся домашняя работа легла на худенькие плечи девочки-подростка. Взгляд у нее был замученный и какой-то затравленный. Взрослый.

Юрка предложил сойтись и жить вместе. Зато не будут высчитывать за общежитие и питание. Выбор у меня был невеликий.

В один из выходных дней я перебралась жить к Юрке на правах сожительницы. Весь день я драила полы, отмывала окна, стирала белье и занавески. К вечеру с его сестренкой Ганкой мы повесили занавески, расстелили тканые половики, испекли блинов.

Впервые за долгое время лежания мать Юрки с моей помощью согласилась помыться в большом корыте. Чистая, со слезами на глазах, она села за стол пить чай с блинами. Она посмотрела на меня просветленными глазами, и вдруг прошептала: «Беги, девонька, от Юрки, пьяница он и разбойник. Как получит зарплату, начинает пить. А как пропьется, начинает нас с Ганкой бить. И тебя бить будет, беги».

Сердце сжалось от таких слов. От жалости к его матери, Ганке, к себе. Почему-то поверилось, что можно найти счастье и с простым парнем, пусть малограмотным, лишь бы сердечным и работающим. Таким мне и показался Юрка. И не верилось, что он может разгульно пить и гонять домашних.

Приближался день получки. Юрка заметно повеселел, подмигивал: «Ну, что, Томка, гульнем?»

И он гульнул, еле ноги унесла. Он рвался в комнату в общежитии и страшным голосом рычал: «Иди домой, сука, я тебя учить буду, как следоват уважать мужа. Ты мне жена, никуда ты теперь от меня не дёнешься».

Вызвали полицию, увезли. Меня колотило, ночь я провела в горьких раздумьях. Мой контракт заканчивался зимой, надо было как-то вытерпеть еще два месяца.

Через неделю в общежитие заявился Юрка трезвый, и бросился к ногам: «Бросишь меня, совсем пропаду. И мать тоже. И сеструха. Пожалей нас. Бить не буду».

До чего же глупо устроено женское сердце: оно поверило, затеплилась надежда на семейное счастье.

Юрка держался ровно две недели, до аванса. Я в тот вечер пришла уставшая, ломило всё: плечи, спина, тряслись мелкой дрожью руки. Дома ждал вдрызину

пьяный Юрка. Он размахивал передо мной армейским ремнем с бляхой: «Что, сучка, явилась? Натрахалась, к мужу приползла? Получай!»

Бляшка больно ударила в скулу, я закрыла глаза и хотела ринуться к двери. Но, несмотря на то, что он еле стоял на ногах, он как кошка кинулся на меня, повалил и стал бить. Он пинал, рвал на мне одежду. Ремень свистел по всему телу. Я уже не пыталась бежать. Помню, громко завизжала Ганка: «Ты убил ее».

Очнулась в приемном отделении поселковой больницы. Около меня сидит участковый, спрашивает, как все произошло. Мне противно: следователь подводит под статью Юрку.

Но кто будет содержать мать и сестренку? Хоть скудные деньги, да перепадают в семью. Дрова он заготовливает. Кто им поможет? Я отрицаю факт избиения, говорю, что поскользнулась, и упала на ледяной дороге. Следователь не верит, просит написать заявление. Ничего я писать не буду.

Получаю расчет. Ровно год прошел, когда я добровольно прилетела на каторжные работы. Если бы мне сказали раньше, что меня ждет непосильная работа, я бы ...согласилась. На тот момент Усть-Камчатск был единственной надеждой улететь из Москвы, где меня предали.

По дороге в общежитие захожу в магазин и покупаю обновки для Ганки: куртку, сапоги, джинсы, свитер. Девчонка носит одни обноски, что подкидывают соседи.

Юрки дома не было. Ганка боялась брать обновки: «Не надо, брат все равно проплет...» Жалость подступила к горлу и душит. Обнявшись, мы расстаемся. С постели мне слабой рукой машет мать. В окно я вижу, как к дому бежит Юрка. Я в страхе

прячусь за шторкой. Он с порога пьяным голосом кричит:

– Где эта тварь продажная? Бросить меня захотела? Не получится, убью.

Ганка от страха забила в угол:

– Она была, только ушла, ты ее догонишь.

Я стою, ни жива, ни мертва, боюсь выйти. Ганка шепчет:

– Тетя Томка, уходите через черный ход, тропинка к дороге выведет.

Бедное дитя, оно сегодня будет избито до полусмерти. Я в отчаянии предлагаю ей лететь со мной. Она качает головой:

– А мамка? Она без меня пропадет.

Я лечу на материк. В голове полный сумбур: то ли радоваться, что еле ноги унесла, то ли плакать от безнадежности. Мой рейс задерживался. Я мысленно подводила итоги своего добровольного контракта. За год работы я должна была заработать в среднем за месяц шестьдесят тысяч, но мне за двенадцать месяцев заплатили вдвое меньше. Как в конторе объяснили: удержали за питание и проживание.

Я не стала спорить, хотя к моменту расчета я уже поняла всю жульническую политику местных администраторов. Оказалось, американская Компания отдельно платила и за общежитие, и за питание. Значит, моя, честно заработанная половина денег, плавно переключалась в карманы местных работодателей. Судиться? Себе дороже. Я сижу, ожидаю рейса. Ноют руки и спина. Может, от непогоды? Нет, дают еще знать побои.

Страх сковал меня, когда я вдруг вижу Юрку. Он бежит ко мне навстречу с цветами, с покаянием в глазах:

– Томка, не улетай. Возьми меня с собой в Москву... Я там никогда не был. Ты купишь машину, я буду таксистом, в армии я выучился на водилу. Питиe не буду, рабoм буду по самую жизнь.

Я с ужасом кидаюсь к полицейским:

– Помогите мне.

Слышу, как Юрка кричит:

– Из-под земли достану и добыю.

И вот я лечу. Свободная птица. «Все люди, как птицы». Только этой птице жизнь обломала крылышки. Что ждет меня в Москве? За все это время я ни разу не вспомнила об Арсении. А сейчас я задаю себе вопрос: «Как он там?»

Доверчивое женское сердце, оно еще надеется, что Арсений один, что с Тимченко у него ничего не получилось, что он нуждается во мне. Но у меня хватает гордости не идти к нему домой.

Сижу в кафе, по газетам ищу объявления о сдаче комнаты в аренду. Поближе к дому Арсения. А вдруг неожиданно увидим друг друга?

Деньги быстро тают, работу по специальности найти трудно. И я опять иду в кафе мыть посуду.

Однажды вижу, как в кафе зашли Горшецкий и Тимченко. Он с цветами. По его лицу я понимаю, что он удерживает Любу. Но вот она встает и уходит. На столе остаются лежать цветы. Вид у Арсения растерянный. Он барабанит пальцами по столу и что-то выжидает.

Можно воспользоваться моментом и подойти к нему, спросить: «Много тебе любви дала твоя Тимченко?» Но я великодушно не вмешиваюсь, ему и без меня плохо. А я бы пожалела, уронила бы его голову себе на грудь, сказала бы, что мне без него очень трудно. Я бы дала ему столько любви, сколько скопилось у меня за все это время.

Но я не могу перебороть в себе гордость, молча, глотаю слезы. Слышу, как старшая по залу зовет меня.

Зазвонил мобильник. Я им мало пользуюсь, только для срочных вызовов. Мой номер телефона никто не знает. Почти. Только Арсений и Галя Чёли. На курсе у нас так звали вездесущую Галку с параллельной группы. У нее что ни спроси, всегда ответит: «Я чёли не права?» Или: «Чёли не так?» Так вот она звонит, как будто я и не отсутствовала в Москве год. Сообщает последние новости:

– Тут тебя обыскалась наша кураторша Ирина Оскарловна. Она сейчас заведует в институте лабораторией.

Я ее перебиваю:

– Так лабораторией заведовал, насколько я помню, Горшецкий.

– Забудь, он же конченный наркоман.

– Когда он успел?

– Как только сошелся со своей Тимченко, так с катушек и слетел.

«Бедная Ираида, она все сделала для единственного сына», – мысленно пожалела свою враждебно ко мне настроенную свекровь.

Галя Чёли продолжала:

– Так вот, тебя разыскивает Ирина Оскарловна, я уже тебе звонила несколько раз, ты была недоступна. Ты зайди к ней в лабораторию, ты же у нее была любимицей, чёли не так?

Я сижу, оглушенная новостями. Мне не верится, что страшная беда случилась с моим любимым. Мне очень жаль Ираиду. Я уже давно не испытываю к ней неприязненного чувства: она ведь хотела только хорошего для своего ненаглядного сыночка.

Через день у меня выпадает выходной, я оправляюсь в институт. Прозвенел звонок с пары, я иду разыскивать Ирину Оскаровну. Она в лаборатории. Обрадовалась, обняла меня:

– А у нас, Тамара такие события творятся. Твой Арсений подсел на наркотики, никто от него не ожидал такого. Я с ним разговаривала, с его матерью. Так она еще меня обвинила в случившемся, будто это он еще в институте попробовал эту дурь. Возможно, я куратор не слишком хороший, но я, в первую очередь, ученый, а не нянька для великовозрастных детей. Он сам свою судьбу строит. Он не прислушался к моим советам. Предлагала ему клинику, он отказался. А сейчас я разрываюсь между кафедрой и лабораторией, мне нужен свой проверенный человек. В тебе уверена, ты успешно прошла практику в нашей лаборатории. Она ждет тебя.

Я не верю, что так может кардинально измениться моя жизнь. Но я не радуясь: я заняла место Арсения.

Через неделю уже работаю заведующей лабораторией. Но мысль об Арсении не покидает меня. Мне кажется, что я ему сейчас очень нужна.

И вот я у его дверей. Звоню. Никто не подходит. Уже у лестницы слышу, как открывается дверь. На пороге Ираида. Кто ее еще год назад видел, сейчас бы не узнал: постаревшая, какая-то выцветшая, очень худая. Куда делось высокомерие, горделивая осанка? Смотрит на меня выжидательно и с удивлением, приглашает зайти. В комнате на диване вижу спящего Арсения.

Ирида придирчиво оглядывает меня:

– Наслышены, что ты место Арсения захватила. Победу пришла праздновать?

Я пришла с добром, устраивать разборки не про меня. Я иду к двери, слышу язвительный голос:

– Жила у нас на всем готовом, не брезговала, а когда у нас поселилась беда, ты и нос воротишь.

Вижу, как из комнаты ко мне идет Арсений:

– Тамариска моя вернулась.

Что-то изменилось в его лице, оно стало одутловатым, под глазами синие круги. Он старается меня обнять:

– Ты похорошела, для тебя этот год пошел на пользу. Возвращайся, мы ведь даже не разведены.

Я оглядываюсь. Замечаю, что в квартире исчезло много дорогих вещей. На стене над камином висела картина Айвазовского. Теперь её нет. Такое ощущение, что их обворовали. Но потом осенила догадка: это Арсений все спустил на наркоту.

Ираида вкатила столик на колесах:

– Давай отметим твое возвращение...

Но я не думала возвращаться, я только хотела проведать. Вдруг помощь нужна?

Ничего не могу поделать с собой. Я опять живу в доме Арсения. Он весь больной, в поиске работы. Как я его брошу такого жалкого? Да и Ираида смотрит на меня совсем другими глазами. К ней никто не ходит, в спальне журнальный столик заставлен лекарствами. Она жалуется:

– Все отвернулись от нас, как от прокаженных. Не оставляй нас.

В какой-то момент я ловлю себя на мысли, что больше не люблю Арсения. И не потому, что он наркоман, а потому, что мы – чужие. Он витает где-то в облаках, или корчится от отсутствия дозы. Однажды я собрала вещи и решила все-таки уйти. Зачем жить без любви? Лечиться Арсений не хочет, он продолжает

уверять и мать, и меня, что в любой момент бросит наркотики. Вот только нет силы воли. И он еще не понимает, что серьезно болен? Я стою с вещами у порога. Никто меня не провожает. Я захожу в спальню к Ираиде. Она плачет:

– Не покидай нас. Я больная, Арсений может в любой момент умереть от наркотиков. Я уже несколько раз его спасала. Он хороший мальчик, всегда меня слушался, а сейчас я не узнаю его. Мы отдаляемся, я теряю его.

Киваю головой, что остаюсь. В один из вечеров Арсений не приходит ночевать. Ираида в истерике:

– Иди, поищи его, он где-то в подвалах.

Я выхожу из дома. Нет, не искать, ухожу в свою съемную квартиру. И вдруг на первом этаже вижу Арсения. Он сидит на лестнице и не двигается. Я окликаю его, он молчит. Я заглядываю в его глаза: они стеклянные. Он умер.

Все во мне умерло. Я стою над ним, набираю номер «Скорой».

Ираида после смерти Арсения слегла окончательно. Я не могла покинуть ее одну больную в большой квартире.

После работы я спешила в аптеку, магазин, готовила ужин. У Ираиды пропал аппетит. Я старалась налепить ее любимые пельмени. Но она угасала. И врачи ничего уже не могли сделать.

В тот день я вернулась поздно с работы. Ираида лежала на диване торжественная: надела свой лучший наряд и ждала меня. Я хотела упрекнуть ее, зачем она покинула спальню, но она слабой рукой дала знак, что будет говорить. Слова ей давались с трудом:

– Тамарочка! Ты прости меня, что я была несправедлива к тебе. У тебя оказалось доброе сердце.

Ложное тщеславие не позволило мне сразу угадать в тебе родную душу. Ты была хорошей женой Арсению. Ты его любила до последнего. Ты не бросила меня. Для нашей семьи, ты – как манна небесная. Тебе я завещала эту квартиру. Родственников у меня нет. Ты заслужила эту квартиру. Она согрета теплом твоей души. Сегодня я вызывала своего адвоката, завещание на столе.

Я видела, как трудно ей было говорить, но она продолжала:

– И еще. Твой сыночек жив. Я скрыла от тебя факт рождения. Арсений тоже ничего не знал. Тебе объявили, что он умер при родах. Мальчик живет в пригороде, где у нас дача. Его воспитывает женщина, я ей плачу ежемесячно. Мишенька записан на нашу фамилию, отец значится Арсений, а матерью ты. Он рос на моих глазах. Он так удивительно похож на Арсения, – Ираида заплакала. – Или прокляни меня, или прости, но я все делала во благо сына. Адрес на столе.

В эту минуту меня постигло разочарование. Почему так все несправедливо?

Я взглянула в глаза Ираиды. Она прерывисто задышала и умерла.

Сколько горя за минувший месяц выпало мне? Я задавала себе один вопрос: «За что?»

На похоронах было мало народу. Меня поддержать пришли с кафедры и моя новая коллега Лариса. Не знаю почему, но я взяла и рассказала ей об Арсени и Ираиде. И о сыне. Решили, что после девяти дней поедem за сыном вместе.

Я продолжала жить на съемной квартире. Вчера я вступила в наследство, но оно меня не радует. Хорошо, что у меня интересная и ответственная работа. А теперь я еще живу ожиданием встречи с сыном. Ему уже

должно исполниться четыре года. Как он узнает, что я его мама?

В воскресенье мы едем в деревню. У меня большой пакет новых игрушек. Сердце колотится так, что готово выпрыгнуть. Как встретит меня чужая женщина? А вдруг она привыкла к нему и не захочет расставаться с ним?

Мы идем по дачному поселку. Впереди меня идет мальчуган с женщиной. Мальчик оглядывается, и я вижу перед собой маленького Арсения:

– Арсений!..

Женщина останавливается, и долго смотрит на меня. Она легонько подшлепнула мальчика:

– Беги, твоя мама приехала.

Мы сидим на веранде и пьем чай с вареньем, Мишутка играет с игрушками. Женщина рассказывает:

– Меня зовут Марией. Я с детства дружила с Ираидой. Сложный у нее характер. Знаю, как она поначалу не приняла тебя... Но ты ее прости. Когда я осталась одна, она предложила мне забрать Мишеньку. До лучших времен, пока не устаканится. Так она сказала. Я женщина простая, понимаю, что мальчику нужна родная мать, хоть я и привыкла к нему всем сердцем. Вы уж меня не забывайте, навещайте, одна я, совсем одна.

И было в этой женщине что-то от моей бабушки. Она жила простыми истинами: если надо помочь, почему бы и нет. Если кто заболел, она лечила народными средствами. Из ее долгого рассказа о себе я поняла простую истину: надо жить по Божьим законам, и Господь никогда от тебя не отвернется. Мишеньку я уже привезла в квартиру Ираиды. Малышу все интересно. На него со стены смотрит портрет Ираиды. Я

объясняю, что это бабушка. Папа и бабушка живут на небесах. Мишенька уточняет:

– Им Бог крылья привязал? Я их не вижу.

– Зато они смотрят на тебя и радуются, что ты растешь таким любознательным.

Все мне в ребенке мило. Я его познаю, а он меня. Мы листаем альбомы. Он узнает Арсения и важно говорит:

– Смотри, это мой папа, он живет на облачке.

Незаметно пролетело два года, Мише скоро в школу. Завтра я его увожу на дачу к бабе Маше. Она звонила, что клубника поспела. Вчера на работе Лариса принесла два билета на премьерный спектакль. Я соглашаюсь, давно не была в театре. Спектакль понравился. А потом я упала, а потом я повстречала собаку, познакомилась с соседом Афанасием.

Собаку теперь я вижу ежедневно. Лорд дружелюбно машет мне хвостом. Он вместе с хозяином выходит на утреннюю пробежку. Я стараюсь бегать в другую сторону. И все из-за того, что мне нравится Афанасий. Я думала, что после смерти Арсения больше никогда не взгляну на мужчин. Но жизнь продолжается, живой думает о живом. Я нарядная стою у подъезда и ожидаю Ларису. Сегодня она пригласила в кино. Она выполняет культурную программу. А я стою у подъезда и вижу сначала Лорда, за ним Афанасия с молоденькой симпатичной женщиной. Афанасий здоровается:

– Знакомьтесь, это моя юная жена Элеонора.

Я смотрю и вижу, что она и впрямь совсем молоденькая, в дочери ему годится. Я разочарована. Как близко стоят два слова: очарование и разочарование. Только что было очарование, и раз – и нет очарования.

Значит, Афанасий не мой человек. И зачем расстраиваться? Жизнь продолжается.

Я еду за Мишенькой в деревню. Быстро пролетел месяц. Исчезли иллюзии, мы продолжаем по утрам бегать с Афанасием в разные стороны. Лорд подбежит ко мне, лизнет руку и спешит за хозяином.

Сегодня Мишеньке исполнилось семь лет, через месяц он идет в школу. Он уже понимает, что он взрослый, и у него появится много обязанностей. Я вижу, как он во дворе играет с Лордом. Зову Мишу на обед, за ним бежит Лорд. Открываю дверь и вижу, как собака ложится на коврик, понуро опустив морду на лапы. Квартира Афанасия напротив моей. Ловлю себя на мысли, что уже неделю не вижу Афанасия на пробежке. Никогда такого не было, чтобы Лорд отдыхал за дверью в общем коридоре. Зову собаку в дом и принимаюсь его кормить. Как благородный пес, он не набрасывается на еду, хотя вижу, что он голоден. Не мое дело звонить Афанасию и узнавать, почему собака целую неделю спит на коврике под дверью. Я слышу, как возмущаются соседи:

– Развели собак, и нет на них управы.

И тогда я решаюсь и звоню Афанасию в дверь. Неожиданно дверь распахнулась, так внезапно, что я невольно отступила. На пороге стояла Элеонора с чемоданами. И с чужим мужчиной.

Я пролепетала:

– А где Афанасий?

– Он в больнице...

– Он заболел?

– У него рак...

– А вы куда?

– А я домой. Знаете, я смерти боюсь...

– А собака?

– Если хотите, заберите ее себе. Кому она сейчас нужна?

Как жаль, что собак не пускают в палату. Он бы лизнул своим шершавым языком Афанасия, и тому бы сразу полегчало. Я не знаю, какие слова нужно подобрать, чтобы подбодрить больного. Вид у Афанасия после облучения неважный. Я уже месяц навещаю его, и он ни разу не спросил про Элеонору. Только про Лорда. Я его успокоила, что собака до его выздоровления будет жить у нас. Афанасий с горечью в голосе спросил:

– Вы думаете, рак в наше время можно победить? Надо правде смотреть в глаза. Я все знаю про свое заболевание.

И тогда я взорвалась:

– Надо принять решение жить! Даже те, кто по медицинским прогнозам мог бы выжить, но не принял твердого решения жить – они умерли. Мне ваш доктор сказал. За вами одно: решение жить, жить и еще раз жить!

– Зачем? Ради кого?

– Ради жизни! Ради Лорда! Ради...меня! Нужно думать о том, что происходит здесь и сейчас!

Два месяца Афанасий боролся со смертью. Я видела, как он радовался моему приходу. Рассказывала ему, как мой сын подружился с Лордом, что я без опаски выпускаю мальчика гулять во двор с собакой. По глазам вижу, что он не хочет, чтобы я быстро уходила. Медсестра позвала меня к лечащему доктору. Доктор объявил, что на следующей неделе Афанасия можно выписывать:

– Вам, как жене, скажу одно: выздоровление пошло быстрым ходом. Благодаря нашим лекарствам и вашему упорству, пациент будет жить.

Я хотела возразить, что он мне не муж, но мне было приятно услышать, что я – жена.

Мартовская любовь приходит под робкий звон капели, под негромкие тягучие песни последних метелей. Ранняя весенняя любовь уютная, как мягкий цветной плед. Говорят, настоящих мужчин нельзя подчинить. Это верно. Их надо незаметно приручить. Приручают же диких зверей. Прирученному мужчине приятно налить горячий шоколад, поднести с печеньем, украшенным малиновым вареньем из бабы машиного сада. Как же я была приятно удивлена, когда врач передал мне историю болезни и впервые прочитать фамилию Афанасия: К-Р-А-С-Н-О-В. Мы сидим на диване, и я рассказываю Афанасию все-все о своей жизни. Когда дошла до истории, что имя у меня грубое, и поэтому Арсений придумал мне новое имя – Тамариска, он неожиданно рассмеялся:

– Знаешь, а ведь на самом деле существует такой кустарник, называется он тамариск. Уникальное растение. В голой пустыне он радует путника своим весенним нарядом: белыми, сиреневыми или розовыми цветочками. Кустарник защищает селения от наступающих песков.

– Ты там был?

– Несколько раз. Так вот, корни его расползаются, как лианы, и уходят в глубину на десятки метров.

– Живучие.

– А еще в случае чего тамариск спасает от голода манной небесной.

– Ты пробовал?

– Да. Летом кора покрывается сладким соком, который выделяют живущие на нем жучки щитовки.

– Как интересно...

– Высыхая, этот сок превращается в белую крупу, она и переносится ветром на большие

расстояния, а потом падает с неба, как описано в Библии.

– Да-да! Вспомнила, мне еще бабушка рассказывала про манну небесную.

– Выходит, что твой Арсений, назвав тебя Тамариской, попал в самую точку. Ты для него была, как спасение.

– Как манна небесная.

– Ты и для меня – манна небесная, пришла и спасла.

– Арсения не спасла.

– Арсений был сам себе враг, твоей вины нет.

В минуты, когда ко мне приходит ощущение совместимости, хочется распахнуть шторы и залить дом кристально-голубым небом. Хочется пробовать на вкус каждое мгновение, каждый вдох. Что бы мы делали без любви? Не пережили бы ни холодных зим, ни разлук, не победили бы смертельные болезни. Потому что согревает только любовь. И ей не страшны ни расстояния, ни возраст, ни мелкие обиды. Любовь – она всепрощающая.

Есть слова, которые говоришь на дню десятки раз. Например, слово «люблю». Люблю, когда распускается мой любимый незатейливый цветок ландыш, как ароматно пахнет сваренный кофе, свежее испеченная булочка с маком, люблю вот эту музыку, любимый кадр из фильма, раннее утро, сиреневый туман над речкой, быстро меняющиеся оттенки неба, люблю, как пахнут волосы после душа у того, кого люблю. Люблю вечер пятницы, люблю покупать подарки для тех, кого люблю. Люблю свою работу, встречаться с коллегами и приветливо им улыбаться. Слово «люблю» легко летает и почти ничего не весит. Такое легкокрылое слово, но как оно

необходимо в повседневной жизни. Вдруг я вспомнила, к чему во сне снится большая собака. Бабушка говорила, что это к близкому преданному другу. Афанасий и есть такой – верный и нежный. Он не склонен сомневаться и анализировать, когда у нас в отношениях все хорошо. Он просто любит. В этом умении быть ясным и простым кроется его сила. Я почувствовала его любовь каждой своей клеточкой, когда хочется летать, готовить вкусные вещи, прижимать к груди букетик ландышей.

Я открыла простую истину: надо полюбить себя. Тоска и эмоциональные страдания – это всего-навсего знаки, предупреждающие, что я живу против истины. И это называется искренностью. Когда я полюбила себя, то научилась прощать обиды. Простила Арсения, Ираиду, Юрку. И уважение пришло к самой себе. Надо только помнить, что все со мной происходит исключительно верный момент. И это придает мне уверенности в себе. Когда я полюбила себя, я перестала красть свое время и разрабатывать большие проекты. Сейчас буду делать только то, что приносит мне радость: любить сыночка Мишеньку, быть всегда рядом с Афанасием, радоваться простым вещам: весенней травке, летнему разноцветью, осенней щедрости, зимнему снегопаду. Я называю это простотой.

И сын, и Афанасий, и работа призывают меня развиваться, двигаться дальше. Наверное, это и есть зрелость. Я стою у окна, вижу, как Лорд кувыркается в снегу с Мишуткой, слышу, как в соседней комнате шелестит газетой Афанасий, вижу, как через весь двор с тяжелыми сумками идет тетя Мария.

Я смахиваю фартуком слезу радости. Слезы не оставляют пятен. И это как открытие.

Спешу на кухню, печь «Маннй» торт.

Игорь Мосин

Судьба

1

В преддверии своего тридцатисемилетия Ивану Петровичу Семизадову не везло: на работе проверки сыпались одна за другой, зарплату задерживали, в магазинах обсчитывали, в общественном транспорте хамили, и даже уличные попрошайки цеплялись именно к нему, нагло заявляя: – ты должен помочь, потому что добрый.

Покою не было и дома. Жена, Анна Степановна, к недовольному виду которой он давно привык, в последнее время была взвинчено-раздражена, называла мужа неудачником, тухлой и размазней.

От всего этого Иван Петрович стал угрюм и подавлен, ощущая полную неудовлетворенность положением, в которое был поставлен новыми жизненными условиями.

Поэтому день рождения прошел буднично и малоинтересно.

Пришедший поздравить школьного друга Олег Остов, посидев за скромным столом, послушав скучные разговоры, грустно покачал головой, на выходе предложив:

– Ваня, приходи завтра ко мне. Тебе надо развлечься.

Именинник только рукой махнул.

– Ты что, Олег, какое развлечение? В мои-то годы!

Но на следующий день пришел. Олег работал проректором по хозяйственной части, или попросту – завхозом в одном из институтов.

Он сразу «взял быка за рога».

– Пойми, старик!

– Ну, уж ты сразу и «старик», – обиделся Семизадов, – подумаешь, всего тридцать семь стукнуло.

– Послушайте, юноша! – смеясь, перебил друг, – вас надо спасать! Тебе необходимо взбодриться. От твоей домашней жизни за версту несет скукой, плесенью и «тем самым чаем». Что ты сидишь в четырех стенах как древний магараджа на слоне? Посмотри вокруг – сколько возможностей, сколько молодых девочек!

– Моя Аня тоже ничего, – тихо возразил Семизадов.

– Ничего она была, когда ты на нее подбитым глазом смотрел. Но я вижу, у тебя за эти годы зрение не восстановилось...

***

Тут надо сказать, что, несмотря на тяжелый нрав жены и её постоянное ворчание Иван Петрович ей ни разу не изменил.

Три случайные связи, которые имели место за его тридцатисемилетнюю жизнь, были именно случайными. Первый раз это произошло сразу после окончания института, на дне рождения у того же Остова.

Иван Петрович еще не был женат и пришел в гости один. Олег, молодой человек с легкими манерами и своеобразным взглядом на жизнь: где бьют – бей сам, где дают – бери больше, тут же познакомил друга с крупнотелой брюнеткой неопределенного возраста. За

столом они оказались друг против друга и Анжела, как ее представили, многозначительно подмигнув в сторону Семизадова, громко произнесла: «беру на себя обязанность следить за вашим прибором».

Все засмеялись, а Иван Петрович смутился и покраснел. Молодая женщина честно выполняла взятые на себя обязательства – каждый раз, передавая визави наполненную тарелку, она касалась горячими, влажными пальцами семизадовской руки, посылая томные, недвусмысленные взгляды, от чего Иван Петрович смущался пуще прежнего, и никак не мог уловить смысл текущей за столом беседы.

От того его реплики и шутки, неуклюже вставляемые в разговор, успехом не пользовались, натываясь на вопросительные взгляды, недоумение и ухмылки собравшихся.

И только Анжела, покашливая, смеялась густым, бархатным смехом, отчего казалась Ивану Петровичу остроумной собеседницей, с тонким чувством юмора. Поздним вечером, провожая даму, Семизадов был почти уверен – он нашел женщину своей мечты, он влюблен, это судьба! «Сейчас дойдем до скамейки, и я спрошу, когда мы сможем увидеться вновь», – мечтал нерешительный кавалер.

А спутница без умолку о чем-то нашептывала, с каждым шагом все более повисая могучим телом на его нетренированной руке.

Скамейка была пройдена, а Иван Петрович так и не решился задать вопрос. «Спрошу, когда перейдем улицу, – решил он, восторженно глядя на спутницу. – Хотя, нет, это будет слишком нахально с моей стороны! Она может подумать, будто я навязываюсь. Анжела натура тонкая. Как она смеялась моим шуткам! Лучше спрошу у дверей ее квартиры».

Но тут размышления Семизадова были прерваны. Сжав руку провожатого выше локтя, Анжела закончила рассказ:

– Вот так мы с мужем и расстались. Теперь я свободна, как птица! Уже две недели!

Последняя фраза, произнесенная с тоской и томлением, заставила Ивана Петровича задуматься: о чем дама сожалеет больше – о разводе или о двухнедельной свободе.

Они стояли на третьем этаже. «Женщина его мечты» одной рукой пыталась найти в сумочке ключи от квартиры, другой крепко держа за руку трусливо озирающегося по сторонам Ивана Петровича.

– Сейчас кофейку поьем, с коньяком. Взбодримся! У нас с тобой вся ночь впереди! – торопливо шептала Анжела, мягко притягивая приговоренного к любви за шарф.

«Что она делает? Так ведь и задушить можно!» – попытался увернуться Семизадов. Но не тут-то было: дама резко потянула шарф к себе, одновременно навалившись всей массой на хрупкую плоть, и страстно впиалась в губы. «Вы меня задушите!» – хотел крикнуть Иван Петрович, отстраняясь от своей мечты, но вместо этого прохрипел:

– Не надо. Я не готов.

Женщина отпрянула и, сверкнув глазами, пустила в жертву две молнии:

– Что значит «не готов»?! – гроыхнуло в подъезде, – я русским языком сказала: свободна уже две недели!

Негодование дамы потонуло в гулком эхе шагов. Иван Петрович бежал, перепрыгивая через ступеньки, путаясь в длинном плаще, вытирая губы скомканным

шарфом. «У меня давление, а она кофе предлагает! С коньяком! Какая нечуткая оказалась!»

Это была первая случайная связь Семизадова.

Вторая произошла тремя годами позже. Девушку звали Анна. Они познакомились на хоккее.

Семизадов первый раз пошел «поболеть» за городскую команду, и поболел удачно: брошенная защитником Шейкиным шайба перелетев через бортик, под гул и одобрение всего стадиона, угодила Ивану Петровичу в левый глаз, который моментально заплыл огромным кровоподтеком.

От боли он потерял сознание. Очнулся в медпункте.

Какие-то люди, суетясь, бестолково предлагали помощь, окружив раненого со всех сторон, отчего тому становилось только хуже.

И тут появилась она! Медсестра Анна быстро выпроводила посторонних, проворно обработав рану.

– Как же вы так? Наверное, первый раз пришли?

– Первый.

– Ничего, до свадьбы заживет.

Но Анна ошиблась. Они расписались через неделю, когда глаз Семизадова еще не совсем пришел в нормальное состояние.

Впоследствии приятели часто подтрунивали над ним: мол, видел бы хорошо двумя глазами – не женился. Иван Петрович на них не обижался, ибо, хотя со временем Анна и стала довольно ворчливой особой, он с благодарностью вспоминал ее бережные прикосновения и сочувствие в тот вечер.

Это была вторая случайная связь, но так как закончилась она законным браком, Семизадов вычеркнул ее из своих любовных походов и называл эту встречу не иначе, как судьбоносной.

О своем третьем увлечении Иван Петрович не любил вспоминать. Как-то, лет через пять после свадьбы, прогуливаясь в городском парке,

Семизадов обратил внимание на сидевшую под липой милую девушку. Он робко подсел к ней и задал, как впоследствии сам говорил, дурацкий вопрос:

– Вы не замужем?

Девушка звонко рассмеялась:

– Нет, не замужем! А вы – сват?

Иван Петрович тоже рассмеялся, неожиданно для себя брякнув:

– Нет, я жених.

Они разговорились и проговорили до позднего вечера. Выяснилось: их взгляды и вкусы совпадают до мелочей, у них много общего, и понимают они друг друга с полуслова.

Единственное, чего они не смогли понять – отчего не познакомились раньше? Чтобы исправить эту ошибку, решено было встретиться на следующий день здесь же, ровно в восемнадцать часов.

Но на следующий день Алла (так звали девушку) не пришла. Семизадов затосковал. Алла ему понравилась, с ней было легко и приятно.

Три дня приходил Иван Петрович в назначенное время, три дня просил Всемогущие силы вернуть девушку, но она так и не появилась (их группу отправили в колхоз на картошку, но Семизадов этого не знал, а где она учится и живет, спросить в первый день не решился).

«Все! – понял Ваня (так называла его Алла), – Любви нет! А если и есть, то не про меня!»

И надо же такому случиться, что спустя почти десять лет, жизнь вновь подталкивала Ивана Петровича к извилистому пути любви.

– Моя Аня тоже ничего, – тихо возразил Семизадов.

– Ничего она была, когда ты на нее подбитым глазом смотрел. Но я вижу, у тебя за эти годы зрение так и не восстановилось.

– Ну, зачем ты так.

– Нет, если ты настаиваешь, Ане мы тоже можем пару подобрать. Да не кипятись! Не навсегда – на время. Ладно, шучу. Слушай, что я предлагаю. Ты же еще молодой человек! У тебя кровь должна в жилах играть! Давай я тебя с одной хорошенькой девушкой познакомлю.

– Зачем?

– Ты идиот? Завтра сорок, а мы до сих пор не знаем, зачем с девушками знакомятся? Для приятного времяпрепровождения.

– Ну, сорок, положим, не завтра.

– Послезавтра.

– А где я с ней буду время проводить? – Семизадов вдруг оживился.

– Где? – Олег на мгновение ослабил натиск, – где, где? Как где?! Я же проректор – выделю комнату в общежитии – там и проведешь. Согласен?

– Не знаю, как-то у тебя все быстро.

– А чего тянуть? Хочешь дождаться, когда ей сорок стукнет? Или может, тебе надо с женой посоветоваться? – Олег с усмешкой посмотрел на друга поверх очков.

– Ладно, знакомь, – вяло произнес Семизадов, опустив глаза в пол.

Девушка протянула ухоженную руку:

– Вика.

– Иван Петрович, – ответил он, смущаясь и от того, что не знал, как поступить с протянутой рукой (то ли пожать, то ли поцеловать), и от присутствия Олега, и от самой ситуации. Остов покачал головой. Семизадов, уловив это краем глаза, быстро добавил:

– Можно просто – Иван.

Встретиться решили через два дня, в четверг, в общежитии института.

***

В четверг на дежурство в общежитии заступила тетя Клава.

Свою долгую трудовую жизнь Клавдия Николаевна Задрыгина начала с вахты в городском роддоме, не пропуская внутрь никого, кроме рожениц и акушерок, объясняя это тем, что «здесь вам не проходной двор», а вахтер поставлен следить за строгой отчетностью: «сюда одна входит, двое выходят».

Был случай, когда Клавдия Николаевна загородила дорогу молодому врачу гинекологу и на все просьбы, угрозы и уговоры отвечала одно:

– Ты, милок, своим документом перед моим носом не тряс. Тута один документ действителен! Беременный – заходи, нет – от ворот поворот! – чем довела молодого врача до нервного припадка.

После этого случая администрация роддома предложила Клавдии Николаевне на выбор два «поста» – в психиатрической лечебнице или в пожарной части. Клавдия Николаевна выбрала последний – ближе к дому.

На новом рабочем месте она требовала от пожарных проходить через вахту в касках, с развернутым документом и брандспойтом в руках.

Через месяц личный состав боялся вахтерши больше огня, а брандмайор наловчился проходить на территорию части сквозь брешь в заборе, объясняя свои действия тем, что: «лишняя тренировка пожарному никогда не помешает». Здесь карьера Клавдии Николаевны не задалась.

В один прекрасный день она категорически отказалась открывать ворота до тех пор, пока спешащие на пожар не подпишут расписку с обязательством вернуть в целости и сохранности казенное имущество. От задрыгиных требований пожар разгорелся одновременно в двух местах: в душах пожарных и, собственно, на объекте.

А горел в тот раз дом не простой, горело, ни более, ни менее, здание городской Администрации с прилегающими постройками (небольшим, двухэтажным, домом главы, гаражом на шесть машин и маленькой сауной на тринадцать персон). Этого Задрыгиной простить не смогли.

Поговаривали, мэр лично сослал Клавдию Николаевну в подсобное хозяйство, при этом злые языки утверждали, будто городской голова топал ногами, рвал на себе волосы и кричал нечеловеческим голосом: «к свиньям собачьим! Чтоб духу ее в городе не было! К свиньям!»

Но судьба была милостива к суровому вахтеру. Опала закончилась быстро – мэра переизбрали. Задрыгина вернулась на городские объекты, но долго нигде не задерживалась – была чересчур нетерпима к нарушениям законодательства в проходной системе. В общежитии тетя Клава или, как ее звали студенты –

Клавка-гавкало, работала недавно, успев за короткое время запомнить всех в лицо и по фамилии, а так же многое чего про кого узнав, делясь этой информацией с «нужными» людьми.

Студенты вахтершу недолго любили и боялись больше коменданта, паспортистку и райвоенкома вместе взятых.

В приподнятом настроении с цветами, бутылкой шампанского и тортом в нерешительности замер Иван Петрович перед входом и, наконец, набравшись смелости, распахнул дверь, переступив через порог, за которым наткнулся на металлическую вертушку.

Неуклюже взяв в левую руку принесенное с собой, новоиспеченный Дон Жуан толкнул облешную железку, но ту крепко держала щеколда.

– Откройте, пожалуйста.

Из-за высокой стойки за ним внимательно наблюдали бесцветные, на выкате, рыбы глаза тети Клавы.

– Вы к кому? – спросила вахтерша низким громоподобным голосом, закончив «сканировать» названного посетителя.

Семизадову показалось – над его ухом разорвался артиллерийский снаряд. Он посмотрел вверх, наткнувшись на белесые глаза вахтерши и отчетливо осознал, что испытывает кролик при встрече с удавом.

– Й й я?

– Нет, папа Римский! Вы, папаша, вы! К кому?!

– Тут, видите ли, вот какое дело, – мямля и заикаясь, начал оправдываться визитер.

– Да я вижу, какое дело! Тут, папаша, общежитие, а не публичный дом!

– С чего вы взяли, что я ищу публичный дом? – неуклюже взмахнул бутылкой Семизадов.

– Ага, я маненько ошиблась! – методично укладывала «снаряды» Клавка-гавкало, – вы, уважаемый, направлялись в бливотеку! С шампанским!

Перед вахтой собирались студенты, по опыту зная: сейчас начнется бесплатный цирк.

– Ты еще скажи – к дочери приехал! – распаяясь перед публикой, вахтерша грозно положила в лунку новый снаряд.

Стало обидно. Неужели он так старо выглядит? И какое дело этой мымре до того, к кому и зачем я пришел?!

Студенты откровенно посмеивались, кто-то пытался дать дельный совет – не связываться и уйти. Но это только обозлило Ивана Петровича.

Неожиданно для себя он выпятил грудь, приподняв руку с тортом на уровень глаз вахтерши и довольно громко сказал:

– Да! Я к дочери приехал! Мне надо ее навестить.

– Ага! К дочери! Ты, родной, тортиком-то перед моим носом не трясси! Не документ! И не такое видали! К дочери! Детей бы постеснялся, – пошел в наступление неподкупный страж нравственности, – цветочки тоже для дочери великовозрастной прикупил? А?! По какому случаю?

– По случаю взятия Бастилии, – вставил долговязый студент.

– Бесстыдник! И бутылку не забыл!

– Да что вы себе позволяете? – пискнул Семизадов, отступая назад.

– Развратник! Последний раз спрашиваю, к кому пришел? – грозно гавкнула Клавка, нависая над

Семизадовым с карандашом и замасленной тетрадкой в руках.

В прострации, ничего не соображая, Иван Петрович выпал из общежития. Лишь одна мысль не давала покоя: «Вика меня там ждет, она думает, почему я не пришел. Надо будет завтра ей все объяснить», – бормотал себе под нос неудавшийся ловелас, заходя в квартиру.

– По какому случаю торт? – по привычке недовольно спросила жена.

– По случаю взятия Бастилии.

– А цветы, по какому поводу? Рокфеллер ты наш!

– В память о жертвах, – первый раз в жизни огрызнулся Семизадов.

3

Всю следующую неделю Иван Петрович ходил мрачный. Он похудел и осунулся.

Спустя неделю жена объявила о своей поездке на два дня к матери. Семизадов воспрянул духом, с сожалением сказав Ане: проводить не могу – дела... и тут же позвонил Остову, попросив организовать встречу с Викой.

Встретились у центрального кинотеатра, в сумерки – для конспирации.

– Ну, куда пойдём, – вяло поинтересовалась девушка, методично пережевывая жвачку?

– А куда вы хотите?

– Не знаю, не на улице же торчать.

– Пойдемте ко мне, – выдохнул Семизадов.

Вика смерила ухажера удивленным взглядом.

– А жена?

– Об этом не беспокойтесь, она уехала на два дня!

Непослушными, дрожащими руками, Иван Петрович пытался вставить в замок «прыгающий» ключ.

– Что вы так нервничаете, милый?

– Боюсь, соседи заметят.

– Кому какое дело? – девушка надула пузырь, лопнув его с громким щелчком, – возьмите себя в руки, а то я начинаю предчувствовать грустный финал!

Справившись с замком, Иван Петрович неуклюже впихнул возлюбленную в темный коридор, где она, обо что-то споткнувшись, чуть не упала.

– Что это?

– Это? – зажженная лампочка тускло осветила стоящие на полу дорожные сумки. Ивана Петровича затрясло, – она не уехала!

Лихорадочно горе-любовник пытался вытолкнуть девушку на лестничную клетку, но тут Вика заметила упавшую с журнального столика записку: «Я взяла одну сумку, приеду через день. Анна». Семизадов воспрянул духом.

– Что вы стоите на пороге, Виктория? Она уехала! Раздевайтесь! – страстно зашептал он.

Вика сняла куртку, сапожки и, передав одежду хозяину, прошла в комнату, опытным взглядом оценивая жилище.

– А у вас мило.

Семизадов приободрился, усадил гостью на диван и, периодически глупо похихикивая, рассказал, как ему досталась эта квартира, как они с женой делали ремонт, во что это обошлось и сколько еще недоделок осталось.

Вика методично, профессионально, снимала одежду. На пятом предложении Иван Петрович заметил: девушка осталась в нижнем белье.

– Ну, чего вы ждете? – игриво спросила она.

Краснея, Иван Петрович снял рубашку, брюки, выключил свет. В дверь постучали. Семизадов открыл рот, замерев с брюками в руках.

– Что вы застыли? Стучат.

Стук стал более требовательным.

– Кто бы это мог быть? – упавшим голосом спросил начинающий любовник, зачем-то засовывая брюки под диван.

– Вы меня спрашиваете? Наверное, ваша жена приехала.

– Зачем?

– Зачем, зачем? Ремонт доделать! – зло огрызнулась девушка.

В дверь тарабанили не переставая, одновременно звоня в звонок.

– Кто? – дрожащим голосом спросил хозяин.

– Милиция!

– Это охрана, – радостно открывал дверь Семизадов, – я забыл снять сигнализацию.

Вошедший сержант оглядел прихожую сонным взглядом. Перед ним стояли два человека в нижнем белье, и два упакованных чемодана! «Непорядок, – скрежетнул мозгами служитель правопорядка, – надо вызвать наряд».

Василий Копейкин или, как его прозвали сослуживцы Вася Баунти, дежурил третьи сутки подряд. Свою кличку он получил за то, что постоянно питался различными шоколадками, поедая заморские сласти в самые неподходящие моменты, вынимая из множества карманов милицейской формы: на разводе, на

инструктаже и даже один раз был уличен за уничтожением заморского батончика во время почетного дежурства у знамени в Управлении. Но Васю простили.

Его все любили: парень был добрый и безотказный, недаром сослуживцы про него говорили: общаться с Баунти – райское наслаждение.

Вот и сейчас, закончив первые сутки, вторые он отдежурил за сержанта Мокшина, уехавшего на свадьбу к сестре. И теперь заканчивал третье дежурство, вновь за себя.

К этому времени Васины мозги, никогда не отличавшиеся (несмотря на частый шоколадный допинг) быстрой сообразительностью, пришли в полную негодность: вместо привычного «твердого» вещества сержант ощущал в голове подобие желеобразной массы.

«Надо вызвать наряд, – медленно колыхалось в голове желе, – взлом налицо», – вслух же спросил:

– Кто ответственный квартиросъемщик?

– Я, – быстро ответил Иван Петрович, почему-то указав рукой на Вику.

Взгляд сержанта медленно переместился с пальца Семизадова на девушку. Вика, одновременно с Семизадовым, сказала: «Он», при этом указав рукой на сержанта. Баунти постарался придать взгляду осмысленность, переводя глаза с девушки на мужчину, затем на себя и обратно на девушку.

– Не понял. Ваши документы? – строго потребовал сержант, ткнув кривым пальцем в чемоданы.

– Нннет, нет! – замахал руками Семизадов, – это не мои, что вы! Да это и не мой фасон.

– Что значит «не мой фасон?» Документы должны быть у всех одинаковые. Где ваши?

– Как где, – не понял вопроса Иван Петрович, – на месте.

– Покажите!

Семизадов засеменил в спальню.

– Вы куда, гражданин?! – Копейкин попытался вытащить из кобуры пистолет, но сонная рука угодила в карман, откуда извлекла очередной батончик райского наслаждения.

– Как куда? – удивился из комнаты Семизадов, – вы же просили показать мои чемоданы.

«Так, успели все вещи упаковать, надо вызывать наряд!»

– Спасибо, – сказала Вика, взяв из Васиной руки шоколадку и, кокетливо улыбаясь, со значением вытащила жвачку изо рта, – ой, вы знаете, а у меня с собой нет.

– Кого нет? – Копейкин оторопел от циничной наглости, смешанной с откровенным «стриптизом».

– Как кого? Ну, не «Баунти» же. До-ку-мен-тов. Ха-ха-ха! – рассмеялась Вика, – до-ку-МЕНТОВ! Я обычно, когда на работу хожу, их дома оставляю.

– Каких ментов? Каких ментов вы дома оставляете? Гражданка, что вы мне здесь сказки рассказываете?! Где ваши документы? – вращая глазами, кричал вконец обессиленный бессонницей и наглыми взломщиками сержант.

– Вот мои! – радостно потрясал Семизадов двумя чемоданами.

– Чье это? Где ваши документы? Всем руки вверх! Вы арестованы!

– Это жены! – бросив чемоданы на пол, Семизадов поднял руки вверх, в одной из которых держал паспорт.

Копейкин взял документ, внимательно прочитал первую страницу вслух, медленно повернул крупную голову в сторону девушки и, машинально ткнув все тем же кривым пальцем в чемоданы, спросил:

– А это кто у вас?

– Я же объяснил – это жены, – продолжал, как ребенок, радоваться Семизадов.

– Племянница, племянница я, – быстро ответила Вика, незаметно ткнув шоколадкой «дядю» в бок.

– Может вы еще, и познакомиться хотите? – перешел в наступление осмелевший хозяин.

– На службе не употребляем, – буркнул сержант и, громко топя тяжелыми ботинками, вышел из квартиры. «Странный тип! С кем он мне познакомиться предлагал? С племянницей, с женой, или с чемоданом? А может, они жену в чемодане прячут?.. Надо было все-таки вызвать наряд!».

Вика оценивающе посмотрела на партнера.

– Сегодня у вас ничего не получится. Приходите завтра по этому адресу. Это семейное общежитие. Моя подруга ушла от мужа и сейчас живет с бойфрендом, но завтра они уезжают на дачу. Комната будет свободна. Там нам точно никто не помешает.

Семизадов радостно кивнул:

– Да, да, вы правы. Как говорится – Бог троицу любит!

4

Подруга Вики – Ирина Боброва – была счастлива. Прошло десять дней, как она ушла от мужа к любимому человеку и теперь жила, как сама признавалась, «полноценной жизнью во всех сферах».

Первую декаду «медового» месяца влюбленные решили отметить на природе, поэтому Ирина легко согласилась уступить комнату на сутки.

– Конечно, конечно, приводи своего горемыку! Здесь вам никто не помешает! – радостно щебетала она, собирая дачную сумку, – а насчет ключа не беспокойся, оставишь в комнате напротив. Ну, все! Я побежала! Удачи! Простыни у меня – загляденье!

– Спасибо. Главное, чтобы, наконец, получилось залежанье! – смеясь, ответила Вика, закрывая дверь за хозяйкой.

Ивана Петровича била нервная дрожь. Всем своим существом он чувствовал – сегодня должно произойти нечто важное, необычное. Вика встретила его приветливо.

В маленькой комнатке было по-домашнему уютно. Семизадов присел на стул. Вика подошла сзади, опустила красивые руки на взмокшую шею и тихо-тихо начала шептать неразборчивые слова любви.

По всему телу Семизадова растеклась истома, готовая в любой момент перерасти в бурную страсть. Пальчики проказницы, нежно перебравшись с шеи на грудь, переместились к пуговицам, расстегивая их одну за другой, одну за другой.

Семизадов встал, обнял девушку и понял – страсть готова прорваться! Как они оказались на узком диване, он не помнил, как Вика целовала его – помнил, как он оказался в одних трусах и майке – не помнил.

С памятью творилось что-то странное, будто ее поделили на клеточки, как шахматную доску: белая клеточка – помню, черная – не помню.

Вика все время что-то горячо шептала, щекоча Ванино ухо, который за десять минут помолодел лет на десять.

И вдруг! В этот раз в дверь не стучали. Ее выламывали! Из коридора слышались страшные ругательства и нецензурная брань.

– Кто бы это мог быть? – не успев испугаться, шепотом спросила Вика.

– Может, милиция? – тоже шепотом спросил, не осознавший опасности, Семизадов.

И тут до обоих дошла вся серьезность ситуации: в чужой квартире, без документов, полуголые, они были абсолютно незащитны перед лицом надвигающейся угрозы!

Подскочив с дивана, не состоявшиеся любовники стали беспорядочно хватать одежду, в спешке и суматохе надевая попеременно свои и чужие вещи. А дверь трещала со всех сторон, готовая в любую минуту сорваться с петель.

– Ирка! Тварь! Сволочь продажная! – раздавалось почти в комнате, – придушу! Придушу, падла, и тебя, и твоего хахаля!

– Господи! Ну, зачем я сюда пришел?! Зачем мне все это надо на старости лет! – громко стenal Иван Петрович.

– Да не орите вы! – снимая с его головы колготки, кричала Вика.

– Я знаю, вы там вдвоем! Открывай, зараза!

– Я ведь даже не застрахован от несчастного случая! Что завтра скажет Аня, обнаружив наши трупы? Как объяснить ей, что я здесь делал с вами в таком виде?

– Моего трупа здесь не будет, а ваш ничего объяснить не сможет! – зло парировала Вика.

– Это еще почему? – но ответа Иван Петрович не получил.

Дверь рухнула, и в комнату влетел двухметровый верзила, неся впереди себя пудовый кулак, направленный точно в левый семизадовский глаз.

Удар состоялся. Вика визжала, Семизадов падал навзничь, мужик матерился, переворачивая и круша ветхую мебель.

– Где Ирка?! Где эта тварь? Куда вы ее спрятали?! Убью, подлюку!

Не переставая визжать, Вика выкрикнула:

– Сема! Дурак! Ее здесь нет! Это я, Вика!

Верзила ослабил натиск и, показав на лежащего Семизадова, почти ласково спросил:

– Так это не ее хахаль?

– Нет!

– Черт! Обидно! Извини, мужик, надо было сразу представляться!..

На следующий день Иван Петрович встречал жену в темных очках.

Глаз заплыл так, что практически ничего не видел. Анна вышла из вагона, как всегда, с недовольным видом.

Семизадов, посмотрев на жену сквозь очки здоровым глазом, подумал: «И чего мне, дураку, надо? Да лучше моей Ани и нет никого!»

Судьба!

Раздел 2 Конкурсные работы

Незадолго до своего ухода из жизни Евгений Евтушенко выбрал несколько городов в Российской Федерации, которые захотел посетить, в последний раз в жизни. По всему было видно: он осознавал, что это путешествие по родной России – последнее. Он был слаб, на момент этого последнего путешествия с концертной программой, одна нога у него была ампутирована – мало, кто об этом догадывался...

Сам Евгений Евтушенко – сибиряк, уроженец Восточной Сибири. Когда-то в царское время и наш Дальний Восток именовали Восточной Сибирью и относили к Восточной Сибири. И вот в тот последний раз, в 2015 году, поэт выбрал в числе других городов – Хабаровск. Концерт состоялся в театре Музыкальной комедии. Со сцены его увозили в инвалидном кресле. Видна была его физическая усталость. Немногие из хабаровчан, пишущих стихи, побывали на том его концерте. Рекламы не было. Тихо-незаметно прошла и встреча с поэтом в стенах краеведческого музея: Евгений Евтушенко просил, что бы ему организовали камерную встречу с поэтами города. К сожалению, такой клич не провозгласили. Известно, что на встрече присутствовали действующие работники музея. Впрочем, никаких публикаций об этом не представлено.

После пребывания в Хабаровске, поэт направился в наш город Юности. Здесь его душа, наверное, порхала среди подходящей для него публики, которая состояла из местных талантливых поэтов и прозаиков.

Последние несколько десятилетий Евтушенко проживал за рубежом, но постоянно бывал в России,

писал на русском языке и для своей Родины, завещал быть похороненным в России рядом с Пастернаком...

Смерть даже в таком случае, когда человек сильно болен, приходит внезапно. Так случилось и с поэтом-шестидесятником Евтушенко: он ушел из жизни 1 апреля 2017 года. 20 апреля в тот же год мы распространили Положение о Конкурсе его памяти,

Евгений Евтушенко дружил с Михаилом Задорновым. «Идут белые снега...», последнее публичное выступление уже в видеозаписи Михаила Задорнова. Он читает стихи Евгения Евтушенко. Задорнов ненадолго пережил Евтушенко: ушел в тот же год 10 ноября.

Объявляя такой Конкурс, мы случайно выбрали днем подведения его итогов 7 ноября, в этот день учредили Хабаровское РО РСРП. И так получилось, что подводя итоги Конкурса в ноябре 2017г, мы вспоминаем наряду с Евгением Евтушенко, еще двух замечательных профессионалов своего дела: Михаила Задорнова и Дмитрия Хворостовского. Их, таких разных, соединил уход из жизни – случилось это все в один год, а также невероятная популярность среди нашего народа.

Итоги третьего Конкурса-2019 одного стихотворения памяти Евг. Евтушенко (гражданская лирика), были подведены в срок, 7 ноября 2019г дипломы вручены победителям.

Напомним девиз конкурса:

«Поэт в России больше, чем поэт»

Мы публикуем подборку стихотворений поэтов, награжденных дипломами, чьи работы признаны лучшими в 2019г.

Диплом **3 степени** вручен Ольге Сусловой за
стихотворение. «Театр»

Ольга Сулова

Театр

Году театра-2019

Театра нет без слёз и смеха.
В нём чувства льются напоказ.
Волна бесспорного успеха
Несётся смело на Парнас!

Подвластен чарам каждый зритель.
И возраст публики забыт.
И ищет что-то в нём мыслитель –
Возможно, «камешек» зарыт?

Тот «философский» – вечной жизни,
Что власть имеет над душой.
Не раз искал веками «ближний»,
Но как-то так, и не нашёл...

Я в зале – сердце замирает,
Софитов вспыхнул яркий свет.
И голос скрипки оживает,
И вторит флейта ей в ответ.

Звучит победно увертюра.
И Музами окинут зал –
Знакома Девам партитура.
Да, будет плавиться металл!

В партере, с публикой сливаясь,
Они, волнение затая,

В актёрах ролью растворяясь,
Душой божественной горят.

И вот мелькает Мельпомена,
На ночь меняется декор,
А монологом правит сцена –
В нём принца датского укор.

Средневековье на помосте,
Трагедий готика полна.
В карете едут к лорду гости.
Казнить – забава лишь одна.

Талии, следом, появленье
Улыбку вызвало у всех.
Сменила скрипка настроенье –
Не быть героям без потех!

Мелькают маски, платья, ленты
И градом сыплет позитив
Их слово – звонче, чем монеты,
Задорный слышится мотив!

Зал рукоплещет – Bravo! Bravo! –
Игрой актёров покорён,
Им почитание и слава –
Партер в восторге и балкон.

И окунуться в жизнь театра
Нам хочется, друзья, порой!
А что тянуть? Пойду я завтра,
Чтоб насладиться той игрой!

Диплом **2 степени** присужден Ольге Буниной за стихотворение «Остров Сахалин, А.П. Чехов».

Ольга Бунина

Остров Сахалин, А. П. Чехов

Писатель, Антон Чехов, великий гражданин
Задумал, непременно, увидеть Сахалин.
Чтоб написать про климат, а, может быть, роман,
Но главное не это – про ссыльных, каторжан.

Так из Москвы, в апреле, отправился он в путь:
Где поездом, на лошадях, не раз мог утонуть...
Через Сибирь шёл к цели – и много увидал:
Тяжёлый труд неделями, как люд здесь выживал.

Заметок вышло девять: Сибирский тракт, разлив,
Ужасные дороги. Что очерк – негатив.
Амуром восхищался. А дни бегут вперёд...
И вот уж Николаевск. Всех ждёт здесь пароход.

Через пролив Татарский «Байкал» повёз народ.
И Чехова, и ссыльных – такой вот переплёт.
Причалили. На острове у главного поста
В пяти местах горело. В дыму всё. Суета.

На Сахалине Чехов не праздную жизнь вёл:
В новейшую историю рассказы ссыльных вплёл.
Работал плодотворно – три месяца подряд.
И в двадцати трёх главах – весь каторжный расклад.

Есть перепись всех ссыльных, тюрьма, кандалный звон,
Питание, лечение, их быт, и труд, и стон.
Про беглых, наказанье, суды, крестьянский труд –
А слёзы и страдание травой зарастут...

«Хождение» по острову с севера на юг
Далось ему непросто: его сразил недуг
Физический, моральный – с трудом он перенёс,
О ссыльной жизни правду нельзя читать без слёз...

Обратно добирался – Гонконг и Порт-Саид,
А там, вдали, Одесса через Суэц стоит.
В Москве он появился в начале декабря,
И сразу сел за книгу, чтоб не пропал труд зря.

Печатал текст по главам, чтоб исключить повтор,
И эти части книги произвели фурор!
Когда писалась книга, настрой был волевой.
И подвиг оценили – гражданский, трудовой.

Читатель с интересом в историю вникал:
Про орочей, японцев впервые узнавал.
Правительство читало, как обстоят дела,
Про край с его богатствами, про жизнь, что там была.

Прошло уже столетие, как был написан Труд.
Здесь изменилось многое, здесь поезда идут.

А можно самолётом за несколько часов
Добраться из столицы сквозь пену облаков.

Совсем другим стал остров и тот Сибирский путь,
Которым только Чехов добраться мог рискнуть.

Мечтал, что жизнь наладится, что стихнет ссыльных стон,
И поплывёт над родиной лишь колокольный звон.

Диплом **1 степени** выиграла Алла Давидович за стихотворение «Выборы в России. 2018»

Алла Давидович

Выборы в России. 2018

Накануне выборов в России
Англии премьер Тереза Мэй
Вдруг явила действия такие,
Что сплотила наших всех людей.

Что ж такое сделала Тереза,
Чем она России помогла?
А она, как «выстрел из обреза»,
Обвиняла и, при том, лгала.

Мэй Тереза миру объявила,
Чтоб весь мир собою запугать:
«Скрипаля Россия отравила,
Но не хочет это признавать».

Нет, конечно, фактов, доказательств.
Но они Терезе не нужны,
Потому что ведь Скрипаль – предатель,
Чем не доказательство вины?

Ультиматум выдала России,
Требую вину свою признать.
Принужденье мерами крутыми:
«Дипломатов будем высылать».

Безусловно, нам – британцам, нравится
В Лондоне российский капитал.
Только бы вот с Путиным нам справиться,
Чтоб народ его не выбирал.

И чего придумать не смогли бы мы,
Ведь всё это только пользы для.
Чтоб сорвать в России эти выборы,
Нам не жалко даже Скрипаля.

Выборы в России состоялись.
Путин – абсолютный фаворит.
Видимо, Терезу испугались:
Путин лишь Россию защитит.

И тогда сказал Сергей Бабурин:
«Может в штабе Путина была...
Мэй Тереза, что устроив «бурю»
В выборах ему так помогла».

Русского понять менталитета
Не могла английская душа.
Потому-то и случилось это.
А Россия – тем и хороша!

Поздравляем победителей 2019 года и предлагаем поэтам принимать участие в данном Конкурсе в последующие годы. О начале приема работ будет объявлено в апреле 2020 года.

И по традиции публикуем стихотворения победителей прошлых лет: 2017г, 2018г, лучшее стихотворение каждого года.

2017г

Виктор Тюменцев (город Благовещенск)

Как же всё-таки важно в Алеппо

Как же всё-таки это нелепо,
Когда мальчик идя с молоком,
Вдруг ничком на брусчатку Алеппо
Упадёт навсегда... Далеко!
Уже в драке сошлось полмира.
Всё грохочет набатом бидон!
Чуть не стёрта с карты Пальмира,
Материнский стелется с-т-о-н-ь.
Как же всё-таки это нелепо –
В одной связке и Бог, и тротил.
Терроризм убивает слепо,
Что же он на земле натворил?!
Кто-то скажет: «Ответ демократам».
А другой: «Виноват Дядя Сэм».
У мальчишки глаза в сто каратов
Укатились в пыль насовсем.
Но спокойны торговцы, магнаты
(Капитал приумножит война!),
Поставляют ракеты, гранаты:
«Постреляйте в друг друга сполна!».
Ничего, ничего о личном,
Только бизнес.
И вечно он!
Вся политика в вирусе ВИЧ-ном,
Что ни деятель – хамелеон.
Ну, а что же старушка - Европа?
Отсидеться решила в тиши.
Господа, не удастся вам лопать,
Раздавая мигрантам гроши.
Вы зывали к небу из ситца,

Когда грянул сирийский гром.
Чудаки, поздно вато креститься!
На брусчатке кровь с молоком...
И вот в этой заваренной каше
На стандартах двойных, в море лжи
Все притихли и ждут, что же наши
Смогут в Сирии совершить.
Ну, а самый коварный сценарий
Изначально был скроен такой:
Понагнать на небо нам хмари,
Чтоб Россия забыла покой.
Измотать, обескровить. И русский
Удалить из истории код!
Чтоб не выдержав этой нагрузки,
На майдан вышел с психу народ.
Знать опять для Отчизны подстава –
Обложили... И выход один:
Побеждать она не устала,
Так с друзьями мы зло победим! ...
Я не знал его. Пулей с экрана
Выпал в вечность этот малец...
Но теперь это общая рана,
Ведь у всех нас один Творец.
Пусть пустует терновый венец!
Как же всё-таки важно в Алеппо...

2018г

Борис Марков (город Хабаровск)

О героях, пароходах и человеках

Посвящается Иогану (Йоганесу) Махмастало.

Много измов описано в экономии политической:
Социализм, коммунизм, или, допустим, капитализм.
Но сегодня не говорим о стратегическом,
А несколько слов скажем за героизм.

Героев немало рождено Родиной
От времен былых и до наших до дней.
В школах много по истории пройдено
Про подвиги этих смелых людей.

Один, еще во времена древни,
Встретив вражьей шляхты отряд,
Повел его вместо царской деревни
На смерть, на болота, в леса наугад.

Другой, прежде чем стать скульптурой,
Увековеченной десятками талантливых рук,
Защищая товарищей, грудью лег на амбразуру,
Прекратив пулемета смертоносный стук.

Третий пример верности долгу
В наши дни случился в горах.
Отрекись, твердили озверевшие волки!
– Работайте братья, не ведая страх.

Много героев, но есть позабытые.
Помнить должна всех героев земля.
Нужно поднять книгой открытою
Славное имя из небытия.

Их было двое. Латыш и эстонец,
Что дипкурьерами почту везли.
Рига-Москва. Ночи – бессонницы.
Пуще зеницы свой груз берегли.

Под Саласпилсом в вагон вошли четверо.
Морды бандитские. Неча терять.
И разрывая тишь того вечера
Сразу, с ходу, стали стрелять.

Пуля Йоганеса щёлкнула в руку,
Вторая пуля живот обожгла.
В глазах закачалась Танталовой мукой
Густая, горячая, страшная мгла.

Первым в ответ выстрелил Нетте.
Ранил врага, но погиб.
Увековечен Советским поэтом –
Пароходом, режущим водную зыбь. [1]

А в двери купейные лезут рыла свиные,
Празднуют победу, тянут к пакетам лапы.
Готовы выдать в эфир позывные,
Что завладели вализой [2], сатрапы.

Но медленно, через боль и марево,
С левой, закрутился в ответ барабан,
Сполохом взрывая тьму, как заревом
Из револьвера, системы Наган.

Огненными плевками прошивая фанеру
Купейных перегородок, зеркальных дверей.
За ум, за честь, за совесть, за веру,
Стреляя гадов, как лютых зверей.

Атака отбита. Сознание уходит,
Пакет с сургучом не отдал.
Дотянем до Риги? Он силы находит
Вручить лишь тому, кого знал.

А дальше больница. И снова работа
В дни достославны и пламенны.
И назван был в честь его пароход
И орден был. Красного знамени.

Но в 37-м были былые заслуги
Не шли ни в зачет, никуда.
Был арестован. Народные слуги
Пытали. Лихие года.

Но не сломался писать наветы,
Героям своя мораль.
Не зря фамилию Вашу поэты
Рифмуют со словом сталь.

Вечная слава народным героям,
Память людская навек.
Верный по жизни моральным устоям,
Вы – Пароход-Человек.

Раздел 3 Поэзия. Наши стихи – хабаровской осени

Хабаровская осень – красивейшее время года. Это отмечают и гости города и его постоянные жители. Бесконечное множество фотографий осеннего Амура, амурского заката, водной глади в блеске солнечных лучей размещается в сети интернет, хранится в фотоальбомах изданий книг фотохудожников Дальнего Востока, запечатлено художниками в их полотнах и акварелях.

А листва деревьев – разноцветие такое, что все цвета спектра найдешь в осеннем дальневосточном лесу! Так красиво бывает только в сказке. К тому же отсутствие гнуса в теплом октябре – настоящий подарок природы дальневосточникам, можно сказать, компенсация от природы за летние страдания от мошкары.

В этом разделе читатель увидит новые имена. Есть погрешности в творчестве новых авторов, но, решено напечатать их работы такими, какими стихи были представлены в ХРО РСП.

Станислав Щетинкин

К 1-му Сентября.

Сентябрь наступил, осенняя пора,
Но тепло отдаёт ещё жаркое лето.
На улицах праздник – идёт детвора,
Значит первый учебный день это.

Как изменились они, наши дети,
Нельзя их с нами даже сравнить.
Так пусть же школьникам солнышко светит,
А нам остаётся их крепко любить!

Желаем им радости, счастья и света,
Успехов в учёбе на благо народа,
Мы будем гордиться, молиться за это,
И пусть вдохновляет их наша природа.

Школьные годы, когда это было?
А было у нас это слишком давно.
Жаль, что память о многом забыла,
Но что-то храним мы в себе все равно.

Помним, мечтали и нежно влюблялись,
Сбегали порою попарно в кино,
И на последнем ряду целовались,
Как было прекрасно и как же давно...

А если вспомнить первый класс,
Нас привели тогда всех мамы,
От страха мы не поднимали глаз,
Не отпускали мам упрямо.

За годом быстро годы пролетели,
Из класса мы переходили в класс,
И первую учительницу так любили,
Как всех она любила очень нас.

Забот ей было с нами много
В те трудные, в те первые года.
Путёвку в жизнь давала нам в дорогу,
Не изменила этой цели никогда.

А сколько с нею в походы ходили
В лесную, прекрасную, нежную осень.
Резвились, играли, костры разводили,
Пусть всё повториться, в мечтах хоть, попросим.

И как безмятежно тогда мы мечтали,
Мечтою казалась нам взрослая даль,
Мы были наивны, года подгоняли,
Но это не радость, а это печаль.

Школьные годы, а что это значит?
Это прекрасные, дивные дни,
Об этом старушки тихонько судачат,
Пытаются вспомнить всё это они.

А как же не вспомнить нам день выпускной,
Себя уже взрослыми все мы считали,
И праздничный зал весь такой расписной,
И мы танцевать в этот вечер устали.

«Давно, друзья весёлые, простились мы со школою»,
Пластинка напевала «Школьный вальс»,
Счастливые, красивые, наивные –
Считали: «Мир и музыка для нас!».

Теперь, скажу: мы – бабушки, деды,
Детей и внуков любим мы своих,
И мы желаем им во всём победы,
И молимся за наших близких и родных.

Так будьте достойны России вы, дети,
И вам, и России – многие лета,
Родины краше нет стран на планете!
Счастья, здоровья вам, радугу света!

Людмила Скрипченко

Бабье бабье лето

Вот, пришло, говорят, бабье лето!
И придумал такое народ!
Мол, не вся еще песенку спета,
Хоть на зиму идет поворот!

Расцветайте душою и телом,
Бабы, женщины, дамочки – все!
Чтоб вокруг зацвело и запело,
Покажитесь-ка в полной красе!

Пусть вам осень послужит примером,
Распрекрасная, в общем, пора!
С самым лучшим из всех кавалером
Проворкуйте всю ночь до утра!

И не надо годам поддаваться,
Все болезни и горести – вздор!
Постарайтесь вовсю «оторваться».
Да не кончится жизни задор!

Пойте песни, танцуйте, пляшите,
Огоньком пусть сияют глаза,
А стареть, никогда не спешите,
Никогда, даже если вам – «за»!

Дивная краса

Тонет утро в розовом тумане,
На лугах душистые стога.
Бродит осень в пестром сарафане,
Обронив росинки-жемчуга...

Наклонилась над водой зеркальной,
Где стоит поникшая трава,
И качнула головой печально,
Поправляя ленты, кружева.

Свой наряд с любовью примеряла,
Подбирала краски не спеша...
Не грусти, что бусы растеряла,
Ты без них, как в сказке, хороша!

Алой лентой легкий стан обвитый,
И струится русая коса,
И кокошник, золотом расшитый,
Ах, ты, Осень, Дивная Краса!

Осенний лес

Осенний стылый лес...
Все пусто до небес!
Бежит дорога вдаль
И на сердце печаль...

Уныло все кругом,
И лужи подо льдом –
Дождя прощальный след,
И рядом тебя нет...

Костерок

Горит костерок
Из багряного клена
Среди белоствольных берез,
И горсточка листьев,
Недавно зеленых,
Пылает, как будто всерьез

И каждый листочек
Трепещет, как пламя,
И, словно живой, огонек,
Вдруг искоркой алой
Мелькнет над кустами
И падает тихо у ног...

А птицы кружатся
С прощальным приветом,
Пугливо затих ветерок,
А в память о чем-то,
Не сбывшемся летом,
Осенний грустит костерок...

Осенний карнавал

Закружилась Осень
В ярком карнавале,
Объявила праздник
В Поднебесном Зале.

И горят в одеждах
Краски золотые,
Распушились в танце
Локоны крутые.

Там, в лучах заката,
Клен смущенно рдеет,
Он в своих объятьях
Нежно Липку греет.

Лиственница плечи
Обнажила ниже
И прикрылась шалью
С бахромою рыжей.

Франтоватый Ясень
Вскинул эполеты.
Ах, лихой гуляка,
Ловелас отпетый!

Светится Осинка
В платье золотистом
И теряет в травах
Звонкие мониста...

Под вуалью легкой
Прячется Березка
И тревожит сердце
Красотой неброской.

Дуб степенно важен
В праздничном наряде,
Отливает бронзой,
Будто на параде!

Только старой Ели
Уж не до гуляний –
Зелена, как прежде,
Дремлет на поляне...

Только миг

Приделась Осень,
Поменяв наряд,
В прядях видна проседь,
Но глаза горят.

Неземной красою
Одарила всех,
Шелестит листвою,
Славя свой успех.

«То ли еще будет!» –
Пожелтев едва,
Шепчутся, как люди,
Чудо-Дерева.

«Счастье быстротечно!» –
Слышен робкий вскрик:
«Красота не вечна,
В жизни – только миг!»

Татьяна Модестова

Бабьего лета короткий полёт

Третья волна уже бабьего лета.
Осень по-прежнему радует глаз.
Снова душа теплотою согрета,
И как причудлив осенний раскрас!

Дома сейчас хорошо так, уютно.
Кот перестал прижиматься, тепло.
Вечером в парке теперь многолюдно.
Пчёлы опять облепили окно.

Снова размыты воспоминания.
В вазе давно уж завяли цветы.
И ни к чему мне эти страдания,
Просто поверю, что любишь и ты.

Славные выдались нынче денёчки:
Бабьего лета короткий полёт...
То я решу, что пора ставить точки,
То вдруг: пусть будет всё так, как идёт.

А на дворе, похоже, лето...

А на дворе, похоже, лето,
Отличный выдался денёк,
Вмиг озарило тёплым светом.
А осени и невдомёк,

Откуда лето прибежало,
Не заплутало среди туч,
Всё летней негой задышало,
И вспыхнул ярко солнца луч.

А лето дарит радость снова.
Почувствуем же этот рай!
К полёту бабочка готова,
Какую хочешь – выбирай!

Идите и встречайте осень

Похоже, осень на подходе,
А может быть, она пришла?
И дух осенний колобродит,
Везде пожухлая листва.

Ковёр осенний под ногами
Шуршит и навевает грусть.
А лето шепчет: «Я ведь с вами,
Я обязательно вернусь».

Ну, сколько можно мне смеяться
И до упаду танцевать,
Кружиться, бегать, кувыркаться?
И лету надо отдыхать.

Пришла пора и нам прощаться.
Не обижайтесь на меня.
Пойду я по свету скитаться.
Грядёт осенняя пора».

Но ветер лето вдаль уносит.
– Ловите солнечные дни!
Идите и встречайте осень
С душой, открытой для любви.

Привет, осенняя прохлада!

Ковёр из листьев золотой
Осенний ветер вышивает,
И крикнуть хочется: – Постой!
Но он всё новый лист срывает.

– Утихни хоть минут на пять,
Позволь природой насладиться!
Нет, разохотился опять.
Покой, как видно, только снится.

Иду по пышному ковру,
Душа поёт и сердце радо.
Росинки стынут на ветру.
Привет, осенняя прохлада!

Ещё не время

Дожди идут, и в небе ни просвета,
То входит осень плавно, не спеша.
Чуть усмехнувшись, глянула на лето/
– Да, вижу, милочка, что хороша,

Но под плащом скрываешь все наряды.
– Ещё не время, – шепчешь, – не спеши.
А мне тепла осеннего так надо,
Чтоб помечтать о чём-нибудь в тиши.

Ускользает осень, ускользает

Ускользает осень, ускользает,
Исчезает в дымке серых дней,
За собой следы все замечает.
Погрустим сегодня вместе с ней.

Отдадим мы ей свои печали,
Пусть она уносит их с собой
В те свои неведомые дали,
Ей зима давно трубит отбой.

А зиме давно уже не спится.
Падает на землю новый снег.
Гонит со двора свою сестрицу,
Ускоряет свой победный бег.

Дни уже становятся короче,
Вновь задули сильные ветра.
Где же вы, мои шальные ночи?
Видимо, вас осень унесла.

Галина Пысина

Осень

Тиха, волшебна, с лапочками кошки –
Войдёт, и не заметишь. Уже здесь.
Я для неё открою все окошки:
«Входи. Тебе принадлежу я весь
И целиком к тебе я во внимании:
Попьём чайку и погрустим вдвоём».
Ах. Осень! Все – в очаровании.
Не только я сейчас пишу о том.
Ещё лишь только ты слегка коснулась
Своею кистью краешка небес –
И с вечера печально окунулась
В листву, чтоб изменился лес...
Поэт заметит нежные творения.
Предвидит он порывы буйных сил,
Когда у дамы-осени смятения
Заменяется спокойствием долин.

Амурские закаты

Ах, закаты, закаты амурские,
Вас красивее трудно сыскать!
Знать поэтому мы, люди русские,
Не желаем от них уезжать.
Постоянно мы к ним возвращаемся,
Хоть рассветы не хуже в Москве...
Но закаты, закаты амурские –
Сотни ватт миллионных во мне.
Удивительна спелость закатная
На Амур ниспадает с небес...
И такая она деликатная
Растекается нежно окрест.

Цвет такой, будто сок вишневый
Добавляет природа сама
И подмешивает лиловый
Голубичный цвет. Янтаря
В небе красочном Боже добавит...
Но недолго горят небеса...
И просторы амурские славит
Моя трепетная душа.
Я, бывает, от них убегаю,
Забываю о той красоте,
И за чем-то другим прилетаю...
Но Амур мне твердит о себе.
О себе чрез свои закаты,
Будто хочет меня обнять.
Во все окна свои плакаты
Все торопится посылать.
«Посмотри», – нежно шепчет под вечер. –
«Посмотри, как прекрасна пора...»
Я смотрю, будто множество свечек
В храм амурский приносит заря.

Осенний привет

Вставай, дорогая, – легонько вставай.
Своё одеяло в постель заправляй.
Пусть нежность природа подарит с утра.
Спокойствие, радость несёт детвора.
В заботах пройдут и денёчки зимы,
Чтоб холод её не заметили мы.
Ликует весною подснежников цвет...
Пока же я шлю свой осенний привет.

Покрова

Покрова! На Россию сошли Покрова.
Вновь и вновь повторяю я эти слова.
Богородица нам подарила Покров
Из надежды и веры на дом наш и кров.

И наполнила радостью эти минуты,
Перерезав решительно зимушке пути.
Бабье лето закончилось милостью вмиг
И под холод дождя это каждый постиг.

Со дня на день покроется снегом земля.
И исчезнут под ним и леса, и поля.
Обновятся под девственной белизной
Города и поселки отчизны родной.

Шугоход

Шуга шуршит и мечется
И шорохом своим
Как будто с нами шепчется.
Мы рядышком стоим
В ночной тиши на берегу
Своей родной реки.
«Я от зимы не убегу,
Не избегу шуги», –
Амур шагает в тишине,
Водой своей идёт,
И только лед собрав в себе
Зимою он замрёт.

8 ноября в Хабаровске

И вновь зима придет нежданно.
Нежданно нас завалит снег.
И на бульварах – так нагадано,
Автобус встанет, как на грех.
Мозаикой автомашин дорога
На берегах бульварных рек
Покроется во всех отрогах:
Подняться трудно в такой снег.
Народ, покорной вереницей,
Плетется среди снегов и вьюг
Дальневосточную столицей:
На север города ль – на юг.
Несет их ветер дальвостоком,
Готовя множество преград,
И каждый ждет в пути далеком
Случайных транспортных наград.
А ветер, снег, мороз трескучий
Угрозой шлют на люд недуг,
Который снежной грозной тучей
Повис с небес и рыщет слуг
Среди природных катаклизмов
В той беспросветной кутерьме
Какой-то дальней странной жизни,
Что так знакома с детства мне.

Елена Перевалова

За окном две рябины красоты несказанной

*Наталье Комоза С огромной
благодарностью за волшебные
семинары. спасибо тебе за твой талант,
твои знания и труд!
Спасибо, что ты вошла в наши жизни!*

За окном две рябины красоты несказанной,
А так хочется лета и побольше тепла.
Чтоб в пути по дороге моей, Богом данной,
Я любимой, счастливой, вдохновенной была!

Прохожу всю дорогу мою от начала.
Прям от самых истоков: далеко-далеко,
Чтоб по-новому струны души зазвучали
И по жизни идти мне вдруг стало легко.

Чтоб забыть про обиды свои – и сначала!
Чтоб открыться навстречу ветрам перемен!
Чтобы предков моих жизни опыт печальный
Потерял актуальность за давностью лет.

Чтоб в единстве с собой и единстве с Вселенной
Свою жизнь улучшать не боясь, не стыдясь.
Жить без чувства вины обновлённой и нежной
Каждой клеточкой к лучшему в жизни стремясь!

Надежда Суркова

Наводнение

В последние дни уходящего лета
По краю опять зарядили дожди.
Пожары бушуют, изводят планету,
А нас наводнение ждет впереди!

Амур разгулялся – за шесть уж отметка.
Водою покрылись его берега.
Рукой помахало дождливое лето.
Поплыли машины, дома и стога...

Пропал урожай, почернели деревья.
Где золото осени? Всюду вода!
Размыты дороги и тонут деревни –
Весь край захлестнула такая беда!

Осень пришла с затяжными дождями

Осень пришла с затяжными дождями.
Холодно, сыро, на сердце тоска...
Разницы нет меж ночами и днями,
И не плывут корабли-облака.

Небо зашторено серою тряпкой,
Дождь бесконечно идёт и идёт...
Тёплый халат надеваю и тапки.
Ветер за окнами нудно поёт.

Тополь роняет последние листья,
Голые ветви воздев к небесам.
Осень подкралась походкою лисьей.
Где её золото? Где чудеса?

Осенний вечер синей птицей

Осенний вечер синей птицей
Спустился тихо за рекой.
Ещё закат вдали кружится
И гладит лес своей рукой.

Стою у берега, люблюсь
Я танцем листьев в тишине.
За это осень и люблю я –
Минуты счастья дарит мне!

На клёнах красные кафтаны,
На солнце кудри их горят.
И ветер треплет неустанно
Расшитый золотом наряд.

К ним жмутся вербы и осины,
Лимонный цвет слепит глаза.
Донёсся плач вновь журавлиный,
Его забыть уже нельзя.

На горизонте мне навстречу
Летят по небу косяки.
Последний луч ласкает плечи.
Смотрю на птиц из-под руки.

И вот прощальный клич усталый
Растаял в небе. Тишина...
Исчезли стаи, их не стало.
Средь облаков плывёт луна.

Уж слетает желтый лист

А вот и осень. Воздух чист,
Туман над речкою клубится.
Уже слетает желтый лист
И в вальсе медленно кружится.

Под ноги стелется ковер,
Шуршит и в памяти рисует
Картинки прошлого, наш двор...
И вновь душа моя тоскует

О том осеннем ярком дне,
Когда ты в жизнь мою ворвался.
В любви признался сразу мне,
И в сердце ты навек остался.

Благословляю день и час,
Когда мы встретились с тобою.
Люблю, любила и сейчас
Пишу об этом я с любовью!

Георгий Разумов
Осенний романс

Вот и август ушёл. И унёс с собой запахи лета.
Землю кроет листья одеялом туманный сентябрь.
Ветер тихо поёт под коньком одинокою флейтой...
Слышу сказки из детства в печальных осенних дождях.

Власть таинственных глаз расцветающей майской порою
Полонила меня, увлекла в упоительный раж.
Что там было потом в этом бешеном танго со мною,
Я не помню совсем, все растаяло, словно мираж.

Жизнь неспешно ушла вместе с этим танцующим летом,
И её не вернуть, как ты этого, брат, ни желай...
Но я ей благодарен навеки лишь только за это,
Что в ней был обжигающе-бешеный май!

Осень печальные ...

Осень печальные пишет картины,
Листья играют минорные гаммы,
Молча сижу в своем кресле старинном,
Зябко укутавшись плотно в пижаму.
Тихо мерцают поленья в камине,
В чашке уютно дымит кофеёк
И под влияньем осеннего сплина
Воспоминаний течёт ручеёк.
Где ж вы, весны босоное детство,
Лета минувшего буйные краски?
Минуло всё и остались в наследство
Осени тихой несмелые ласки.
И, как в двенадцатимесячной сказке,
Жизни ручей ускоряет свой бег...

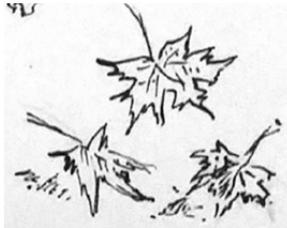
Осени тихой несмелые ласки
Сменит холодный безжизненный снег.

Октябрьский день...

Октябрьский день играет мне
Листвой осеннюю сонату...
Вот так и жил бы в этом дне,
Жаль, солнце клонится к закату.
А завтра новый день придёт,
В нём будет солнце, небо, люди,
Весна... и белый пароход.
В нём будет всё. Меня не будет.

Осенний пейзаж

Плеск волны и тихий ветра стон,
Тишина, и только слышен где-то
Серебристый колокольный звон –
Весточка от умершего лета.
Дождь косой, раскисшие дороги,
Голый сад и дремлющий погост,
Этот вид, осенний и убогий –
Лучший для меня пейзажный холст!

Валерий Симаков

**Кому то надо было
покалечить мировоззрение мое**

Вдруг мелкий дождь.
Все молоком покрылось.
Страна опять
У бездны на краю,
И сердце, как
Динамо, закрутилось,
И свет упал
На голову твою!
О, те года?!
Великая Отчизна,
В глазах маячит
Светлый образ твой.
Ну, неужели
Мало было жизни
И радости
Тогда у нас с тобой?
Схватив меня,
Мне вывернули плечи.
Все ведь иначе быть
Тогда в стране могло!
Кому-то надо
Было
Покалечить
Тогда
Мировоззрение
Мое!

Спасите журавля

*Композитору М.Журавлеву,
поэту В.Еращенко посвящаю*

На Дальнем Севере
В забытой богом тундре,
Где в мае снег еще,
Где самый край Земли,
У озера под крик гусей:
– Полундра!
Я вижу,
Как танцуют журавли.
О, эти танцы!
Танцы до упаду!
В движеньях –
Выражение себя.
Когда во мне
Нет сил с собой поладить,
В себе я слышу
Голос журавля.
Их с каждым годом
Меньше все и меньше,
Танцующих под
Музыку полей.
Я заклинаю вас –
Мужчин, мальчишек, женщин –
Не трогайте напрасно
Журавлей!
Пусть будет мир
Живыми существами
Наполнен доверху,
Как в древности Земля.
Я мысленно танцую
С журавлями,

Себя преображая
В журавля.
Возьмите под защиту –
Пусть не боги вы! –
Природу
От технических себя.
Уже по пальцам птиц
Считают орнитологи.
Экологи,
Спасите журавля!
Ты слышишь песнь?
Махнув на все крылами,
Танцуют птицы.
Небо словно тир...
Весной и осенью
Мы с вами провожаем
Летающих их
В потусторонний мир.

Ольга Суслова

Н.К. Бодаревский. Заблудилась Грибная пора

Альянс пера и кисти

Красно лето на исходе –
Приглашает по грибы.
Осень скоро на подходе –
Цвет меняется травы.

Но, пока ещё раздолье,
Можно бегать босиком
На поляну, в лес и поле
И с корзиной, туеском.

А грибочки, друг за другом,
Шляпки ставят на показ
И девчушка без натуги
Собирает целый час.

– Что такое, перелесок
Незнакомым стал, другим?
Ветки тянутся навесом,
Лес стеной стоит за ним.

Опустился страх до пяток –
Стало жутко на душе.
Что-то жуткое из сказок
Показалось ей, уже!

– Оглянись, девчушка, рядом
Вид просветов за спиной.
И найдёшь здесь, выход разом,
И вернёшься ты домой!

Осенний Хабаровск

Лист желтеет кудрявой рябины,
Поредел разрумяненный парк.
Рассыпаются листья рубином,
Ветер с ними играет, чудак.

А по улицам осень шагает –
На подарки щедра, без границ.
В позолоте Хабаровск сияет –
Он приветствует рыжую Мисс.

А она зашуршала нарядом,
На асфальт уронила платок,
И присела на лавочку, рядом,
Поправляя волос завиток.

Осень ждал город мой, не напрасно,
В непогоду и в дождик страдал.
Встреча с ней состоялась в день ясный –
Купол храма в лучах засиял.

Задурманила, бестия, мягкой,
Ускользящей, тёплой волной,
Птах кормила рябиной украдкой,
Одарённой плодами, рдяной.

Осенний Амур

В сизой дымке купаются сопки,
В тишине заблудилась волна –
Это в шалостях морока топких
Растворилась его седина.

Льётся свет в синеве полосою,
Улыбнулась румянцем заря.
Морок выпал на травы росую,
Намочив яркий плащ сентября.

Еле слышно дыханье Амура,
Чешуёй заискрилась река.
И закрасил хребтов шевелюру
Рыжим цветом рассвет, без труда.

Осень в лесу

На корточки присела тень
Меж сосен равнодушных.
Хмельной и тёплый бродит день –
Ему совсем не скучно.

Дурманит терпкий аромат
С упавших листьев клёна.
Сверкает золотой наряд
Берёзы, что у склона.

А я вхожу в осенний лес –
Плащ сполоха трепещет,
В смятенье вся листва окрест,
Сусальным гляncем блещет.

Шепчу я Осени слова:
– Мне жаль, что ты уходишь.
Приход объявят холода,
И ты прогнать не сможешь.

В багрянце осень

В багрянце осень распалилась,
Горя, без суеты реприз,
Лазурь в улыбке появилась –
Исчез её дождей каприз.

И каждый день наряды ярче,
Вернулось бытие надежд,
И не должно быть всё иначе,
Ведь воздух стал настолько свеж!

И тихо падал лист на плечи,
Влюблённой паре во дворе,
Не замечая алый вечер –
Признание слушал в октябре.

По Амуру шагала упрямо

Объявилась зима что-то рано,
Бубенцом леденящим звеня,
По Амуру шагала упрямо,
Посреди полусонного дня.

Удивлялась шуге и торосам,
Норовистому нраву реки,
Рассыпала небесное просо
На разбитые в схватке куски.

В мозаичном раскладе осколки
Изумрудного, битого льда,
Приготовила будто для ёлки,
А под ними живая вода.

Все закрыла расщелины быстро –
Не играть бархатистой волне.
Гладь реки стало зеркалом чистым,
До весны будет спать в тишине.

В белый цвет краски все превратила,
Помогала ей в этом пурга,
И по руслу в село заспешила,
А свидетелем стала тайга.

Светлана Безрукова

Осень

Какая прекрасная, яркая, дивная осень!
Багрянцем и золотом лес отливает вдали...
А утром искрится на солнце морозная проседь...
Летят, окликая друг друга, на юг журавли

Они улетают, большие и гордые птицы!
А мы остаёмся. За что же нам эта напасть?
И хочется руки раскинув, кружиться, кружиться!
И в жёлтые, мягкие листья на землю упасть.

И хочется в лес! Там шиповник алеет на ветках
Шуршит под ногами. Стоят вековые дубы
И заяц оставил в валёжнике круглые метки
И просятся в руки осенние чудо-грибы.

Какая прекрасная, яркая, дивная осень!
Летят, окликая друг друга, на юг журавли.
А утром искрится на солнце морозная проседь...
И грустно немного и хочется сердцу любви!

***

Интересно жить, когда ты создаёшь!
Интересно жить, когда мечтаешь ты!
Интересно жить, когда душой захлёб поёшь,
И когда растишь другим цветы!
Интересно, если не один ...
Когда рядом лучшие друзья!
Если сам себе ты господин,
И здорова, счастлива семья.

Галина Усова

Осенний миг

В осенней тишине не скроешь
Задумчивость и нежный шаг...
Под пологом янтарных веток
нас радовал осенний маг...

То шорохом листвы багряной,
то листопадным ветерком,
в сиянии лучей упрямо
ласкал нас трепетным теплом.

В осеннем вираже, как в танце,
кружится оставляя след,
вихрастый фейерверк из красок,
опавших листьев на земле.

Осенний маг, чудес мгновенья!
Оставил в памяти моей
наряд, как янтаря творенье,
и упоенье кратких дней.

Он разукрасил лес и парки,
рябины красочны зонты,
и красные калины платья
роскошны от ризной листвы.

А небо голубым опалом
невинно, молчаливо ждёт,
когда же маг ещё подарит
и перламутровый восторг.

Мемориальная страничка – поэтам Дальнего Востока посвящается.

В городе президентского внимания

(по материалам книги Л.Смирновой)

Город юности – Комсомольск-на-Амуре, богат литературными талантами.

В городе много лет существовала и существует писательская ячейка – выразимся так об этой писательской группе. Значительная их часть – членов Союза российских писателей и его Дальневосточного межрегионального отделения, которое создал и возглавил на Дальнем Востоке Виталий Захаров (1939-2013).

Пересторонин Гранит Фёдорович (11.01.1931-04.10.2018) был членом этого писательского союза.

Гранит Федорович ушел из жизни на 88 году, сохранив до последних дней активную жизненную позицию.

Много лет Гранит Федорович возглавлял Комсомольскую-на-Амуре Общественную Писательскую организацию им. Г.Н.Хлебникова (1992-2002гг), которая возникла после распада СССР.

По основной специальности он был судостроителем, но на протяжении своей жизни занимал одно из значительных публичных мест культурной жизни города и завода им. Ленинского комсомола. Стихи, проза, басни, песни, очерки Гранита Фёдоровича известны широко за пределами Хабаровского края многим поколениям людей.

Его литературные труды в изданных книгах и периодике нашли своё достойное место в школьных и

публичных библиотеках городов всего Забайкальского края, в Краеведческом музее Комсомольска-на-Амуре.

Много лет назад усилиями Г.Ф. Пересторонина, ставшего главой писательского актива, была создана Организация, именем которой пользуется до сих пор поколение молодых, творчески одарённых комсомольчан, они вправе называться продолжателями литературных традиций уходящих поколений писателей.

Немного, две недели, не дожил Гранит Федорович до презентации книги Л.Смирновой «Эпизоды из жизни мальчика Грани», – книги о нем, необычайном человеке, поэте с необычным именем. Презентация состоялась 19 октября 2018 года.

Эту книгу Л.Смирнова писала, получая сведения о жизни «мальчика Грани» непосредственно из уст Гранита Федоровича.

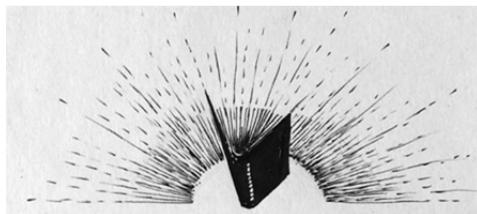
Выдержки из книги можно прочесть на страничке автора Л.Смирновой (Проза ру),

Печатный вариант книги можно приобрести в городе Комсомольске-на-Амуре.

Есть книга и в нашей писательской организации – ХРО РСР.

Интересная биография у Гранита Федоровича – история страны прошла через всю его долгую жизнь, закончившуюся в городе юности 4 октября 2018 года.

Ниже – стихи Гранита Пересторонина.

Поэзия

Поэзия – живое чувство
Огонь души в созвездьях слов,
Родник, питающий искусство
И совесть чистую эпох...
Проникновенна, словно вирус,
Меж континентами, как мост,
Душе не свойственной на вырост,
Она дает духовный рост.
Поэты – мастера от Бога,
Ее творят, и связь времен
Не прекращается в итоге,
Как и бессмертье их имен...

Поэт

Забившись в угол пишет,
Он, впрямь, в душе поэт,
Никто его не слышит,
Его в изданиях – нет!
Под производства гул
Следит, чтобы в тетрадку
Никто не заглянул.
Девичий образ яркий
Навеял много строк,
Да, за работой жаркой
Все записать не смог.
Но стало в цехе тише,
Все на обед ушли,
И он сейчас напишет,
Как любит Натали!
Стоят станки их рядом,
За смену столько раз

Встречаются их взгляды,
Прочнее эта связь...
В рабочем общежитии
Не гаснет долго свет.
Когда, друзья, вы спите –
Творит стихи поэт!

День знаний

Словно унесли на крыльях птицы
Лето за леса и за моря...
Первая осенняя страница
Смотрится светло с календаря...
Празднично детей встречает школа,
Много умных и пытливых глаз.
В этот день для шумных и весёлых
Двери открывает каждый класс.
Трудно привыкая к распорядку,
В круг забот войдут ученики,
И не сразу школьная тетрадка
Мастерство почувствует руки.
Будут здесь открыты и победы,
Многозначный, непростой урок,
В Космос полетят за кем-то следом,
На простор космических дорог...
Первооткрывателей уважают,
Помянут на форумах не раз...
И о дружбе школьных дней расскажут,
Чтоб огонь их дружбы не погас...

Молодым

Любите, Родину, любите!
Любовью верной на века,

Со славой звонкою в зените,
Иль слабой, немощной пока...
Любите реки и озера,
Леса, прилеты журавлей,
И землю-матушку опору,
Для межпланетных кораблей.
И, все, что создано дедами:
Дома, сады, родную речь, –
Стремитесь ревностно с годами
И преумножить, и сберечь.
Ты красотой своих поступков
Стань вровень с теми, кто сумел
Прославить край тем неотступным
Свершеньем самых важных дел...
Расти российским патриотом,
Твои мечты, их корни здесь,
И все красоты, как высоты,
Они – твоя любовь и есть...

Я с наслажденьем думаю о Вас

Когда заря засветится румянцем,
Восток украсит в тихий, ранний час,
Амура волны пляшут, словно в танце,
На берегу я думаю о Вас...
И в час, когда я в сложном техпроцессе
Нашел решение – производство спас,
На жизнь смотрю с особым интересом,
И в этот миг я думаю о Вас...
Проходит день и наступает вечер
Закат за зданьем медленно погас,
Как будто мне совсем заняться нечем,
Я с наслажденьем думаю о Вас...

Восход над Амуром

Рассвет над Амуром все выше,
Сильнее и шире рассвет,
Спешит, пробегая по крышам
Ночи, уходящей вслед.

А следом пробился румянец
Над сопкам алой зари,
Ручной непоседливый глянец
Причудливым светом горит.

Заря над Амуром все жарче,
В сто тысяч свечей небосвод.
Степенно, красиво по-царски,
Божественно Солнце встает.

И птичьи сливаются хоры
В один многозвучный хорал.
С мелодией раньше, с которой
Не раз Край родной ликовал...

Амур – это чудо живое,
Взывает он к людям – беречь!
Невольно чарует собою,
И все с ним богаче от встреч.

И строй, словно, волн золотых
Идет рядом в ряд на парад,
В едином порыве сплоченных,
На солнце, блестя от наград.

Не раз мне событие такое
Увидеть пришлось наяву:
Восход над великой рекою.
Богат, что с ней я рядом живу!

Женщины Вам так к лицу улыбки

Женщины Вам так к лицу улыбки.
В буднях переменчивых забот
Улыбайтесь, не боясь ошибки,
Мода на улыбки не пройдёт...
Словно в них божественная сила
Радует вокруг всех и бодрит.
Знаю, как они легко ранимы,
Как на крыльях бабочек пыльца.
Грубость, зависть не проходят мимо
Искажают прелести лица...
Вас природа щедро наделила
Будто бы игрой небес-зарниц!
Пусть ничто улыбок Ваших милых
Не погасит в солнцах милых лиц...

Вместо эпилога – об авторах данного выпуска:

1. *Елена Крадожен-Мазурова*, член РСП, кандидат филологических наук, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

2. *Надежда Суркова*, член РСП, художник-иллюстратор, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

3. *Изольда Казанова*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

4. *Лидия Смирнова*, член РСП, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

5. *Ольга Бунина*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

6. *Ольга Сулова (авторское имя)*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

7. *Антонина Кухтина*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

8. *Людмила Скрипченко*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

9. *Георгий Разумов*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

10. *Галина Пысина*, член РСП, выпускник ВЛК Литинститута (г.Москва). участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

11. *Борис Марков (авторское имя)*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов;

12. *Татьяна Модестова*, член РСП, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

13. *Елена Перевалова* член РСП, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

14. *Валерий Симаков*, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

15. *Татьяна Эхо (авторское имя)*, член РСП, профессиональный художник, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

16 Алла Давидович (авторское имя), член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

17 Тамара Коваль, член РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

18 Сергей Бойченко, член РСП, участник литературных конкурсов, имеет изданные книги;

19 Лидия Люсяя, автор впервые публикуется в альманахе;

20 Игорь Мосин кандидат в члены РСП, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

21 Светлана Безрукова, автор стихов, участник литературных конкурсов;

22 Станислав Щетинкин, автор стихов и прозы, участник литературных конкурсов;

23 Галина Усова, автор стихов, имеет изданные книги;

24 Виктор Тюменцев, автор стихов, участник и лауреат литературных конкурсов, имеет изданные книги;

25 Гранит Пересторонин (11.01.1931-04.11.2018), автор стихов и прозы, руководитель литературного объединения прошлых лет, имеет изданные книги.

26. Всеволод Сысоев (24.11.1911-07.04.2011), член СПР, дальневосточный писатель-натуралист, во всех отношениях продолжатель дела В.К.Арсеньева, внесший свой значительный вклад в культуру всего Дальнего Востока;

27 Михаил Задорнов (21.07.1948-10.11.2017), известный автор литературных произведений, эстрадный артист, сатирик.

Библиографическое приложение

Предисловие

[1] *Всеволод Петрович Сысоев* родился 24 ноября 1911 года в Харькове. Детство прошло в Крыму. Юный Всеволод зачитывался книгами о знаменитых путешественниках и натуралистах, окончил школу в Ялте. В 1932 году по комсомольской путёвке приехал в Москву, поступил в институт имени Баумана. Но «мрачные, лишённые свежего воздуха аудитории» пришлись ему не по душе, и вскоре он перевёлся во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства, где в 1937 году получил диплом охотоведа-биолога. Охотовед по профессии, натуралист с широким кругозором по призванию, Сысоев стал инициатором работ по акклиматизации и расселению промысловых животных. Благодаря ему, на огромных пространствах Дальнего Востока, от Анноя до Колымы появились соболь, бобр, норка. Ондатра. В 1955 году Всеволод Петрович вынужден был оставить управление охотничьим хозяйством. Он стал преподавателем, а затем деканом географического факультета Хабаровского пединститута., занялся более глубоким изучением природы и проблем, связанных с обитанием зверя в дальневосточной тайге. Написал и опубликовал ряд научных трудов, популярных очерков, статей. Вместе со студентами им были обследованы бассейны рек Амур, Мокрохон, Улья, Олчон. Он прошёл по нехоженным тропам северных районов края. В результате этих экспедиций появилась книга «Природа и хозяйство Кур-Урмийского района». Особая страница в жизни – Хабаровский краеведческий музей. директором которого Сысоев был с 1960 по 1972 год. Его музейная деятельность началась в 1960 году за рабочим столом Арсеньева – кумира детских лет. Много сделал Всеволод Петрович для того, чтобы в музее появился уголок, посвящённый этому знаменитому путешественнику и исследователю; были сохранены личные вещи, принадлежавшие Арсеньеву и подлинный отчёт об экспедиции 1927 года в Советскую Гавань. В музее хранится и демонстрируется множество экспонатов, доставленных сюда Сысоевым, в том числе редчайшая птица чешуйчатый крохаль, добытая им лично, и речная раковина с крупной жемчужиной. При Сысоеве музей обрёл вторую жизнь, в 1967 году он был удостоен звания «Лучший музей СССР».

Был знаком с такими известными династиями амурских тигроловов как Черепановы и Богачёвы. Он лично принимал участие в поимке свыше 70 тигров. Все отловы производились строго по госзаказу и осуществлялись при помощи рогатин и верёвок. Данную технологию он многократно описывал в своих книгах Будучи активным и жизнедеятельным человеком, Всеволод Петрович до последних дней вёл активную общественную работу. Он был частым гостем среди школьников и студентов

Заслуженный работник культуры России

Почетный гражданин города Хабаровска

Почетный профессор

Писатель-краевед

Член Союза писателей СССР с 1967г

Лауреат почётного знака Правительства Хабаровского края «За заслуги» к 150-летию со дня подписания Айгунского договора.

Грамоты:

Президиума Верховного Совета РСФСР

Правления Союза писателей СССР «За литературную работу»

Хабаровской краевой Думы «За сохранение природы».

Пожизненная стипендия Губернатора Хабаровского края «За вклад в развитие культуры края».

Награды:

Орден Отечественной войны 2 степени

Медали «За победу над Японией»

Орден Почета

Увековечен:

1997г – Международный географический центр в Кембридже занес биографию В.П. Сысоева во Всемирную Британскую энциклопедию «Выдающиеся люди планеты»

«500 золотых страниц о животных» – внесена фамилия В.П. Сысоева наряду с другими писателями, такими как Бианки и Пришвин

Зоосад «Приамурский» носит имя В.П. Сысоева

Один из горных хребтов Сихотэ-Алиня носит имя В.П. Сысоева

Памятная доска, посвящённая Всеволоду Сысоеву – на здании Хабаровского краеведческого музея имени Н.И. Гродекова.

В краевом архиве создан личный фонд В.П. Сысоева.

Литературные труды:

- «Охота в Хабаровском крае»;
«Охота в дальневосточной тайге»;
«Тайга»;
«Тигроловы»;
«Записки дальневосточного натуралиста (следопыта)»;
«Амба»;
«В северных джунглях»;
«В дальневосточной тайге»;
«Амурские звероловы»;
«Удивительные звери»;
«Золотая Ризма» т.1, «Последний барс» т.2
«Хозяин Малого Хингана»;
«Путешествие по музею»,
«Избранное» в 3-х т.т.
В соавторстве с В.Клипелем:
«В горах Баджала»;
«За чёрным соболем»;
«Светлые струи Амгуни».

Раздел 1 Проза

Часть 1 Публицистика

Елена Крадожен-Мазурова

Прикладная лингвистика: некоторые вопросы проведения судебных лингвистических экспертиз в гражданских исках по защите чести и достоинства

[1] зарегистрирована Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, рег. № 14127

[2] под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;

[3] Е.И. Галяшина 2006:96 .

[4] А.Н. Баранов, 2007 .

[5] РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000).

[6] 7: Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 400 с.

[7] Малый академический словарь – Словарь русского языка: в 4-х т. /АНСССР, Ин-т рус.яз./ под ред. А.П. Евгеньевой4Ж, – 3-е изд.стереотип. – М.:Рус. яз., 1985-1988; Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., допол. – М.: Азбуковник, 2000;

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.:Эксмо, 2007 и другие словари.

Часть 2 Документальная проза

Михаил Задорнов

Глава из книги «Слава роду!»

[1] Задорнов Михаил Николаевич (21 07 1948-10 11 2017) имеет государственные и профессиональные награды:

– 1975 – Премия Ленинского комсомола за художественное руководство, работу как режиссёр-постановщик и актёр в студенческом театре «Россия» (МАИ).

– 1979 – Премия «Золотой телёнок» «Литературной Газеты» («Клуба 12 стульев»).

– 1996 – Лауреат Кубка Аркадия Райкина на фестивале «MORE СМЕНА» в Риге (как победа в конкурсе иногда в награды не включается).

– 1999 – Премия «Овация».

– 2011 – Премия «Слово к народу», учреждённая газетой «Советская Россия».

– 2012 – Медаль ЦК КПРФ «90-летие образования СССР»

В честь М.Задорнова назван астероид (5043) Задорнов, название дано крымским астрономом Людмилой Черных.

Установлена мемориальная памятная доска на одном из зданий Московского Авиационного института (МАИ).

[2] Михаил Задорнов «Слава роду! Этимология русской жизни». – М.ЗАО Издательство Центрполитграф, 2015. – 255с.

Раздел 2 Конкурсные работы

2018г

Борис Марков (город Хабаровск)

О героях, парходах и человеках

[1] В.В. Маяковский, «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»

[2] Дипломатическая почта, пользующаяся неприкосновенностью.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
    - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
    - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
    - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
  - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
    - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
  - 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
  - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + Набор, верстка, корректура и редакция текстов.
+ Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).
– Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

ПРИТЯЖЕНИЕ-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 4(11)

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 20.02.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,75. Тираж 50 экз. Заказ 42.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»